

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA V

РЕСПУБЛИКА СЛОВЕНИЯ: ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Москва
2023

УДК 94(47:497.4)
ББК 63.3(2)-6+63.3(4Сло)
С 48

Главный редактор:
д. и. н. *К. В. Никифоров*

Редколлегия выпуска:
к. и. н. *Н. С. Пилько* (отв. редактор)
к. и. н. *Л. А. Кирилина*
к. и. н. *Ю. В. Лобачева*

Рецензенты:
к. и. н., доцент *Л. В. Кузьмичева*
к. и. н., ст. н. с. *Н. В. Бондарев*

С 48 **SLOVENICA V. Республика Словения: путь к независимости** / гл. ред. К. В. Никифоров; редкол. выпуска: Л. А. Кирилина, Ю. В. Лобачева, Н. С. Пилько (отв. ред.). – М.: Институт славяноведения РАН, 2023. – 296 с.

ISSN 2618-8562

DOI: 10.31168/2618-8562.2023

Пятый выпуск альманаха *Slovenica* (издается с 2011 г.) приурочен к 30-летию независимости Республики Словения. Он содержит в себе материалы международной конференции «Республика Словения. Путь к независимости», состоявшейся в Институте славяноведения РАН в декабре 2021 г., а также статьи словенских и российских историков, пожелавших принять участие в этом выпуске. Собранные статьи посвящены различным аспектам и периодам истории и культуры Словении. Данный выпуск представляет интерес как для специалистов, так и для более широкого круга читателей.

SLOVENICA V. The Republic of Slovenia: The Path to Independence / ed.-in-chief K. V. Nikiforov. Editorial board of the issue: L. A. Kirilina, Yu. V. Lobacheva, N. S. Pilko (chief ed.). – М.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 296 p.

The fifth volume of the *Slovenica* almanac (published since 2011) is dedicated to the 30-th anniversary of the independence of the Republic of Slovenia. It includes the materials of the international conference «The Republic of Slovenia: the path to Independence», held at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in December 2021, as well as articles by Slovenian and Russian historians who wished to participate in this issue. The articles are devoted to various aspects and periods of the history and culture of Slovenia. This issue is addressed both to specialists and a wide audience of readers.

УДК 94(47:497.4)
ББК 63.3(2)-6+63.3(4Сло)

ISSN 2618-8562
DOI: 10.31168/2618-8562.2023

© Институт славяноведения РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Содержание

Предисловие.....	5
------------------	---

I. История

В. В. Котов

Взаимоотношения чешских и словенских сокольских обществ в начальный период их истории (1863–1872)	10
---	----

Л. А. Кирилина

Газета <i>Slovan</i> (1884–1887) о внутренней политике австро-венгерского правительства и национальных задачах словенцев	34
--	----

Й. Пирьевец

Итальянская оккупация и зарождение словенского движения сопротивления в 1941 г.	55
--	----

П. Бобич

Расколотый «Сокол»: сокольство и формирование национального подполья в годы Второй мировой войны.....	109
---	-----

И. Грдина

Опасения Сталина и Карделя относительно словенской интеллигенции	123
--	-----

Ю. В. Шахин

Литературная полемика 1956–1957 гг. о едином югославском критерии	142
---	-----

Ж. Осет

Словенская академия наук и искусств и ее сотрудничество с югославскими академиями наук и искусств (1938–1992).....	162
--	-----

Н. С. Пилько

Республика Словения – 30 лет независимости	182
--	-----

II. Культура и литература

Т. И. Чепелевская

Художественный взгляд на историю словенцев
и их будущее (на материале прозы И. Цанкара)..... 220

А. Г. Бодрова

Национализм и космополитизм в словенской
литературе XX в. 239

Н. Н. Старикова

Поэтика и политика: журналы *Perspektive*
и *Nova revija* как очаги инакомыслия..... 253

Ю. С. Мерецкая

Мюнхенская школа Антона Ажбе и особенности
его педагогического метода 269

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах
и переводчиках 293

Предисловие

Альманах *Slovenica* является специализированным изданием по истории и культуре Республики Словения и российско-словенским связям. *Slovenica* издается Институтом славяноведения Российской академии наук с 2011 г. Предложенный вашему вниманию пятый выпуск содержит в себе материалы конференции «Республика Словения. Путь к независимости», состоявшейся в Институте славяноведения в декабре 2021 г., а также работы российских и словенских исследователей, пожелавших принять участие в данном выпуске. Статьи охватывают широкий спектр проблем словенской истории и культуры XIX–XXI вв.

Материалы сборника поделены на два блока. Первый – «История» – открывает работа российского историка В. В. Котова, посвященная взаимоотношениям чешских и словенских сокольских обществ в 1863–1872 гг. Автор реконструирует процесс возникновения словенского общества Сокол, сыгравшего важную роль в национально-политической и культурной жизни словенцев Австро-Венгрии. В статье российской исследовательницы Л. А. Кирилиной, на основе публикаций газеты *Slovan* (1884–1887), анализируется ряд особенностей идеологии словенских радикалов: их отношение к внутренней политике правительства Э. Тааффе и деятельности умеренных словенских либералов (эластиков), а также их представления о задачах национального развития словенцев.

Словенский историк Й. Пирьевец любезно согласился опубликовать в нашем альманахе ряд разделов своей фундаментальной работы «Партизаны»¹, в которых рассматривается

---

¹ *Pirjevec J. Partizani*. Ljubljana, 2020.

история партизанского движения в словенских землях, оккупированных в 1941 г. Италией. Автор повествует о зарождении и развитии словенского Народно-освободительного фронта в этом регионе в 1941 – первой половине 1942 г., в частности – о его лидерах. Эта работа позволяет составить представление об отношении словенских партий, организаций и общественных групп к оккупационному режиму и политике итальянских властей в Люблянской провинции. В статье словенской исследовательницы П. Бобич рассматривается деятельность, созданной во время Второй мировой войны представителями словенского Сокола, альтернативной Народно-освободительному фронту военизированной организации «Сокольский легион», поддерживавшей югославское эмигрантское правительство. Также в статье раскрываются причины краха данной организации.

Работа словенского историка И. Грдины повествует о нескольких встречах словенского партийного функционера Э. Карделя с вождем Советского государства И. В. Сталиным и их беседах относительно будущего Словении и участия в его строительстве словенской интеллигенции. Проблеме создания так называемого единого югославского культурного критерия в середине 1950-х годов и развернувшейся вокруг литературной полемики посвящена статья российского исследователя Ю. В. Шахина. В очерке словенского историка Ж. Осета рассматривается процесс становления Словенской академии наук и искусств, а также ее дальнейшего развития в социалистической Югославии. Хронологически очерк охватывает период с 1938 по 1992 год.

Статья российской исследовательницы Н. С. Пилько посвящена истории становления и развития словенской государственности с 1991 по 2023 год. Автор прослеживает процесс образования словенских государственных институтов и их функционирование, дает характеристику словенской партийной жизни. В статье содержатся сведения о результатах парламентских и президентских выборов за 30 лет существования словенского государства. Своего рода это краткий очерк новейшей политической истории Республики Словения.

Второй блок – «Литература и искусство». Статья российского литературоведа Т. И. Чепелевской посвящена видению

Ивана Цанкара (1876–1918) исторического пути словенского народа и словенской модели мира, для характеристики особенностей которой избраны два концепта: дорога / путь и дом. Исследование российского филолога Н. Н. Стариковой дает представление о деятельности словенских литературно-критических журналов *Perspektive* (1960–1964) и *Nova revija* (1982–2010), со страниц которых в период существования Социалистической Федеративной Республики Югославия открыто звучала критика социалистической идеологии и этики, призывы к идейному и эстетическому плюрализму, что оказало существенное влияние на общественно-политическое сознание граждан Словении. Российская исследовательница А. Г. Бодрова на основе работ трех словенских писателей: И. Цанкара, А. М. Карлин, П. Главан, прослеживает взаимодействие национальной и космополитической тенденций в словенской литературе. Указанная проблематика анализируется в русле теории национализма, разработанной британским ученым Б. Андерсоном. В работе российского искусствоведа Ю. С. Мерецкой рассматриваются особенности педагогического метода словенского художника А. Ажбе и специфика художественной школы, открытой им в 1891 г. в Мюнхене, обучение в которой прошли и знаменитые русские художники.

Пятый выпуск альманаха *Slovenica* является результатом плодотворного сотрудничества российских и словенских ученых в изучении широкого спектра вопросов словенской истории и культуры. Данный сборник будет интересен не только специалистам по истории славянских стран, но и широкому кругу читателей.

Редколлегия

I. История

V. V. Kotov

Взаимоотношения чешских и словенских сокольских обществ в начальный период их истории (1863–1872)

V. V. Kotov

The relations between Czech and Slovenian Sokol clubs in the beginnings of their history (1863–1872)

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям чешских и словенских гимнастических обществ в период с 1860-х по начало 1870-х годов. История возникновения и распространения сокольского движения рассматривается сквозь призму культурных трансферов. Особое внимание уделяется миссии чешского гимнастического инструктора Яна Зденека Веселого, работавшего в Любляне в 1870–1872 гг. В ходе исследования были привлечены чешская, словенская и немецкая пресса, а также ряд других исторических источников.

Ключевые слова: славянская взаимность, словенский национализм, словенский спорт, сокольское движение, чешско-словенские отношения, Ян Зденек Веселый

Annotation: The article deals with the relations between Czech and Slovenian gymnastic clubs in the 1860s and early 1870s. The history of the launch and the spread of the Sokol (Czech and Slovenian for a «falcon») movement is analyzed from the perspective of cultural transfers. Special emphasis has been given to the mission of Czech gymnastic instructor Jan Zdeněk Veselý, who worked in Ljubljana from 1870 to 1872. The research is based on the analysis of Czech, Slovenian and German newspapers and magazines, as well as other primary sources.

Keywords: Czech-Slovenian relations, Jan Zdeněk Veselý, Slavic reciprocity, Slovenian nationalism, Slovenian sport, Sokol movement

Введение¹

Одной из наиболее значимых сторон модернизации или перехода от традиционного общества к современному стало распространение национальных идентичностей. Ряд исследователей отмечал определенную схожесть чешского и словенского национальных движений². Данная схожесть была связана не только с ограниченным подобием социально-экономических, культурных и политических условий развития названных движений в цислейтанской части монархии Габсбургов³, но также с их многосторонними взаимными контактами, которые в том числе затрагивали добровольные объединения.

В 1861 г. началась подготовка к учреждению чешского «Пражского гимнастического общества», которое вскоре получило название «Пражский Сокол». Составление устава этой организации стало отправной точкой формирования сокольской культуры. В середине 1862 г. чешские гимнастические общества появились за пределами Праги, что может быть определено как момент возникновения сокольского движения (сокольства). Уже в 1863 г. данное движение приобрело общеславянский характер – в этом году был учрежден словенский «Южный Сокол» в Любляне.

¹ Автор благодарит Томажа Павлина, Надежду Дмитриевну Котову и Кирилла Сергеевича Красовского за присланные научные работы по данной теме.

² *Мыльников А. С.* Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 11, 24, 46, 82–83; *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999. С. 17–18, 24–26, 31–32; *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19. století: společenské předpoklady vzniku novodobých národů. Praha, 1986. S. 250; *Hroch M.* Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů. Praha, 2009. S. 139–140, 163; *Rychlík J.* Slovinci a Češi v rámci Předlitavska (srovnání programů a postavení) // Češi a Slovinci v moderní době: politika – společnost – hospodářství – kultura. Praha–Ljubljana, 2010. S. 13–31.

³ Названия «Цислейтания» («земля до реки Лайты») и «Транслейтания» («земля за рекой Лайтой») были неофициальными обозначениями соответственно австрийской и венгерской частей монархии Габсбургов, которые использовались задолго до Австро-венгерского соглашения 1867 г. (Die Presse. 08.06.1861, 04.07.1861).

Степень изученности истории чешского сокольства в XIX в., включая его международные связи, представляется значительной⁴. Начальный этап истории словенских гимнастических обществ также привлекал внимание ряда исследователей как отправная точка распространения местного сокольства и спорта вообще⁵, как пример чешско-словенского культурного трансфера и значимая страница истории чешско-словенских отношений⁶ и, наконец, как фактор политической истории юга

⁴ *Jandásek L.* Tyršovo slovanství. Praha, 1947; *Nolte C. E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002; *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha, 2012; *Waic M.* Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha, 2013.

⁵ *Kessler W.* Der Sokol in den jugoslawischen Gebieten (1863–1945) // Die slawische Sokolbewegung: Beiträge zur Geschichte von Sport und Nationalismus in Osteuropa. Dortmund, 1991. S. 201–202; *Pavlin T.* «Escape from the Kitchen» – Physical Education and Sports among Women on Slovene Territory until World War II // Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války. Praha, 2003. S. 275–276; *Pavlin T.* «The duty of a Sokol is to yet again step into the national front line» (Sokol movement in Slovenia – 150th anniversary of Južni Sokol) // Science of gymnastics journal. 2013. № 3. P. 6–7; *Pahor M.* Sokol v Trstu in Tržaška sokolska župa // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 47; *Podpečnik J.* All you need is a red shirt and cap, and you are Sokol! // Science of Gymnastics Journal. 2014. № 3. P. 61–68; *Podpečnik J.* Ljubljanski Sokol in slovensko sokolsko gibanje do prve svetovne vojne // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 8–18.

⁶ *Чанка Ф.* Начальный этап развития физкультурного движения «Сокол» в чешских землях и славянство // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2013. Вып. 11. С. 36, 39; *Jordan F.* Češi a Slovinci v 19. a na začátku 20. století (jejich vztahy veřejné a politické) // Otázky dějin střední a východní Evropy. Brno, 1971. S. 271; *Mejstříková L.* Slovinské sokolstvo a slovanské sokolské aktivity v období od 60. let 19. století do počátku první světové války // Lidé Města 10. Česko-jihoslovanský dialog. Praha, 1996. S. 42–43; *Pavlin T.* «Slovensko sokolstvo je samo po kroju in imenu podobno češkemu...» // Evropski vplivi na slovensko družbo. Ljubljana, 2008. S. 155–163; *Rychlík J., Tonková M., Hladký L., Kozár A.* Dějiny Slovinska. Praha, 2011. S. 119, 340; *Stergar R.* Jan Zdeněk Veselý's Year in Ljubljana: A Story of Cooperation of Czech and Slovene Sokols // Per saecula ad tempora nostra. Sborník prací k šedesátým narozeninám prof. Jaroslava Pánka. Praha, 2007. S. 720–724; *Stergar R.* Prišel, videl in ... obupal (Jan Zdeněk Veselý in ljubljanski sokoli) // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 36–46; *Šesták M.* Češi a Jihoslované v habsburské monarchii v letech 1850–1890 // Češi a Jihoslované v minulosti: Od nejstarších dob do roku 1918. Praha, 1975. S. 485–486.

Центральной Европы⁷. Первые шаги словенского соколизма ранее неоднократно упоминались в работах российских историков-словенистов⁸, однако не стали предметом специального изучения. В данной статье эта тема рассматривается под углом чешско-словенских связей, при этом особое внимание уделяется миссии чешского гимнастического инструктора Яна Зденека Веселого (1850–1890), работавшего в Любляне в 1870–1872 гг. Были привлечены такие источники, как чешская, словенская и немецкая пресса, издания немецких гимнастов, а также чешская и словенская сокольская литература (включая издания из словенского раздела фонда «Сокол» Архива истории физического воспитания и спорта чешского Национального музея).

Возникновение и распространение сокольского движения в чешских и словенских землях⁹

Появление сокольского движения представляется результатом чешско-немецкого культурного трансфера, который также может быть рассмотрен как германо-австрийский. Немецкое

---

⁷ *Dorigo S.* Gli albori delle associazioni ginniche Sokol a Trieste e dintorni (1869–1870) // *Qualestoria. Rivista di storia contemporanea.* 2021. № 2. S. 225–241; *Matić D.* Sokolski eksces ali pretep v Šantlovi veži // *Zgodovina za vse.* 1999. № 6. S. 13–24; *Vodopivec P.* Die Entwicklung des nationalen und politischen Organisationswesens in Krain // *Die Habsburgermonarchie 1848–1918.* Wien, 2006. Bd. VIII/1. S. 516.

⁸ *Кирилина Л. А.* Словенцы в период неонабсолютизма // *Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.* Очерки. М., 2018. С. 63–64; *Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении. СПб., 2011. С. 213, 216–217; *Чуркина И. В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М., 2017. С. 225; *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 180–181.

⁹ Распространенные в историографии термины «чешские» и «словенские» земли имеют применительно к изучаемому периоду анахроничный характер, так как между их составными частями не существовало особой административной связи, а многие их жители не идентифицировали себя как представителей соответствующих наций и не владели славянскими языками. В связи с этим ниже данный термин используется в сочетании с определением «так называемые».

турнерское движение, объединявшее гимнастические занятия и приверженность идеологии национализма, возникло в начале 1810-х годов на фоне поражений Пруссии от наполеоновских войск. Под «гимнастикой» в рассматриваемый период подразумевалась вся палитра осознанной физической активности, направленной на улучшение состояния организма и развлечение, т. е. спорт в его широком понимании, не предполагающем акцент на соревновании. Постепенно сформировались особая турнерская культура, включавшая собственную гимнастическую систему и ряд практик, символов и идей – от ношения серой униформы до приветствия «Gut Heil!», которое можно условно перевести как «Здорово!». Распространение отдельных элементов данной культуры в так называемых чешских землях началось еще в 1840-е годы. Основными проводниками этого трансфера были институт богемского земельного¹⁰ преподавателя гимнастики и пражские частные гимнастические школы. Значимыми также представляются подобные учреждения в других городах чешских земель, проникновение идеи о пользе гимнастики в педагогические и медицинские круги, а кроме того – опыт немногочисленных добровольных гимнастических обществ 1840–1850-х годов, которые, однако, осуществляли свою деятельность тайно или на протяжении короткого периода.

Возникновению первой сокольской организации предшествовала неуспешная попытка создания совместного чешско-немецкого гимнастического общества в Праге во второй половине 1861 г. Эта попытка была связана с завершением периода неоабсолютизма в Австрии и подъемом турнерского движения во всей Центральной Европе в начале 1860-х годов. Данный подъем проявился в учреждении множества новых «Турнферайнов» (гимнастических обществ) и проведении многотысячных Турнфестов (гимнастических фестивалей) в Кобурге в 1860 г., в Берлине в 1861 г. и Лейпциге в 1863 г. В мае 1861 г. нижнеавстрийским

---

¹⁰ Под словом «земельный» автор понимает «относящийся к одной из австрийских коронных земель (территориально-административных единиц верхнего уровня в составе монархии Габсбургов)».

наместничеством был утвержден устав «Турнферайна» Вены, и в августе того же года его представители также посетили всенемецкий Турнфест.

Реагируя на новости из столицы монархии Габсбургов и из соседних государств, жившие в так называемых чешских землях любители гимнастики также начали образовывать добровольные общества. «Утраквистское»¹¹ предприятие в столице Богемии потерпело неудачу, повторив сценарий развития ряда подобных инициатив, в ходе реализации которых вопрос о рабочем языке стал причиной конфликта. В итоге были учреждены отдельные немецкая и чешская гимнастические организации. 27 января 1862 г. был утвержден устав чешского общества, а 16 февраля прошло учредительное собрание его членов. Выбранный в качестве символа образ сокола имел южнославянское происхождение¹². Идея славянской взаимности с самого начала входила в набор ценностей «соколов», благодаря чему движение распространилось среди представителей всех славянских наций¹³. Характерно, что одной из любимых песен чешских гимнастов был словенский марш «Naprej zastava slave»¹⁴, а само слово «Naprej» («Вперед») заканчивало текст программной статьи «Наша задача, направление и цель» (1871) главного идеолога «соколов» Мирослава Тырша (1832–1884) и встречается в других его работах¹⁵.

---

¹¹ Термин «утраквизм» означал в чешском политическом лексиконе XIX в. немецко-чешское двуязычие. Он отсылал к гуситским войнам XV в.: его возникновение было связано с религиозной практикой «приращения под двумя видами» (лат. «communio sub utraque specie»), т. е. хлебом и вином.

¹² Подробнее см.: *Котов В. В.* Южнославянско-чешский культурный трансфер образа сокола как формы репрезентации нации // Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе. Сб. науч. статей. М., 2020. С. 61–88.

¹³ Подробнее см.: *Котов В. В.* Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения) // Русин. 2022. № 69. С. 233–255.

¹⁴ Národní listy. 22.08.1862.

¹⁵ Sokol. 1871. № 1. S. 4, № 14. S. 110, 1872. № 1. S. 2.

Летом 1862 г. инициатива по созданию гимнастического общества также возникла в Любляне¹⁶. При составлении устава использовался учредительный документ венского «Турнферайна»¹⁷. В целом, известные источники не дают оснований предполагать, что в этот период чешские гимнасты уже воспринимались в столице Крайны в качестве образца. На это малоизвестное обстоятельство обращал внимание словенский историк Томаж Павлин, ссылавшийся на работы Виктора Мурника (1874–1964), лидера словенских «соколов» первой половины XX в.¹⁸ Хотя в 1862 г. информация о «соколах» из Праги и богемских городов Яромерж и Колин была опубликована в немецкоязычных газетах, издававшихся в Любляне, Граце и Мариборе¹⁹, первое известное автору упоминание чешских гимнастов в словенской прессе появилось лишь зимой 1863 г.²⁰ В историографии также встречается предположение о влиянии на люблянскую инициативу словенских студентов, обучавшихся в Праге, однако, оно не подкреплено ссылками на источники²¹.

Главными инициаторами учреждения организации являлись представители люблянского сообщества любителей гимнастики (лидером которого был Штефан (Штево) Мандич (1813–1880), чиновник местного магистрата) и общественные деятели, разделявшие националистические идеалы²². Такое

¹⁶ *Podpečnik J.* Ljubljanski... S. 11; Poročilo tajnikovo v občnem zboru Južnega Sokola 29. decembra 1864. Ljubljana, 1864. S. 1 (Archiv dějin tělesné výchovy a sportu (Národní muzeum) (далее – ATVS NM), fond Sokol, karton 57, № 1395).

¹⁷ Novice gospodarske, obrtniške in narodne (далее – Novice). 21.10.1863.

¹⁸ *Pavlin T.* «Slovensko... S. 161.

¹⁹ Correspondent für Untersteiermark. 08.06.1862; Laibacher Zeitung. 08.10.1862; Tagespost. 23.08.1862–24.08.1862.

²⁰ Novice. 18.02.1863. Также см.: Naprej. 02.06.1863.

²¹ *Jandásek L.* Op. cit. S. 55; *Stergar R.* Jan Zdeněk Veselý's... S. 720.

²² Historično-statistični pregled delovanja telovadnega društva «Sokola» od začetka svojega obstoja, to je od leta 1862 do začetka leta 1871. Ljubljana, 1871. S. 2–3 (ATVS NM, fond Sokol, karton 57, № 1398); *Pavlin T.* «Slovensko... S. 161; Petindvajsetletnica Sokola: 1863–1888. Ljubljana, 1888. S. 6–7, 12.

сочетание привело к тому, что, как и в Праге, попытка создать двуязычное общество не имела успеха²³. 25 сентября 1863 г. были утверждены уставы словенского «Южного Сокола» и немецкого «Турнферайна», которые провели учредительные собрания соответственно 1 и 11 октября²⁴. К этому моменту в Богемии уже существовало более 10 сокольских обществ²⁵. В 1865 г. возник филиал «Южного Сокола» в городе Крань²⁶, а общее число словенских «соколов» составило около 200 человек²⁷. Следует отметить, что на протяжении всего изучаемого периода чешское сокольство значительно превосходило словенское по своему масштабу. Это было связано с разным количеством носителей чешской и словенской национальных идентичностей, разделявших интерес к гимнастике и обладавших соответствующими материальными возможностями.

В 1867–1868 гг. люблянские «соколы» стали объектом пристального внимания как значительной части своих чешских «братьев», так и других представителей интересующихся политикой кругов цислейтанского общества²⁸. Во второй половине июля 1867 г. на ночных улицах Любляны произошло два конфликта, в которых приняли участие местные «соколы» и «турнеры». Немецкая и словенская интерпретация этих событий различались²⁹. В чешской националистической прессе была представлена словенская точка зрения, возлагавшая вину на немцев и оправдывавшая проступки «соколов»³⁰. Последствиями второго из этих столкновений стали роспуск «Южного Сокола» в начале августа 1867 г.³¹, уход бессменного главы организации

²³ Correspondent für Untersteiermark. 25.09.1862.

²⁴ Laibacher Zeitung. 30.09.1863.

²⁵ Národní listy. 20.10.1864.

²⁶ Novice. 25.01.1865, 12.04.1865.

²⁷ Tyrš M. Statistický přehled jednot Sokolských pro rok 1866. Praha, 1867. S. 33, 36.

²⁸ Matič D. Op. cit.

²⁹ Die Presse. 31.07.1867; Novice. 31.07.1867.

³⁰ Národní listy. 03.08.1867, 09.08.1867; Národní noviny. 28.70.1867.

³¹ Fremden-Blatt. 07.08.1867.

Этбина Хенрика Косты (1832–1875) с занимаемого им с 1864 г. поста бургомистра (жупана) Любляны в сентябре 1867 г.³² и судебный процесс в марте 1868 г., по итогам которого ряд «соколов» был приговорен к различным тюремным срокам (наиболее длительный – 5 месяцев)³³. В ноябре 1867 г. началась подготовка к воссозданию общества³⁴. В начале февраля 1868 г. был утвержден устав новой словенской организации под названием Люблянское гимнастическое общество «Сокол»³⁵, а 16 февраля состоялось учредительное собрание его членов³⁶.

В Богемии и Моравии в 1866 г. число чешских гимнастических обществ составляло примерно 20 (в них было менее 2 тыс. членов), а к концу 1871 г. оно увеличилось до 120 (более 10 тыс. членов)³⁷. В итоге «сокольи» начали численно превосходить местных немецких турнеров, имевших заметный перевес в первой половине 1860-х годов. Период быстрого роста был связан с подъемом всего чешского национального движения, активизированного заключением Австро-венгерского соглашения в марте 1867 г., а также с благоприятной экономической конъюнктурой и либерализацией законодательства.

Эти факторы также оказали влияние на развитие так называемых словенских земель: к 1871 г. число населенных пунктов в герцогстве Крайна, в которых было представлено сокольское движение, достигло пяти. К «Гореньскому Соколу» («Сокол Верхней Крайны»), образованному в 1870 г. в Кране³⁸, присоединились филиалы люблянского «Сокола» в городах Постойна и Вишава, а

³² Ibid. 28.09.1867. До 1869 г. не имел преемника.

³³ Laibacher Zeitung. 16.03.1868.

³⁴ Novice. 27.11.1867.

³⁵ Laibacher Zeitung. 06.02.1868; Novice. 05.02.1868.

³⁶ Laibacher Zeitung. 18.02.1868; Národní listy. 23.02.1868; Novice. 19.02.1868.

³⁷ Sokol. 1871. № 9. S. 74, № 23. S. 185; *Kareis K. Srovnávací statistický výpis jednot sokolských s částí siloměrnou a mapou dle sčítání počátkem ledna 1871.* Praha, 1871. S. 5, 7, 96; *Tyrš M. Statistický přehled...* S. 38, 40–41; *Tyrš M., Čermák F. Sborník sokolský pro rok 1868.* Praha, 1869. S. 169–171, 176.

³⁸ Novice. 16.03.1870.

также в деревне Планина³⁹. Также имеются сведения о подобной инициативе в Камнике⁴⁰. Кроме того, в 1869 г. была предпринята попытка учредить «Славянское гимнастическое общество «Южный Сокол»» в Триесте, центральном городе Австрийского Приморья, однако его устав не был утвержден⁴¹. Что касается немецких гимнастов, в конце изучаемого периода «Турнферайны» осуществляли деятельность в Любляне и Триесте. Кроме того, известно о 2-х обществах в Каринтии и 4-х – в Штирии⁴².

Взаимоотношения чешских и словенских обществ до миссии Я. З. Веселого

Выбор названия «Южного Сокола» осенью 1863 г., очевидно, свидетельствовал о чешском влиянии. Ранее в июле «Пражский Сокол» получил письмо с сообщением о планах создать новое общество и просьбой прислать описание или фотографию сокольской формы⁴³. Известные источники не позволяют точно определить, был ли автором данного письма ведущий словенский политик Янез Блейвейс (1808–1881) или его сын Карел (1834–1909), однако более вероятным представляется второй вариант. В день учреждения словенской организации было принято решение использовать форму чешских гимнастов (включавшую в том числе красную рубашку и соколиное перо, вставляемое в головной убор), а также отправлена телеграмма «Северному Соколу» в «золотую Прагу»⁴⁴. Вскоре в словенской газете *Novice gospodarske, obrtniške in narodne* была опубликована статья историка Даворина Трстеняка (1817–1890) об эволюции образа сокола

³⁹ Historično-statistični pregled... S. 18–20, 26–27; Novice. 17.08.1870; Sokol. 1871. № 18. S. 147; *Kareis K.* Op. cit. S. 5. Данная деревня располагается на территории современной общины Постойна.

⁴⁰ *Kareis K.* Op. cit. S. 7.

⁴¹ Novice. 24.03.1869, 23.06.1869, 12.01.1870; *Dorigo S.* Op. cit. P. 225–241; *Pahor M.* Op. cit. S. 47.

⁴² Drittes statistisches Jahrbuch der Deutschen Turnerschaft. Leipzig, 1871. S. 106.

⁴³ *Jandásek L.* Op. cit. S. 55; *Národní listy.* 01.08.1863.

⁴⁴ Novice. 07.10.1863.

начиная с древних Индии и Египта⁴⁵. Представляется, что именно символы, такие как образ сокола и форма, стали первыми заимствованными элементами сокольской культуры: например, уже 28 ноября на первом праздничном вечере «Южного Сокола», его члены стали использовать приветствие «Na zdravje» – аналог чешского «Nazdar»⁴⁶. Кроме того, элементом формы люблянских гимнастов стала сокольская монограмма, составленная из занимающей центральное положение буквы «S» и расположенных вокруг и внутри нее «O», «K» и «L»⁴⁷.

12 декабря 1863 г. глава «Южного Сокола» Э. Х. Коста прочел лекцию «Несколько слов о гимнастике», в которой вслед за описанием развития данной сферы в разных странах Европы отмечалось, что «из австрийских славян чехи показали своим братьям здесь, как и во многих других случаях, верный путь, и наша главная забота должна заключаться в том, чтобы быть достойными идти по этому же пути за ними как можно дальше»⁴⁸. Кроме того, в своей речи от 20 октября 1865 г. он упомянул чешское происхождение названия общества⁴⁹. Как отмечается в историографии, использование чешских образцов было в целом характерно для словенского национального движения в этот период, примером чему могут служить использование обозначений «старословенцы» и «младословенцы» для соответственно более консервативного и более радикального политического направления (по аналогии со старочехами и младочехами), а также проведение митингов – «таборов» и учреждение сберегательных касс⁵⁰.

При этом чешская сокольская культура находилась в этот период на стадии формирования и, очевидно, не могла выступать

---

⁴⁵ Ibid. 14.10.1863, 21.10.1863.

⁴⁶ Ibid. 02.12.1863. Изначальное написание было отдельным (чеш. «Na zdar»).

⁴⁷ Historično-statistični pregled... S. 3; Novice. 06.01.1863; Tyrš M. Statisticko-historický přehled jednot Sokolských pro rok 1865. Praha, 1866. S. 108.

⁴⁸ Novice. 23.12.1863.

⁴⁹ Ibid. 25.10.1865.

⁵⁰ Кириллина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении... С. 201, 215, 217.

в качестве единственного образца. Кроме того, контакты между чешскими и словенскими обществами имели ограниченный, преимущественно письменный характер. Известно, что 28 ноября 1863 г. на вышеупомянутом праздничном вечере «Южного Сокола» была отправлена телеграмма в Прагу⁵¹. В свою очередь в январе 1864 г. люблянское общество получило письмо от Йиндржиха Фигнера (1822–1865), первого старосты «Пражского Сокола»⁵². В ответном письме глава «Южного Сокола» Э. Х. Коста сообщал, что послание из Праги было зачитано на одном из мероприятий общества⁵³.

Далее, 1 мая 1864 г., пражане отправили телеграмму в честь первого загородного похода «Южного Сокола» к деревне Вич⁵⁴. В ноябре 1865 г. люблянские «соколь» выразили соболезнования в связи со смертью Фигнера⁵⁵, а в апреле 1866 г. они приняли участие в сборе средств на возведение надгробного памятника главе первого чешского гимнастического общества⁵⁶. В обоих случаях «Пражский Сокол» поблагодарил их⁵⁷, а в марте 1867 г. – отправил телеграмму в честь маскарада «Южного Сокола»⁵⁸. Наконец, в июле 1869 г. словенские «соколь» из Триеста прислали письмо в связи с открытием вышеупомянутого памятника, а люблянские – венки⁵⁹.

Значимым фактором в развитии словенского сокольства представляется конкуренция с местными турнирами, а также влияние обширной немецкоязычной теоретической литературы. Показательным было то, что первая словенская обзорная работа по мужской гимнастике – двухтомное «Руководство по гимнасти-

---

⁵¹ Novice. 02.12.1863.

⁵² Historično-statistični pregled... S. 4.

⁵³ Jandásek L. Op. cit. S. 56.

⁵⁴ Novice. 04.05.1864. В настоящее время в составе Любляны.

⁵⁵ Národní listy. 20.11.1865–21.11.1865; Novice. 29.11.1865.

⁵⁶ Národní listy. 13.05.1866; Novice. 25.04.1866.

⁵⁷ Národní listy. 22.11.1865; Novice. 30.05.1866.

⁵⁸ Novice. 27.03.1867.

⁵⁹ Historično-statistični pregled... S. 18; Národní listy. 22.07.1869–23.07.1869.

ке» (1867–1869)⁶⁰ – была создана независимо от издававшегося одновременно подобного чешского труда – «Основ гимнастики» (1868–1872) главного инструктора «Пражского Сокола» М. Тырша⁶¹. При этом среди создателей «Руководства по гимнастике» был чешский филолог Ян (Иван) Вавру (1832–1905)⁶². Большая часть словенских терминов в этом тексте приводится вместе с немецкими эквивалентами. Основным переводчиком выступил известный поэт, писатель и критик Фран Левстик (1831–1887)⁶³. В 1871 г. «Руководство...» было подвергнуто благожелательной критике в рецензии, размещенной в первом номере издаваемого Тыршем журнала *Sokol*⁶⁴.

Не считая немногочисленных филиалов, в изучаемый период все сокольские общества юридически являлись независимыми друг от друга организациями. В условиях отсутствия формального центра, его роль фактически выполняли руководящие органы «Пражского Сокола». Это проявлялось в том числе в составлении статистических сборников, изданных в 1866, 1867, 1869 и 1871 гг. Словенские «соколы» представлены на страницах каждого из них⁶⁵. Издание 1866 г. также продавалось в Любляне⁶⁶. В декабре 1866 г. лидеры пражского общества, М. Тырш и юрист Томаш Черный (1840–1909), стали почетными членами люблянского «Южного Сокола»⁶⁷ и остались ими после воссоздания люблянского общества в феврале 1868 г., свидетельством чего может служить отправленная

---

⁶⁰ *Nauk o telovadbi*. D. 1. Ljubljana, 1867; *Nauk o telovadbi*. D. 2. Ljubljana, 1869; *Novice*. 14.10.1868.

⁶¹ *Národní noviny*. 27.07.1868; *Jahn J. V., Pokorný M. Úvod do dějin náležíův. Postup osvěty člověčenstva a prostředky vzdělávací*. Praha, 1872; *Tyrš M. Základové tělocviku*. Praha, 1873.

⁶² *Nauk o telovadbi*. D. 1. S. II.

⁶³ *Ibid.*

⁶⁴ *Sokol*. 1871. № 1. S. 8–9.

⁶⁵ *Kareis K.* Op. cit. S. 4–5; *Tyrš M.* *Statisticko-historický...* S. 105–108; *Tyrš M.* *Statistický...* S. 33–36; *Tyrš M., Čermák F.* *Sborník sokolský...* S. 156–159.

⁶⁶ *Novice*. 20.02.1867.

⁶⁷ *Národní listy*. 12.01.1867; *Novice*. 09.01.1867.

Тыршу просьба представлять словенскую организацию на церемонии закладки камня в основание Национального театра в Праге 16 мая 1868 г.⁶⁸ (кроме того, член правления общества, политик и журналист Петер Грасселли (1841–1933), отправил поздравительную телеграмму от имени организации)⁶⁹. Любопытно, что в январе 1868 г. при обсуждении нового устава «Пражского Сокола» было отклонено предложение о введении категории почетных членов, что, вероятно, было связано с приверженностью идеалам эгалитаризма: М. Тыршу и политику Эдуарду Грегру (1827–1907) приписывался призыв «желающим снискать почет члена “Сокола”» вступить в общество самостоятельно⁷⁰.

В октябре 1867 г. на общем собрании «Пражского сокола» было принято предложение М. Тырша организовать в следующем году в Праге совещание и совместное гимнастическое выступление всех сокольских обществ⁷¹. На это мероприятие, намеченное на июнь 1868 г., были приглашены все сокольские общества, включая организации, расположенные за пределами Богемии и Моравии. Известно, что среди прочих в Прагу собирались приехать представители воссозданного люблянского «Сокола»⁷². На заседании представителей сокольских обществ планировалось обсудить текст устава будущей центральной организации⁷³. Накануне съезда пражская полиция приняла решение санкционировать только публичное гимнастическое выступление, тогда как проведение заседания представителей обществ и, соответственно, учреждение их союза, не было дозволено. Данное решение обосновывалось тем, что пункт о рабочем языке проекта устава союза носил политический характер, поскольку в нем речь шла о «славянских наречиях».

---

⁶⁸ Historično-statistični pregled... S. 14.

⁶⁹ Národní listy. 17.05.1868.

⁷⁰ Ibid. 13.01.1868.

⁷¹ Ibid. 22.10.1867.

⁷² Národní listy. 19.03.1868, 10.05.1868; Novice. 06.05.1868.

⁷³ Národní listy. 31.03.1868.

Это не соответствовало австрийскому «Закону о праве на союзы» (1867)⁷⁴. Попытка оспорить этот запрет не имела успеха, и в итоге на общем собрании «Пражского Сокола» было принято решение отказаться от проведения мероприятия⁷⁵. В 1869 и 1871 гг. пражская организация предприняла еще две безуспешные попытки учредить Союз сокольских обществ⁷⁶. Объединение «соколов» на общеавстрийском уровне было осуществлено лишь в начале XX в.

Миссия Я. З. Веселого

В 1860-е годы гимнастическими занятиями люблянских «соколов» руководили местные специалисты Ш. Мандич, его сын Август Мандич и Виктор Колоретто⁷⁷. В октябре 1870 г. люблянский «Сокол» опубликовал в словенской и чешской прессе объявление о вакантной должности главного гимнастического инструктора⁷⁸. В числе требований указывалось владение одним из славянских языков. В мемориальном издании организации от 1871 г. сообщается о шести претендентах, одним из которых был картограф Карел Карейс, бывший главный инструктор «Сокола» пражского района Мала-Страна⁷⁹. В 1869 г. он издал статистическую карту сокольских обществ, один из экземпляров которой висел в раздевалке люблянского «Сокола»⁸⁰. Это свидетельствует о распространении среди словенских гимнастов ощущения причастности к единому сокольскому движению. В 1870 г. Карейс занимался составлением четвертого сокольского статистического сборника, который отличался большей подробностью относительно предыдущих обзоров и стал ценным

⁷⁴ Ibid. 21.06.1868, 22.03.1872.

⁷⁵ *Národní listy*. 20.06.1868–21.06.1868; *Tyrš M., Čermák F.* Sborník sokolský... S. 17.

⁷⁶ *Národní listy*. 17.07.1869; Sokol. 1871. № 19. S. 150–151.

⁷⁷ *Historično-statistični pregled*... S. 3, 14, 16.

⁷⁸ *Národní listy*. 30.10.1870; *Novice*. 26.10.1870; *Slovenski narod*. 29.10.1870; *Žižka*. 1870. № 39. S. 316.

⁷⁹ *Historično-statistični pregled*... S. 21.

⁸⁰ Sokol. 1872. № 16. S. 124.

историческим источником, в том числе значимым для изучения словенского сокольства⁸¹.

29 декабря 1870 г. на общем собрании люблянского «Сокола» было объявлено, что должность главного инструктора займет чешский «сокол» Я. З. Веселый⁸². Он родился в 1850 г. в Праге и к 20 годам успел получить опыт выполнения обязанностей инструктора в вышеупомянутом «Соколе» Мала-Страны, а также в сокольском обществе в поселении Лужец-над-Влтавоу⁸³. Уже в этот период проявились его амбициозность и неприятие устоявшейся иерархии, сыгравшие важную роль в ходе работы в Любляне.

Весной 1870 г. Я. З. Веселый начал публиковать работы о теории гимнастики в посвященном военному делу журнале *Žižka*⁸⁴. Тогда же стала издаваться его книга «Пособие по гимнастике для школ и обществ», содержащая описания упражнений⁸⁵. Стоит напомнить, что в этот период продолжалась публикация «Основ гимнастики» М. Тырша. При этом лидер «соколов» находился на длительном лечении в Швейцарии. Работа Веселого подверглась резкой критике инструкторов «Пражского Сокола»⁸⁶. В анонимном ответе на эту рецензию Тырш был обвинен в плагиате при написании работы об Олимпийских играх (1869)⁸⁷. Публикация «Пособия...» была завершена в 1872 г. В предисловии, написанном в конце 1871 г. в Любляне, Веселый обвинил своих недоброжелателей в несправедливости и эгоизме, а также поблагодарил своего первого учителя Яна Малипетра (1815–1899) (вероятно, противопоставляя его Тыршу), занимавшего с 1856 г. пост божемского земельного преподавателя гимнастики⁸⁸.

⁸¹ *Kareis K.* Op. cit.

⁸² Novice. 04.01.1871. См.: *Stergar R.* Jan Zdeněk Veselý's...; *Stergar R.* Prišel, videl...

⁸³ Národní listy. 28.12.1870.

⁸⁴ *Žižka*. 1870. № 14. S. 113–114.

⁸⁵ Národní listy. 18.05.1870.

⁸⁶ Ibid. 26.07.1870.

⁸⁷ Věstník bibliografický: časopis pro literaturu, hudbu a umění. 1870. № 7. S. 128.

⁸⁸ *Veselý J. Z.* Rukověť tělocviku pro školy a spolky. Praha, 1872. Также см.: *Schütová J.* Zapomenutý muž: Tomáš Černý ve sbírce Oddělení dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea. Praha, 2022. S. 41–42.

Несмотря на этот конфликт, Я. З. Веселый размещал в возглавляемом М. Тыршом журнале *Sokol* свои впечатления⁸⁹, а позднее – воспоминания о пребывании в Любляне⁹⁰. Это было связано со значением идеи славянской взаимности для лидера «соколов» и для всех чешских националистов. В историографии цитируется одно из писем Тырша от 1867 г., в котором он упоминал словенские гимнастические организации и утверждал, что «ни одно общество не способно соединить славянскую молодежь, славянских мужчин, столь крепко и естественно, как настоящее сокольское братство»⁹¹. При этом в начале 1871 г. в одной из его заметок выражалось сожаление по поводу того, что польские, а также словенские «братья» «и что касается языка, и что касается самого нашего дела (т. е. соответственно гимнастических терминологии и системы. – В. К.) черпают из чужих источников»⁹² (вероятно, он в том числе имел в виду люблянское «Руководство по гимнастике»).

Помимо отправления материалов в журнал *Sokol*, в 1871 г. Я. З. Веселый опубликовал серию статей об истории территории Крайны в древнеримский период в журнале *Žižka*⁹³, этнографические заметки о словенцах и биографию Э. Х. Косты – в другом пражском издании *Světózor*⁹⁴, а также рассуждение о гимнастике – в словенской газете *Novice*⁹⁵ и рассказ «Похороны» – в журнале *Vertec*⁹⁶. Наконец, с августа по декабрь того же года он редактировал журнал *Južni Sokol* – первое словенское спортивное периодическое издание. Выпуск журнала о гимнастике был одним из многих элементов чешской сокольской культуры,

---

⁸⁹ Sokol. 1871. № 18. S. 147, № 19. S. 155, № 23. S. 188.

⁹⁰ Ibid. 1872. № 16. S. 122–124, № 17. S. 130–132, № 18. S. 138–140, № 19. S. 146–148, № 20. S. 154–156, № 21. S. 162–164, № 22. S. 170–172, № 24. S. 186–187.

⁹¹ Jandásek L. Op. cit. S. 65.

⁹² Sokol. 1871. № 5. S. 41.

⁹³ Žižka. 1871. № 5. S. 39–40, № 7. S. 53–54, № 8. S. 61–63, № 9. S. 68–69, № 11. S. 84–85, № 12. S. 96, № 13. S. 100–101.

⁹⁴ Světózor. 1871. № 27. S. 315, № 28. S. 328–330, № 50. S. 594.

⁹⁵ Novice. 22.02.1871.

⁹⁶ Vertec. 1871. № 11. S. 162–163.

формирование которой находилось к началу 1870-х годов на завершающей стадии. Помимо собственного периодического издания, Веселый стремился распространить в словенской среде такие элементы данной культуры, как использование обращения «ты»⁹⁷, а также слова «načelnik» (чеш. «předseda») применительно к посту главного инструктора⁹⁸, регулярные собрания коллектива инструкторов и его функционирование в качестве одного из значимых органов общества⁹⁹, гимнастические занятия для девочек¹⁰⁰, проведение тайных походов («вылетов»), предполагавших, что лишь организаторы и власти заранее знали цель маршрута¹⁰¹, разработка специальных внутренних правил, касающихся проведения «вылетов»¹⁰², и, наконец, акцент на военном значении гимнастики¹⁰³.

25 июня 1871 г. Я. З. Веселый посетил церемонию освящения знамени общества «Сокол» в Мельнике (Богемия). Как представитель словенской организации, он прикрепил знамя к древку одним из гвоздей, провозгласив, что «власти меняются, а нации – вечны»¹⁰⁴. 16 сентября под руководством Веселого прошло публичное выступление люблянского «Сокола»¹⁰⁵. Также осенью 1871 г. он преподавал гимнастику в люблянских средних учебных заведениях и на учительских курсах¹⁰⁶. Кроме того, он продолжил начатую его предшественниками на посту главного инструктора деятельность по разработке словенской гимнастической терминологии: при содействии Я. Вавру и учитывая чешские наработки, он составил соответствующий немецко-сло-

---

⁹⁷ Sokol. 1872. № 17. S. 132.

⁹⁸ Novice. 22.02.1871.

⁹⁹ Sokol. 1871. № 15. S. 123, 1872. № 18. S. 139.

¹⁰⁰ Novice. 13.09.1871; *Pavlin T.* «Escape from the Kitchen»... S. 275–276.

¹⁰¹ Sokol. 1871. № 15. S. 123, 1872. № 20. S. 154–156.

¹⁰² Izletni red ljubljanskega telovadnega društva «Sokol». Ljubljana, 1871 (ATVS NM, fond Sokol, karton 57, № 1393).

¹⁰³ Južni Sokol. 1871. № 1. S. 1–2.

¹⁰⁴ Národní listy. 27.06.1871.

¹⁰⁵ Novice. 20.09.1871; Sokol. 1872. № 22. S. 170–171.

¹⁰⁶ Národní listy. 25.11.1871; Sokol. 1872. № 24. S. 186–187.

венский словарь, опубликованный в *Novice* с марта по ноябрь 1871 г.¹⁰⁷ Согласно данным словенских исследователей, часть из предложенных Веселым терминов продолжает использоваться по настоящее время¹⁰⁸.

Во время своего пребывания в Любляне и в последующий период Я. З. Веселый жаловался на низкую посещаемость, во-первых, его занятий, опускавшуюся до 6 человек¹⁰⁹, и, во-вторых, собраний коллектива инструкторов¹¹⁰, а также на неудовлетворительное материальное оснащение гимнастического зала¹¹¹, отсутствие дисциплины во время «вылетов»¹¹² и включение в их программу церковных служб¹¹³, на различия в сокольской форме членов провинциальных обществ¹¹⁴, восприятие ношения красных рубашек как главного признака принадлежности к сокольству¹¹⁵, излишнее увлечение увеселительными мероприятиями¹¹⁶ и, наконец, на непонимание со стороны отдельных членов правления общества, например, К. Блейвейса¹¹⁷.

Согласно данным словенского историка Рока Стергара, уже осенью 1871 г. Я. З. Веселый предпринял попытку оставить свою должность¹¹⁸. В конце года *Južni Sokol* перестал издаваться из-за недостаточного количества платежеспособных подписчиков¹¹⁹. 7 января 1872 г. состоялось общее собрание люблянского

---

¹⁰⁷ *Novice*. 08.03.1871, 15.11.1871; *Sokol*. 1872. № 18. S. 139, № 20. S. 156.

¹⁰⁸ *Stergar R. Jan Zdeněk Veselý's...* S. 721.

¹⁰⁹ *Sokol*. 1871. № 23. S. 188.

¹¹⁰ *Ibid.* 1872. № 18. S. 140.

¹¹¹ *Ibid.* 1872. № 16. S. 123–124, № 19. S. 146.

¹¹² *Ibid.* 1872. № 19. S. 147.

¹¹³ *Ibid.* 1872. № 19. S. 147, № 21. S. 164.

¹¹⁴ *Ibid.* 1872. № 19. S. 148.

¹¹⁵ *Ibid.* 1871. № 23. S. 188.

¹¹⁶ *Ibid.* 1872. № 18. S. 138–139, № 19. S. 146.

¹¹⁷ *Ibid.* 1872. № 17. S. 131–132, № 18. S. 138–139, № 22. S. 171.

¹¹⁸ *Stergar R. Jan Zdeněk Veselý's...* S. 722.

¹¹⁹ *Sokol*. 1872. № 24. S. 186.

«Сокола», на котором был избран новый глава общества: вместо покровителя Веселого, политика и журналиста Ивана Мурника (1839–1913) (дядя В. Мурника), организацию возглавил другой словенский политик – Валентин Зарник (1837–1888)¹²⁰. Также на этом собрании была выражена благодарность Веселому за его работу¹²¹, а 10 января правление общества отправило в пражский журнал *Sokol* объявление о вакантной должности главного инструктора¹²². Однако преемник Я. З. Веселого был выбран не из числа чешских гимнастов – им стал пребывавший в запасе военный врач Август Швайгер¹²³.

Обзор последующего развития

В качестве условного завершения начального периода истории сокольского движения может быть определено празднование 10-летнего юбилея «Пражского Сокола» в столице Богемии 17 марта 1872 г. Это мероприятие посетил представитель люблянского «Сокола»¹²⁴. В последующие годы сокольство оставалось значимым фактором в развитии чешского и словенского национальных движений и чешско-словенских связей.

Значительная часть второго десятилетия истории сокольского движения совпала с периодом экономического кризиса, начавшегося с краха Венской биржи в мае 1873 г. Этот период определяется в историографии как время стагнации в деятельности люблянского «Сокола»¹²⁵. В июле 1873 г., через два месяца после венского биржевого краха, в Праге был открыт памятник лингвисту Йозефу Юнгману (1773–1847), ставший демонстрацией масштаба сокольского движения: в массовом шествии приняли участие представители десятков чешских

---

¹²⁰ Novice. 17.01.1872; Sokol. 1872. № 24. S. 186.

¹²¹ Novice. 17.01.1872.

¹²² Sokol. 1872. № 2. S. 16.

¹²³ Laibacher Tagblatt. 10.04.1872; Sokol. 1873. № 5. S. 40; Österreichisch-ungarische Wehr-Zeitung «Der Kamerad». 17.04.1870.

¹²⁴ Národní listy. 19.03.1872.

¹²⁵ Podpečnik J. Ljubljanski... S. 19.

сокольских обществ, а также глава люблянского «Сокола», оперный певец Йосип Нолли (1841–1902)¹²⁶. В целом, однако, в 1870-е годы в монархии Габсбургов был упразднен ряд сокольских и турнерских гимнастических обществ, а также других добровольных объединений. Свидетельством преодоления кризиса стало проведение в 1882 г. «Юбилейного торжества “Пражского Сокола”», впоследствии обозначаемого как первый Всесокольский слет. Как и десятилетием ранее, среди гостей торжества были словенские «соколы»¹²⁷. В 1889 г. был учрежден Чешский сокольский союз. К 1906 г. он объединил все богемские, моравские и силезские сокольские общества, а в 1908 г. – вошел в состав Союза славянского сокольства. Еще одним членом этой организации стал Словенский сокольский союз, учрежденный в 1905 г.¹²⁸

Значительное влияние на развитие сокольства оказали международные и внутривластные конфликты XX в. Накануне Первой мировой войны чешский союз состоял из 1167 обществ, членами которых было более 125 тыс. человек¹²⁹, а словенский – из 87 обществ с 19 филиалами, численность которых превышала 7 600 членов¹³⁰. В августе 1914 г. Союз славянского сокольства приостановил свою деятельность¹³¹. В 1925 г. он был заново учрежден под названием «Союз “Славянское сокольство”»¹³². В 1938 г. в его состав входило в том числе более 389 тыс. чехословацких и более 126 тыс. югославских «соколов» (без молодежи)¹³³.

¹²⁶ Národní listy. 06.07.1873, 14.07.1873.

¹²⁷ Ibid. 18.06.1882.

¹²⁸ Slovenski Sokol. 1905. № 10. S. 78–82, 1908. № 4. S. 31–32. О политическом противостоянии в рядах словенских «соколов» этого периода см.: Кирилина Л. А. Словенский либерал в поисках пути. По воспоминаниям В. Равнихара (конец XIX – начало XX вв.) // Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений. М., 2022. С. 178–179, 182.

¹²⁹ Sokol. 1915. № 9–10. S. 181–182.

¹³⁰ Slovenski Sokol. 1913. № 12. S. 94.

¹³¹ Věstník sokolský. 1914. № 19. S. 443.

¹³² Sokol. 1925. № 8–9. S. 161–162.

¹³³ Národní listy. 19.06.1938.

Что касается данных о словенских гимнастах, в историографии утверждается, что в 1941 г. в 255 местных сокольских обществах состояло более 39 300 членов (вместе с молодежью)¹³⁴.

В послевоенный период Чехословацкий сокольский союз достиг своего максимального масштаба: в 1947 г. совокупное число взрослых членов 3 366 обществ и обучавшихся в них детей и подростков составляло около миллиона человек¹³⁵. Однако затем союз был преобразован в прокоммунистическую организацию и распущен в 1952 г. В свою очередь имущество словенских сокольских организаций досталось спортивному обществу «Партизан»¹³⁶. Часть чешских и словенских «соколов» продолжила свою деятельность в эмиграции. Чехословацкий союз возобновил свою деятельность в 1990 г. (с 1993 г. под прежним названием «Чешский сокольский союз»), а Словенский – в 1995 г. Обе организации входят во Всемирный сокольский союз, учрежденный в 1994 г.

Заключение

Прежде чем перейти к подведению итогов, необходимо отметить, что изучение сокольства представляется важной частью исторической словенистики. Данное явление не только сыграло первостепенную роль в истории словенского спорта, но также было значимым фактором политической и культурной истории региона. В качестве примера могут быть упомянуты конкуренция словенских «соколов» с членами католических гимнастических обществ «Оре»¹³⁷, их влияние на развитие художественной

¹³⁴ Pavlin T. Jugoslovanski Sokol // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 132.

¹³⁵ Statistická příručka Československé republiky 1948. Praha, 1948. S. 125–126.

¹³⁶ Žutič N. Liberalna, antiklerikalna i antifašistička ideologija srpskih i jugoslavenskih Sokola u Kraljevini Jugoslaviji 1918–1945 // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 157.

¹³⁷ Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении... С. 252, 321; Šafarič A. Sokolstvo in rekatolizacija // Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja. Ljubljana, 2014. S. 75–83.

культуры, включая музыку, литературу и архитектуру¹³⁸, роль в поддержании словенской идентичности среди эмигрантов в США¹³⁹ и участие в движении Соппротивления в период Второй мировой войны¹⁴⁰. В межвоенный период известный словенский политик Иван Хрибар (1851–1941), возглавлявший люблянский «Сокол» в 1888–1895 гг., назвал сокольство «нашей самой лучшей организацией в сфере нравственного воспитания и национальной обороны»¹⁴¹. Одним из путей изучения этого движения представляется исследование международного контекста его развития.

Заметное влияние на словенское сокольство оказали связи с более многочисленными чешскими организациями. Значимым фактором в этом отношении было распространение идеи славянской взаимности среди чешских и словенских националистов. При этом известно, что возникшая в 1862 г. инициатива по созданию люблянского гимнастического общества, вероятно, не была вдохновлена примером «Пражского Сокола» и опиралась на опыт местного сообщества спортивных энтузиастов, а также на турнирные образцы. Хотя имеются свидетельства распространения среди словенских гимнастов ощущения причастности к единому сокольскому движению, в 1860-е годы их контакты с чешскими «братьями» имели преимущественно письменный характер.

¹³⁸ *Красовец Д.* Йоже Плечник и архитекторы «новой волны» словенского урбанизма // *Искусство Сербии, Хорватии и Словении в 20 веке.* М., 2019. С. 33–36, 45–46; *Юрца Б.* Орлы и соколы // *Юрца Б.* Родиться только раз. М., 1976. С. 75–80; *Nemec Novak J.* Sokolstvo in glasba // *Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja.* Ljubljana, 2014. S. 238–266; *Šafarič A.* Sokolski dom in telovadišče Sokola I na Taboru // *Kronika.* 2018. № 2. S. 277–288.

¹³⁹ *Лобачева Ю. В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918). М.-СПб., 2014. С. 157; *Portis-Winner I.* Semiotics of Peasants in Transition: Slovene Villagers and Their Ethnic Relatives in America. Durham, 2002. P. 110.

¹⁴⁰ *Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении... С. 332, 346; *Deželak Barič V.* Sokolstvo na Slovenskem med drugo svetovno vojno // *Naša pot: 150 let ustanovitve Južnega Sokola in sokolskega gibanja.* Ljubljana, 2014. S. 159–176. См. статью Павлины Бобич ниже.

¹⁴¹ *Hribar I.* Moji spomini. Ljubljana, 1933. Knj. 4. S. 70. Ср.: Knj. 2. S. 510.

В этот период продолжалось формирование чешской сокольской культуры. Первыми ее элементами, заимствованными членами словенских организаций, стали различные символы. Попытка углубления этого культурного трансфера была связана с пребыванием в Любляне гимнастического инструктора Я. З. Веселого в 1870–1872 гг. Представляется, что неуспех этой попытки был связан как с особенностями характера чешского специалиста, так и с различиями в развитии чешского и словенского национальных движений, а также в повседневной жизни столиц Богемии и Крайны. Определенная «гибридизация», имевшая место при перенесении сокольской культуры из чешской в словенскую среду, происходила при осуществлении всех подобных межславянских трансферов, включая чешско-русский (российский) в последние десятилетия «долгого XIX в.».

Л. А. Кирилина

Газета *Slovan* (1884–1887) о внутренней политике австро-венгерского правительства и национальных задачах словенцев

L. A. Kirilina

Newspaper *Slovan* (1884–1887) about the domestic policy of the Austro-Hungarian government and the national tasks of the Slovenes

Аннотация: В статье анализируются публикации газеты словенских радикалов и славянофилов И. Хрибара и И. Тавчара *Slovan*, посвященные ряду национально-политических проблем словенцев. Раскрывается отношение радикалов к политике правительства Э. Тааффе, провинциальному президенту А. Винклеру, деятельности словенских депутатов австрийского рейхсрата и крайнского провинциального собрания, конфликту с эластиками (прежде всего, с Ф. Шукле), а также их представления о задачах национального развития словенцев. Радикалы, группировавшиеся вокруг газеты *Slovan*, требовали от правительства проведения в жизнь идей национального равноправия, выполнения словенских требований во всех провинциях, где проживали словенцы. Они стремились к объединению словенских патриотов в борьбе за свои права и созданию общесловенского общества. Хотя их взгляды отличались бескомпромиссностью и идеализмом, да и *Slovan* не пользовался особой популярностью у словенской общественности, публикации этой газеты способствовали расширению политического и культурного кругозора словенцев.

Ключевые слова: газета *Slovan* (1884–1887), словенские радикалы и эластики, правительство Э. Тааффе, провинциальный президент Крайны А. Винклер, И. Хрибар, И. Тавчар, Ф. Шукле, Словения, Австро-Венгрия

Annotation: The article analyzes the publications of the newspaper of the Slovenian radicals and slavophiles I. Hribar and I. Tavchar *Slovan*, dedicated to a number of national and political problems of the Slovenes. The attitude of the radicals to the policy of the government of E. Taaffe, the provincial president A. Winkler, the activities of the Slovenian deputies of the Austrian Reichsrat and the provincial assembly of Krajna, the conflict with the elastics (primarily with F. Shukle), as well as their ideas about the tasks of the national development of the Slovenes are revealed. The radicals, grouped around the newspaper *Slovan*, demanded that the government put into practice the ideas of national equality, the fulfillment of Slovenian requirements in all provinces where Slovenes lived. They sought to unite Slovenian patriots in the struggle for their rights and create a common Slovenian society. Although their views were uncompromising and idealistic, and the newspaper *Slovan* was not particularly popular with the Slovenian public, its publications contributed to the expansion of the political and cultural horizons of the Slovenes.

Keywords: newspaper *Slovan* (1884–1887), Slovenian radicals and elastics, government of E. Taaffe, provincial president of Krajna A. Winkler, I. Hribar, I. Tavchar, F. Shukle, Slovenia, Austria-Hungary

До сих пор еще не существует комплексного исследования публикаций органа словенских славянофилов и радикалов газеты *Slovan*. Общую (и довольно краткую) характеристику газеты дали в своих трудах словенские историки И. Приятель¹, В. Мелик², В. Райшп³. Некоторые проблемы, поднимавшиеся в этом издании, уже привлекли внимание ученых. Так, Т. Крегар изучил публикации газеты о словаках⁴, И. В. Чуркина

¹ *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom» in Hribar-Tavčarjevem «Slovanom». Učiteljska Tisk., 1930. URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-XH5OKN9J> (дата обращения: 12.10.2022); *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Zv. V. Ljubljana, 1966.

² *Melik V.* Slovenska politika v Taaffejevi dobi // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002; *Melik V.* Ivan Hribar in njegovi spomini // *Hribar I.* Moji spomini. II. del. Ljubljana, 1984. S. 628.

³ *Rajšp V.* Das slovenische Pressewesen Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII/2. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung. Wien, 2006.

⁴ *Kregar T.* Med Tatrami in Triglavom. Primerjave narodnega razvoja slovencev in slovakov in njihovi kulturno-politični stiki 1848–1938. Celje, 2007.

подняла ряд русофильских и славянофильских аспектов ее тематики⁵, Л. А. Кирилина исследовала представления газеты *Slovan* о сербах, болгаргах и черногорцах⁶. В данной статье будут рассмотрены некоторые важные для словенских патриотов в 1880-е годы национально-политические проблемы, которые нашли отражение в газете *Slovan*: отношение радикалов к политике правительства Э. Тааффе, провинциальному президенту Крайны А. Винклеру, деятельности словенских депутатов рейхсрата и крайнского провинциального собрания, конфликту с элитами (прежде всего, с Ф. Шукле), а также их представления о задачах национального развития словенцев.

Когда в 1879 г. к власти в Австро-Венгрии пришло правительство графа Эдуарда Тааффе (1833–1895), проводившего прагматическую политику примирения народов империи, словенские политики его поддержали, надеясь на введение национального равноправия. К тому же они опасались, что его падение вновь приведет к власти немецких либералов, в оппозиции к которым они были все 1870-е годы. И они получили награду за поддержку правительства⁷.

Больше всего национальных концессий получила Крайна. В 1880 г. ее провинциальным президентом впервые стал словенец Андрей Винклер (1825–1916), чиновник из Гориции. Он был безусловно предан императору и правительству и при этом стремился, насколько возможно, улучшить положение словенцев. Именно при нем бурно начал развиваться процесс словенизации Крайны. Он содействовал введению словенского языка в учреждения, увеличению численности словенских чиновников. С мая 1881 г. люблянская торговая палата перешла в руки словенцев. В 1882 г. словенцы победили на выборах в

⁵ Чуркина И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей. XVI в. – 1914 г. М., 2017.

⁶ Кирилина Л. А. Публикации словенской газеты «Слован» о сербах, болгаргах и черногорцах (1884–1887 гг.) // Славяне и Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достян. М., 2021. С. 419–438.

⁷ Подробнее см.: Кирилина Л. А. Словенцы и правительство Э. Тааффе (1879–1893) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 93–113.

Совет общины Любляны, и Петер Грасселли (1841–1933) стал первым словенским жупаном города. Выборы в провинциальное собрание Крайны в 1883 г. также принесли победу словенцам, с тех пор имевшим в нем большинство. Немецкому господству в Крайне пришел конец.

Национальные концессии предоставлялись и другим провинциям, в которых проживали словенцы, но их было намного меньше. Правительство Тааффе отчасти осуществило требования словенцев о введении равноправия словенского языка в школах, учреждениях, суде, общественной жизни. В 1882 г. словенский язык стал языком обучения в начальных классах гимназий в Крайне, в 1887 г. было открыто словенское ремесленное училище в Любляне. С 1881–1882 гг. суды в Крайне и Граце стали вести дела со словенцами на их языке.

Общественно-политическая жизнь словенцев активизировалась. В начале 1880-х годов среди словенских либералов выделились группа эластиков, возглавлявшаяся юристом и преподавателем Франом Шукле (1849–1935) и радикальная, во главе которой стояли русофилы банкир Иван Хрибар (1851–1941) и юрист и писатель Иван Тавчар (1851–1923). Группа эластиков получила свое название с легкой руки известного писателя Янко Керсника (1852–1897), сказавшего на заседании крайнского провинциального собрания, что «<...> нужно иметь немного юношеской эластичности, чтобы принять трудную ситуацию и получить возможность сделать и что-то хорошее <...>»⁸. Эластики, представлявшие большинство словенских политиков, как правило, полностью поддерживали политику правительства и выступали против выдвижения радикальных национальных требований. В отличие от них, малочисленные радикалы настаивали на более энергичном проведении национальной политики.

В конце 1883 г. отношения между этими группами обострились из-за конфликтов в провинциальном собрании по поводу верификации выборов трех немецких депутатов и дотации в размере 600 гульденов учителям на дополнительное обучение

⁸ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. Ljubljana, 1988. S. 133.

немецкому языку⁹. Собрание одобрило эти пункты, оставшиеся в меньшинстве радикалы выступили против. Раскол охватил разнообразные сферы национально-политической жизни словенцев. Полемика между эластиками и радикалами велась и в Совете общины г. Любляна, и на страницах словенской прессы. Обе стороны основали свои литературные клубы, организовывали митинги и собрания в городах и деревнях. Центром противостояния стала прежде всего Крайна, однако и в других провинциях национально активные словенцы выступали в поддержку одной или другой группировки.

В 1884 г. И. Хрибар стал выпускать в Любляне газету *Slovan*. Целью издания было, во-первых, пробудить в словенцах «национальное самосознание», понимание того, что они являются единым народом, во-вторых, привить им идеи славянской взаимности. К тому же Хрибар рассчитывал, что *Slovan* будет в первую очередь политической газетой, которая вытеснит со словенской политической сцены старейшую словенскую консервативную газету *Kmetijske in rokodeljske novice*¹⁰, а также станет печатным органом радикалов, рупором их идей. В первый год выпуска политические статьи публиковались на первых страницах газеты. В 1884 г. она выходила еженедельно, ее подписчиками являлись представители интеллигенции¹¹. С 1885 г. Тавчар стал владельцем издания, далее газета стала выходить дважды в месяц, на хорошей бумаге и с качественными иллюстрациями¹². Однако в ней стали печатать прежде всего художественные произведения, о политических новостях теперь кратко сообщалось лишь на последних страницах, а в 1887 г. этот раздел вообще исчез.

Появление газеты *Slovan* сначала вызвало большую обеспокоенность у эластиков. Во-первых, своего печатного органа

⁹ *Prijatelj I. Med Levčevim* «Ljubljanskim zvonom»... S. 126.

¹⁰ Ф. Левец – М. Старе. 03.01.1884. Цит. по: *Prijatelj I. Med Levčevim* «Ljubljanskim zvonom»... S. 131.

¹¹ И. Хрибар – Г. Креку. Любляна, 10.03.1884. // *Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani* (далее – RZ NUK). Ms. 1465. Gregor Krek. Мапа 3.

¹² *Slovan*. 18.12.1884.

у них не было. Так, Шукле вспоминал: «<...> Совсем невозможным стало наше положение после учреждения «Слована», который чем дальше, тем больше обстреливал эластиков тяжелой артиллерией»¹³. Во-вторых, они опасались конкуренции своему литературному журналу *Ljubljanski zvon*. Действительно, некоторые радикально настроенные сотрудники журнала – Тавчар, который ранее был его совладельцем, поэты Симон Грегорчич (1844–1906) и Антон Апшерц (1856–1912) – стали сотрудничать с газетой *Slovan*. Впрочем, в литературном плане *Slovan* конкуренции с журналом *Ljubljanski zvon* не выдержал. А Шукле принял предложение А. Винклера и стал редактором газеты *Ljubljanski list*, словенского приложения к официальной газете провинции, в которой пропагандировалась правительственная политика и проводилась резкая критика радикалов.

Эластики четко обозначили свою прагматическую позицию полной поддержки правительства уже в первом номере газеты *Ljubljanski list*: политика министерства Тааффе «соответствует насущным интересам австрийского государства», ее цель – «разрешить противоречия, воплотить в жизнь <...> равноправие всех австрийских народов и на этой основе достичь примирения разных народностей»¹⁴. В апреле 1884 г. общее отношение радикалов к правительству было высказано в газете *Slovan*: среди нас «нет никого, кто не признавал бы <...>, что нынешнее правительство имеет большие заслуги в том, что по крайней мере некоторые наши национальные требования отчасти осуществлены <...>». Словенские патриоты «приветствуют все, что оно делает для введения равноправия». При этом редакция отметила: естественно, не все действия правительства вызывают одобрение, иногда они «задевают национальные чувства» словенцев. Но «не в интересах правительства» опираться на тех, кто следует за ним «с завязанными глазами», ему была бы полезна поддержка партии, независимой в национальных вопросах¹⁵.

¹³ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 142.

¹⁴ Ljubljanski list. 28.02.1884.

¹⁵ Slovan. 24.04.1884.

Критические высказывания по поводу политики, проводившейся правительством Тааффе, периодически появлялись в словенской либеральной прессе уже с 1881 г.¹⁶ Либералам казалось, что словенцам предоставляется недостаточно концессий, они не получили равноправия и разрешения своих национальных проблем. Пожалуй, в 1884 г. наиболее резко критиковали политику властей радикалы в газете *Slovan*. Автор статьи «Правительство и словенские депутаты рейхсрата» писал в марте 1884 г.: «Со дня на день мы все яснее видим, что правительство графа Тааффе не хочет принимать во внимание требования нашего народа о введении равноправия и презирует материальные потребности тех областей, где проживают словенцы», тогда как полякам и чехам дают более значительные национальные концессии, важные услуги оказываются и немецким консерваторам. В публикации прозвучал призыв распространить национальные концессии на все словенские земли. Если правительство улучшило положение словенцев в Крайне, это не значит, что можно удовлетвориться этим. Давая большие преимущества одной из словенских областей, Тааффе «поддерживает сепаратистские тенденции», которые «представляют самую большую угрозу для существования» словенского народа¹⁷.

Правительство, принимая новые законы, не заботится об экономическом процветании словенцев, считали радикалы. Оно признает недостатки транспортной инфраструктуры словенских земель, «но не делает никаких серьезных шагов для их устранения». Сотни миллионов гульденов вложены в железные дороги, которые нужны немецким областям, а для нижнекрайнской «денег не нашлось»¹⁸. Чиновничий аппарат империи также подвергался критике в газете *Slovan*: «Когда правительство Тааффе встало у руля, мы надеялись, что исполнится самое искреннее желание каждого патриота, чтобы признали равноправие нашего языка в имперских учреждениях. <...> Оно уже

¹⁶ Подробнее см.: *Cvirn J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918)*. Ljubljana, 2006. S. 266.

¹⁷ *Slovan*. 06.03.1884.

¹⁸ *Ibid.* 13.03.1884.

давно было признано в теории, но на практике, к сожалению, нет, и Бог знает, когда еще будет?»¹⁹. Корреспонденты газеты признавали: принято много хороших законов, но сетовали, что чиновники не торопятся проводить их в жизнь²⁰. «Министры должны следить за исполнением указов, а если не делают этого, их следует наказывать», но это никого не волнует. По мнению радикалов, Австрия во многом по-прежнему оставалась бюрократическим государством²¹. Тааффе, по мнению автора одной из статей, брал пример с канцлера Германии Отто фон Бисмарка (1815–1898), правившего без оглядки на парламент. «<...> Депутаты пляшут под его дудку. Это ни что иное, как скрытый абсолютизм». Словенцам кажется: Тааффе «правит в прежнем духе (как немецкие либералы. – Л. К.) и <...> славян только для того кормят праздными обещаниями, чтобы они успокоились <...>»²². Позиция газеты по отношению к правительству Э. Тааффе совпадала со взглядами ее издателя И. Хрибара. Несколько позже, в 1886 г., в письме к своему единомышленнику юристу и политику Данило Майарону (1859–1931) он высказал ее еще жестче: во всех действиях правительства виден «старый австрийский девиз “divide et impera”»²³! Австрийская политика неудачна, ее конечной целью все еще является угнетение словенцев. Видя, что силой ничего не достичь, Тааффе прибегает к лукавству. И сейчас правительство наших депутатов «поглаживает по шейкам», чтобы им было приятно²⁴.

Как видно, в 1884 г. *Slovan* позволял себе достаточно нелицеприятные замечания о политике правительства, однако уже со следующего года они исчезли со страниц газеты. По видимому, это было связано с изменениями в общей концепции

---

¹⁹ Ibid. 18.09.1884.

²⁰ Ibid. 18.09. 1884, 23.10.1884.

²¹ Ibid. 26.07.1884.

²² Ibid. 23.10.1884.

²³ Разделяй и властвуй (лат. яз.).

²⁴ И. Хрибар – Д. Майарону. Люблина, 05.08.1886. // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87). S. 4–5.

газеты, произошедшими после того, как ее совладельцем стал И. Тавчар, больше внимания уделявший литературному содержанию и красивому оформлению. Свои политические взгляды радикалы теперь больше высказывали в газете *Slovenski narod*, находившейся тогда в их руках.

Отношение радикалов и эластиков к провинциальному президенту А. Винклеру сильно разнилось. Так, газета *Slovenski narod* критиковала его деятельность. Лидер радикалов Хрибар в воспоминаниях отмечал, что Винклер был почтенным человеком, однако «как словенец не имел достаточно мужества, чтобы энергичнее выступить в центральном правительстве за права словенского народа»²⁵. Характеристика Винклера в газете *Slovan* вполне совпадала со взглядами Хрибара: президент Винклер «хороший человек и, может быть, действительно расположен к нам, словенцам; но он ничем нам не может помочь, т. к. руки у него связаны». Поэтому «нам не стоит слишком бояться того времени, когда правительство решит переместить его из Люблян»²⁶. В этом случае «мы сохраним о нем добрую память», но не будем горевать²⁶. Возглавлявший эластиков Шукле, некоторое время являвшийся «правой рукой» Винклера и пользовавшийся его поддержкой, в своих мемуарах высказался объективнее, отмечая, что назначение Винклера провинциальным президентом стало «большим достижением для дела словенцев»²⁷.

Хотя Винклер, придя к власти в Крайне в 1880 г., потребовал, чтобы чиновники не вмешивались в борьбу между партиями, а были посредниками между ними²⁸, тем не менее позже он не смог последовательно придерживаться этой политики. Так, в 1885 г. радикалы обвинили его во вмешательстве в ход выборов в рейхсрат и продвижении кандидатур эластиков²⁹. Наиболее резкая критика Винклера в газете была связана с публикациями газеты *Ljubljanski list* и поддержкой, которую Винклер

²⁵ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Od 1853. do 1910. leta. Ljubljana, 1928. S. 90.*

²⁶ *Slovan. 25.09.1884.*

²⁷ *Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 128.*

²⁸ *Slovenski narod. 08.08.1880.*

²⁹ *Slovan. 01.06.1885.*

оказывал Шукле. Радикалы даже едко называли его «политическим отцом» лидера эластиков³⁰. Да и сам Шукле вспоминал в мемуарах, что Винклер испытывал к нему «безграничное доверие» и прислушивался к его советам³¹.

Шукле, после некоторых колебаний согласившийся на предложение Винклера стать редактором этой проправительственной газеты на словенском языке, а также бывший автором большинства ее статей, не упустил возможности воспользоваться этим органом для борьбы с радикалами. Те в свою очередь вели ожесточенную полемику с эластиками и Винклером на страницах своего издания *Slovan*. Они сетовали: основав свою газету, эластики в ней «резали и кромсали нас и нашу жизнь»³². Если провинциальный президент хочет «опираться на сильную национальную партию», считали корреспонденты газеты, он не должен идентифицировать себя с личностью редактора словенской официальной газеты и позволять использовать эту газету лишь для раздувания личных страстей и нападок <...>»³³. Целью газеты *Ljubljanski list*, по мнению автора одной из статей, было «расколоть словенцев». «Эту задачу <...> должен был взять на себя «Люблянски лист», который должен был <...> стать органом правительственной партии, которая поддерживала бы провинциального президента во всех предложениях правительства». Он утверждал: эта газета «не только злоупотребляла своими журналистскими силами. Она рисовала наших заслуженных людей и наши общественные условия черными красками, лишь бы создать впечатление, насколько мы еще неразвиты, забиты и даже глупы». «Такая партия, привлекающая единомышленников любыми способами, – писал журналист, – не заслуживает наших симпатий. <...> Словенский народ заслуживает лучшей духовной пищи и более уважаемого печатного правительственного органа». Неужели Винклер хочет «быть покровителем газеты, цель ко-

³⁰ Ibid. 01.08.1885.

³¹ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 134.

³² Slovan. 08.05.1884.

³³ Ibid. 24.04.1884.

торой моральное уничтожение граждан», – спрашивал автор газеты *Slovan*. Ему следовало бы знать, «что часть ответственности он должен взять на себя и подумать, как будет защищать перед провинцией действия своего органа»³⁴.

Критика радикалами газеты *Ljubljanski list*, ее редактора Ф. Шукле и провинциального президента Винклера далеко не во всем была справедливой. К тому же в публикациях газеты *Slovan* содержались не менее резкие выпады в адрес эластиков. Конфликт раздувался обеими сторонами. Однако выразившееся радикалами недовольство проправительственной газетой Шукле внесло свою лепту в ее крах. *Ljubljanski list*, пользовавшийся популярностью у словенцев, перестал выходить уже в 1885 г.

Большое недовольство у редакции *Slovan* вызывала деятельность словенских депутатов в рейхсрате и в крайнем провинциальном собрании. И в этом ее члены не были оригинальны – критика нерешительной политики депутатов с 1881 г. часто встречалась на страницах либеральной прессы³⁵. Депутатов рейхсрата *Slovan* упрекал в пассивности: в отличие от чехов и поляков, они «не могут предъявить своим избирателям никаких важных успехов, если не принимать во внимание некоторые незначительные уступки» правительства. Они «должны <...> говорить с министерством от имени всего словенского народа», не делая этого, они признают справедливым разделение словенцев «по тем названиям, которые нам дали политические границы отдельных областей». Автор статьи «Правительство и словенские депутаты рейхсрата» полагал, что только их совместные усилия во всех делах, касающихся словенского народа, «по примеру чешских, польских и далматинских депутатов», могут «дать надежду на успех». «Сейчас сепаратистские тенденции встали на повестку дня», поэтому в рейхсрате депутаты должны выступать «как единое целое», осознавая, что «провинции уходят в прошлое, их место занимают группы по национальностям»³⁶.

³⁴ *Slovan*. 23.10.1884.

³⁵ Кирилина Л. А. Словенцы и правительство Э. Тааффе... С. 103–104.

³⁶ *Slovan*. 06.03.1884.

В этих высказываниях проявилась характерная черта мировоззрения радикалов: их убежденность, что исторически сложившееся деление империи на провинции не соответствует духу времени, ее административные единицы следует преобразовать по национальному признаку. Тогда смогут объединиться и все словенцы, проживавшие в разных провинциях. По сути, они в завуалированной форме вновь выдвинули лозунг «Объединенной Словении», открыто выступать с которым в период правления Тааффе большинство словенских политиков воздерживалось.

Радикалы, группировавшиеся вокруг своего органа *Slovan*, считали, что словенским депутатам нужно проводить самостоятельную политику в рейхсрате. Но у них «нет своего клуба, и поэтому они должны покоряться указаниям клуба Гогенварта³⁷», в котором задают тон немецкие консерваторы. Они должны напоминать правительству о том, что могут выйти из этого клуба и решительно выдвигать свои требования. «Никогда не успокаиваться, изо дня в день озадачивать правительство своими требованиями, все решительнее и бескомпромисснее требовать их выполнения – это должно быть их правилом», – призывал *Slovan*³⁸. Следует отметить, что подобные мысли посещали не только радикалов, но и более умеренных словенских патриотов. Словенские депутаты в рейхсрате по инициативе либерала Йосипа Вошняка (1834–1911) 25 марта 1881 г. подали письменную апелляцию Тааффе с требованием прекратить насилие над их народом и пригрозили, что будут голосовать против всех предложений правительства. Тааффе заявил, что не даст себя терроризировать и предпочтет уйти в отставку³⁹. После этого словенцы были вынуждены отступить.

Некоторые словенские патриоты размышляли о необходимости создания в рейхсрате словенского или югославянского клуба.

---

³⁷ Правительственный клуб в рейхсрате, возглавлявшийся австрийским политиком Карлом фон Гогенвартом (1824–1899), представлявший коалицию немецких консерваторов и славянских политиков, в который входили и словенские депутаты.

³⁸ *Slovan*. 13.03.1884.

³⁹ *Cvirm J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji... S. 266.*

Slovan уже в начале марта 1884 г. предложил словенским депутатам основать в нем свой, пусть малочисленный, клуб. Тогда к их голосам будут прислушиваться больше⁴⁰. А в сентябре того же года высказался за их переход в оппозицию – тогда правительству придется пойти на уступки. В том, что их надежды на проведение словенскими депутатами самостоятельной политики так и не осуществились, радикалы обвиняли главным образом эластиков. Шукле «и его “умеренной партии” удалось <...> воспрепятствовать тому, чтобы сейчас создать югославянский клуб», хотя крайние радикалы и словенское политическое общество в Мариборе требовали создать его «после проведения новых выборов», – сетовал в 1885 г. *Slovan*⁴¹. Попытки словенских депутатов выйти из клуба Гогенварта и основать свой несколько раз предпринимались и позже, однако в 1880-е годы ни одна из них не увенчалась успехом.

Уже в конце 1884 г. *Slovan* выразил глубокое разочарование радикалов политикой словенцев в рейхсрате. «До тех пор, пока наши депутаты провинциальных собраний и рейхсрата ради каких-то мелких, по большей части личных, концессий пренебрегают жизненными интересами нашего народа; пока они лишь марионетки в руках министерства, до тех пор и мы можем быть уверены, что со дня на день будут множиться несправедливости по отношению к нашему народу и языку», – утверждал автор статьи «На распутье»⁴². «Скоро вновь соберется рейхсрат. Но мы вовсе ему не рады». «Из-за “эластичности” <...> многих депутатов лицо австрийского парламентаризма таково, что большинство не играет роли, а правительство все больше смотрит в сторону немецкой левицы»⁴³. «Политическая обстановка сейчас такова, что нам нечего ожидать ни от Вены, ни от правительства, ни от большинства в рейхсрате, если наши депутаты и дальше будут вести себя в рейхсрате так же терпеливо и несамостоятельно, как до сих пор. Мы ждем от них решительности, ждем, что они

⁴⁰ *Slovan*. 06.03.1884.

⁴¹ *Ibid.* 01.03.1885.

⁴² *Ibid.* 25.09.1884.

⁴³ Имеются в виду немецкие либеральные депутаты рейхсрата.

сумеют доказать, насколько важной частью (парламентского. – *Л. К.*) большинства являются депутаты словенского народа», – высказал общую точку зрения радикалов автор статьи «Бессильное большинство»⁴⁴.

Большое разочарование принесли радикалам выборы 1885 г. в рейхсрат в Крайне, в результате которых депутатский мандат получил лидер эластиков – Шукле. Хрибар в статье «После выборов» в газете *Slovan* писал, что они стали «плохим примером» для словенцев, и утверждал, что ответственность за это несет провинциальный президент Винклер, ведь на лидера эластиков работал «весь правительственный аппарат». Самого Шукле он охарактеризовал как «известного корыстолюбца и флюгера»⁴⁵. А Тавчар в статье «Выборы в городах Нижней Крайны» заклеил его как «интригана» и «апостола национальной индифферентности», «официального слугу провинциального президента». «Не будет мира у крайних словенцев, пока не сгинет со сцены честолюбивый профессор (Шукле. – *Л. К.*)», – утверждал он⁴⁶. Обещание Шукле избирателям добиться субсидий правительства на строительство железной дороги в Нижней Крайне Тавчар оценил как попытку пробиться в рейхсрат и «политическую игру». Он обвинил эластика в том, что тот считает материальные концессии важнее национальных, и призвал словенцев сопротивляться такому мышлению и не «продавать национальность за кусок хлеба»⁴⁷. «Если кто-то и выпросит нижнекрайнюю железную дорогу, то это точно будет не профессор Шукле!», – запальчиво утверждал автор статьи. Он был уверен и в том, что словенские депутаты рейхсрата не захотят сотрудничать с Шукле, и он станет там «статистом, без какой-либо защиты и влияния»⁴⁸.

---

⁴⁴ *Slovan*. 23.10.1884.

⁴⁵ *Ibid.* 15.06.1885.

⁴⁶ *Ibid.* 01.06.1885.

⁴⁷ *Ibid.* 15.05.1885.

⁴⁸ *Ibid.* 01.06.1885. Авторство Хрибара и Тавчара в упомянутых статьях определил И. Приятель. См.: *Prijatelj I. Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»...* S. 174.

Однако, прогнозы словенских радикалов, выступавших против избрания Шукле депутатом рейхсрата, не сбылись. Тот приложил много усилий к осуществлению этого плана и оправдал доверие своих избирателей. В 1890 г. правительство утвердило проект строительства этой железной дороги и выделило на него финансирование⁴⁹. Впоследствии Шукле отметил в воспоминаниях, что в то время железные дороги Нижней Крайны стали «важнейшим экономическим достижением» словенцев⁵⁰. А в австрийском рейхсрате деятельный и образованный Шукле энергично выступал в защиту словенских национальных и экономических требований и вскоре стал лидером словенских депутатов.

Резко высказывались радикалы в газете *Slovan* и о деятельности эластиков – депутатов крайнского провинциального собрания. Больше всего внимания они посвятили вызвавшему раскол голосованиям 1883 г. Шукле призывал депутатов прекратить споры о национальном вопросе и перейти к рассмотрению более важных экономических проблем⁵¹. В газете *Ljubljanski list* эластики обвиняли радикалов в том, что они спровоцировали всплеск национальной борьбы. На это автор статьи «Кто инициировал национальный конфликт?» возразил, что виновны в нем сами эластики, имевшие в провинциальном собрании большинство голосов. Именно они, стремясь к компромиссам, «своими мягкотелыми действиями вызвали нынешние конфликты». Собрание «пошло неправильным путем», что привело к протестам со стороны народа, видевшего, как его представители «колебались, за ночь меняли свои убеждения, и как, в конце концов, барон Винклер обвел их вокруг пальца»⁵². Особое возмущение у радикалов вызвало решение собрания выделить 600 гульденов на дополнительное обучение немецкому языку, принятое под давлением провинциального президента. Они

⁴⁹ *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji ... S. 269.

⁵⁰ *Šuklje F.* Iz mojih spominov. I. del. S. 164.

⁵¹ *Rahten A.* «Politični patriarh s Kamna» – življenje in delo Frana Šukljeta // *Šuklje F.* Sodobniki, mali in veliki: III. del spominov. Ljubljana, 2010. S. 343.

⁵² *Slovan.* 17.04.1884.

увидели в нем ущемление прав словенцев. Выдвинутое Шукле на заседании 6 октября 1883 г. предложение прекратить политический конфликт между крайскими словенцами и немцами, который приносит «крайнему народу» только вред, вызвало бурю протеста со стороны радикалов: «Крайнского народа не существует!»⁵³. В газете *Slovan* подчеркивалось, что словенский народ чувствителен к языковому вопросу и «сразу же осуждает любой шаг, хоть чуть-чуть имеющий привкус онемечивания». Поэтому пресловутое решение о выделении дотации на обучение немецкому языку «никак нельзя оправдать». Оно было «неполитическим» и «задело национальные чувства как немцев, так и словенцев». Немцы – «слабое меньшинство» в провинции, им не следует давать бонусов, – сделал вывод автор статьи⁵⁴.

Радикалы в газете *Slovan*, как и многие другие словенские патриоты, решительно боролись за преобладание в Крайне словенских интересов, окончательное превращение ее в словенскую, а не немецкую провинцию. Эта злободневная проблема постепенно решалась. Согласно статистическим данным, приведенным В. Меликом, с 1880 по 1890 гт. количество немцев в Крайне снизилось с 6,1 % населения до 5,6 %, в Любляне с 21 % до 17 %⁵⁵. Немаловажную роль в этом сыграло введение словенского языка в школах и училищах. Когда 4 января 1884 г. в Совете общины Любляны Хрибар предложил послать школьному совету провинции прошение о введении в люблянском реальном училище словенского языка в качестве учебного предмета во всех классах для учащихся всех национальностей, это вызвало бурные дискуссии. Совет общины принял предложение Хрибара, несмотря на протест эластиков. Шукле позже пояснил их позицию в газете консерваторов *Slovenec*, акцентировав внимание на том, что противозаконно заставлять немцев учить словенский язык⁵⁶. Радикалы ответили в газете *Slovan*, что для детей словенских

⁵³ Slovenski narod. 09.10.1883; *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. V. S. 146.

⁵⁴ *Slovan*. 24.04.1884.

⁵⁵ *Melik V*. Slovenska politika v Taaffejevi dobi... S. 521.

⁵⁶ *Slovenec*. 15.01.1884.

немшкутаров⁵⁷ «словенский язык должен стать обязательным предметом во всех школах словенских областей». Предложение Хрибара было «направлено в первую очередь против словенских немшкутаров». Шукле же стремился обеспечить им преимущества, и они скоро сделают его своим первым советником. В Крайне «немцы проживают только в Кочевье и в общине Бела Печ». Только их можно принимать в расчет и не заставлять учить словенский язык, – утверждал корреспондент газеты *Slovan*. «Если поселившиеся в нашей провинции немцы захотят посылать детей в наши школы, пожалуйста, но эти дети обязательно должны обучаться словенскому языку», как славяне учат немецкий в немецких областях⁵⁸. «Словенцам в Крайне вообще следует больше подчеркивать, что эта провинция чисто словенская, в которой нет другого провинциального языка, кроме словенского»⁵⁹.

Общие выводы о деятельности крайнского провинциального собрания редакция газеты *Slovan* считала неутешительными. Автор статьи «На распутье» писал: «Мы получаем от правительства пинок за пинком, но наша “национальная” партия все время идет за правительством». Словенской общественности пускают «пыль в глаза», высказываясь в прессе «в духе словенской программы». «В экономических делах эти люди тоже не имеют никакой энергии». У них нет «ни мужества, ни инициативы»⁶⁰. Очень резко высказался на эту тему и Хрибар в вышеупомянутом письме к Д. Майарону, сравнивая угодливость словенских эластиков с достойным поведением поляков и венгров: «И эта проклятая славянская натура! Все с добротой, все с лизоблюдством! Как собаки! Будут ползать у тебя в ногах, и вилять хвостом, чтобы выказать как можно больше знаков преданности»⁶¹.

⁵⁷ В то время так называли словенцев, отказавшихся от своей национальности и принявших сторону немцев.

⁵⁸ *Slovan*. 31.01.1884.

⁵⁹ *Ibid.* 16.10.1884.

⁶⁰ *Ibid.* 25.09.1884.

⁶¹ И. Хрибар – Д. Майарону. Любляна, 05.08.1886. // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87). S. 5.

Положение словенцев в других провинциях империи, где не были проведены столь значительные реформы, как в Крайне, вызывало обеспокоенность радикалов. Позиция крайнских эластиков, уделявших внимание прежде всего нуждам словенцев в Крайне, не заботясь о положении соотечественников, проживавших в других областях, подвергалась ими резкой критике. Радикалы на страницах газеты *Slovan* упрекали «эластичных» депутатов рейхсрата и провинциального собрания Крайны в отсутствии интереса к их судьбе: «этих людей совсем не волнует угнетение словенцев в Штирии, Каринтии и Приморье», они видят все несправедливости, причиненные словенцам, но продолжают занимать проправительственные позиции⁶². В этих провинциях, «где народность наша под постоянной и большой угрозой», национальная сознательность растет, все больше людей голосует за словенских депутатов. Но Крайна, где «больше не нужно так интенсивно бороться за наше национальное существование», не предоставляет соотечественникам необходимой помощи, констатировал Хрибар в статье «После выборов». Особое беспокойство вызывало у него положение словенцев в Каринтии, где произошло усиление германизации. «Отныне мы не должны оставлять Каринтию на произвол судьбы. Мы должны рассматривать ее как неотъемлемую часть нашей Словении и поэтому всесторонне поддерживать патриотов, старающихся препятствовать онемечиванию и сохранить для нашего народа эту землю, с которой его связывает столько воспоминаний давнего прошлого», – заявил Хрибар⁶³. Как видно, улучшение положения словенцев в других провинциях и рост их национального самосознания крайнские радикалы воспринимали как важный шаг на пути к объединению словенского народа.

Призывы эластиков проявлять умеренность в национальном вопросе радикалы считали «ошибкой». Автор вышеупомянутой статьи «Кто инициировал национальный конфликт?» утверждал: «Словенец в первую очередь должен быть национален, поскольку все, что мы имеем и чего до сих пор достигли, мы

---

⁶² *Slovan*. 25.09.1884.

⁶³ *Ibid.* 15.06.1885.

получили только благодаря своей национальности. <...> Если бы мы отказались от национальной борьбы, наступил бы конец любому нашему прогрессу и по всем словенским землям распространилось бы духовное болото». «Словенец без национального огня, без национального фанатизма, немедленно утонул бы в немецком море»⁶⁴.

Slovan призвал к объединению всех словенских патриотов. «У нас еще нет радикальной партии, но мы должны ее создать!»⁶⁵. Уже в июле 1884 г. он выступил в поддержку статьи, опубликованной сторонниками радикалов в газете *Slovenski narod* и призывающей создать «всесловенское общество в защиту национальных прав», в котором должны объединиться патриоты Штирии, Крайны, Каринтии, Истрии, Триеста и Гориции (по мнению редакции газеты *Slovan*, его резиденцию следовало обустроить в Любляне). Предполагалось, что в обществе объединятся 2–3 тыс. «сознательных и искренних словенцев». Членские взносы (по два гульдена в год с каждого члена) планировалось пустить на найм адвоката для защиты интересов общества, рассылку годовых отчетов и, по возможности, издание политических брошюр. Такое общество, по мнению радикалов, могло бы достичь успеха и предотвратить многие несправедливости по отношению к словенцам. Редакция газеты *Slovan* упомянула, что «еще в 1881 г. в Любляне велась работа по созданию всесловенского политического общества. Были уже разработаны правила, и “Словенски народ” опубликовал в номере от 27 ноября 1881 г. две передовицы <...>, в которых предлагал провести в Новом 1882 году съезд патриотов из всех словенских областей в Любляне. Жаль! Что тогда эта превосходная идея <...> не воплотилась в жизнь. <...> Наверняка в Новом 1885 году всесловенское политическое общество будет создано»⁶⁶. Но эта надежда не осуществилась. В следующий раз идея создания всесловенского общества прозвучала в газете *Slovan* в январе 1886 г., и это была одна из последних публикаций в

⁶⁴ *Slovan*. 08.05.1884.

⁶⁵ *Ibid*. 25.09.1884.

⁶⁶ *Ibid*. 26.07.1884.

газете на политические темы. Словенский народ уже достаточно развит и «хочет сам принимать решения о своих политических интересах», утверждал корреспондент газеты, поэтому словенским патриотам надо «объединить все силы» для политической реорганизации и создания общесловенского центра⁶⁷.

Еще в 1884 г. *Slovan* сетовал: борьба между радикалами и элестиками «ослабляет нашу совместную деятельность и компрометирует нас в глазах наших противников и внешнего мира». «Мы хотим мира»⁶⁸. Шукле уехал в Вену в конце 1884 г. и стал там преподавать в одной из гимназий. В 1885 г. он стал депутатом австрийского рейхсрата. К концу 1885 г. конфликт между радикалами и элестиками стал затухать и во второй половине 1880-х годов практически исчерпал себя. Хрибар в письме Д. Майарону уже в конце 1885 г. писал, что примирение произойдет, как только «господин Шукле своим поведением докажет, что с ним можно работать. Хотя настоящей чистосердечности между ним и многими из нас больше не будет, но мы многое готовы забыть <...>»⁶⁹. В 1886 г. газета *Slovenski narod* перешла в руки радикалов, и Шукле активно посылал в нее корреспонденции из рейхсрата. Словенский историк И. Приятель справедливо отмечает, что это был «конец словенской правительственной партии»⁷⁰. А Шукле, вспоминая о конфликте по прошествии 42 лет, отмечал, «что никакого разумного повода для вспышки этой многолетней вредной борьбы не было»⁷¹.

Помимо прочего, недовольство правительства и высшего духовенства вызывала русофильская ориентация газеты *Slovan*. Священникам и ученикам гимназий было рекомендовано не покупать ее. И без того узкая читательская база этого издания, состоявшая в основном из представителей словенской интелли-

⁶⁷ Ibid. 15.01.1886.

⁶⁸ Ibid. 24.04.1884.

⁶⁹ И. Хрибар – Д. Майарону. Любляна, 28.12.1885 // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87).

⁷⁰ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. V. S. 189.

⁷¹ *Šuklje F*. Iz mojih spominov. I. del. S. 130.

генции, которым были близки политические взгляды радикалов и идеи славянской взаимности, сократилась. С 1888 г. из-за нехватки денежных средств Хрибар и Тавчар были вынуждены отказаться от издания газеты.

Печатавшиеся в газете *Slovan* сообщения на политические темы, как правило, были менее обширными и подробными, чем аналогичные публикации в ежедневных словенских газетах — например, в органе либералов *Slovenski narod* и католиков — *Slovenec*. В этих публикациях критиковалась, иногда открыто, иногда завуалированно, недостаточная решительность политики Тааффе, но большее внимание уделялось другим аспектам, связанным с конфликтом эластиков и радикалов: деятельности депутатов рейхсрата и провинциального собрания, выборам в австрийский рейхсрат в 1885 г., газете *Ljubljanski list*. Радикалы высказывали в ней и свои представления о дальнейших путях развития словенского народа: об увеличении роли словенского языка, о необходимости поддержки национальных требований словенцев других провинций империи и создания общесловенской национальной партии. Подчас их идеи были бескомпромиссными и идеалистическими, их воплощение в жизнь, вероятно, привело бы к обострению политической обстановки в империи и усилению давления на словенцев. Радикалы, группировавшиеся вокруг газеты *Slovan*, стремились к полному уничтожению немецкого господства в словенских землях, тогда как эластики и консерваторы не желали обострения словенско-немецких противоречий. Политика компромиссов и «собирания крох», проводившаяся умеренными словенскими политиками, была более взвешенной и реальной, и в результате словенцы получили от Тааффе больше национальных концессий, чем от какого-либо другого правительства Австро-Венгрии. Хотя газета *Slovan* и не пользовалась большой популярностью у словенской общественности, ее публикации способствовали расширению политического и культурного кругозора словенцев, задавали довольно высокую планку их национальному движению.

Й. Пирьевец

Итальянская оккупация и зарождение словенского движения сопротивления в 1941 г.

J. Pirjevec

Italian occupation and the emergence of the Slovenian resistance movement in 1941

Аннотация: В статье освещается политическая обстановка в словенских землях, оккупированных Италией во время Второй мировой войны, с лета 1941 по первую половину 1942 года. В центре внимания исследования находится организованное коммунистами словенское движение сопротивления, центр которого сначала находился в Любляне, а затем в лесах Кочевья и других удаленных местах. Автор анализирует особенности его развития в Люблянской провинции: создание Освободительного фронта, к сотрудничеству с которым удалось привлечь представителей разных идеологических и политических направлений, начало вооруженного восстания и партизанского движения, появление освобожденной территории с центром в Кочевье. Рассматриваются также позиции и деятельность представителей национальных сил, вставших на сторону оккупанта: Словенской народной партии (СНП), люблянского епископа Г. Рожмана, лидера ультраправого католически ориентированного движения Л. Эрлиха и др. Подробно освещается политика итальянских оккупационных властей в Люблянской провинции, репрессивные меры, проводившиеся ими в целях ликвидации словенского движения сопротивления.

Ключевые слова: Вторая мировая война, итальянская оккупация Словении, словенское движение сопротивления, Э. Кардель, Й. Видмар, Э. Коцбек, епископ Г. Рожман, Л. Эрлих

Abstract: The article highlights the political situation in the Slovenian lands occupied by Italy during the Second World War, in

the summer of 1941 – the first half of 1942. The focus of the study is the Slovenian resistance movement organized by the communists, whose center was first in Ljubljana, and then in the forests of Kočevje and other remote places. The author analyzes the features of its development in the province of Ljubljana: the creation of the Liberation Front, which managed to attract representatives of various ideological and political trends, the beginning of an armed uprising and partisan movement, the emergence of a liberated territory with the center in Kočevje. The positions and activities of representatives of the national forces that sided with the occupier are also considered: the Slovenian People's Party (SNP), the Bishop of Ljubljana G. Rozhman, the leader of the ultra-right Catholic movement L. Erlich, etc. The policy of the Italian occupation authorities in the province of Ljubljana, repressive measures carried out by them in order to eliminate the Slovenian resistance movement are covered in detail.

Keywords: World War II, Italian occupation of Slovenia, Slovenian resistance movement, E. Kardelj, J. Vidmar, E. Kotsbek, Bishop G. Rožman, L. Erlich

Гитлеровские войска напали на Югославию 6 апреля 1941 г., и уже 21 апреля страна капитулировала. В результате переговоров министров иностранных дел Германии и Италии словенские земли были разделены между Германией, Италией, Венгрией. Немцы присоединили Нижнюю Штирию и Верхнюю Крайну (10 тыс. км² или 2/3 Дравской бановины¹), венграм отдали Прекмурье (90 тыс. человек), а итальянцам – Внутреннюю Крайну и большую часть Нижней Крайны.

Что касается словенских земель, оккупированных Германией, то немецкие власти с первых дней взяли курс на уничтожение всего, что имело словенский национальный характер. Они планомерно начали выселять словенское население, прежде всего интеллигенцию, в Сербию, Хорватию или, в качестве рабочей силы, в Германию. Их целью было включить захваченные территории, которые они рассматривали как свои исторические земли, в Третий рейх. В делопроизводстве, в школах вводился немецкий язык, словенские библиотеки и архивы были закрыты.

---

¹ В годы существования Королевства Югославия словенские земли были объединены в Дравскую бановину.

Политическая жизнь полностью замерла. Из-за террора, связанного немецкими властями, движение сопротивления не достигло такого размаха, как в Люблянской провинции, хотя полностью задавить партизанское движение им не удалось.

Словенские земли, оккупированные итальянскими войсками, вошли в так называемую Люблянскую провинцию. 3 мая 1941 г., согласно декрету № 291, Италия аннексировала эту территорию и провозгласила ее новой равноправной итальянской провинцией. В то время как Приморье, присоединенное к Италии после Первой мировой войны, итальянцы считали своей этнической территорией и поэтому старались стереть в нем все следы словенской национальной жизни, несмотря на то что словенцы представляли большинство населения, в Люблянской провинции они вели себя иначе. Хотя они включили ее в свое королевство, но не отрицали этническую идентичность ее жителей. Провинции было дано право иметь автономное устройство, которое создавалось с учетом этнического характера населения. С первых дней оккупации итальянские власти пытались заручиться поддержкой местного населения. Для этого, в отличие от Германии, сразу начавшей проводить политику денационализации, Италия избрала иную, более мягкую на первых порах, тактику подчинения захваченной территории, сразу же отказавшись от военно-оккупационной системы как таковой.

Характерно, что итальянские власти пошли на контакт с представителями словенской политической элиты, большая часть которой предпочла сотрудничество с ними. Так, под покровительство итальянцев перешли представители Словенской народной партии (СНП), имевшей католическую и консервативную направленность, либералы и другие словенские политики во главе с бывшим баном Дравской бановины Марко Натлаченом². Готовность сотрудничать с новыми властями выразил и епископ Любляны Григорий Рожман.

Однако в рядах молодой прогрессивной интеллигенции и противников старого курса СНП с самого начала оккупации зре-

---

² Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni 1941–1945. Ljubljana, 2017. S. 28; Arhiv Jugoslavije, Beograd (далее – AJ). F. 103. Fasc. 29.

ло убеждение в необходимости сопротивления³. Руководители Коммунистической партии Словении (КПС) умело воспользовались этими настроениями. Уже в конце апреля 1941 г. КПС выпустила прокламацию, адресованную самым преданным сторонникам, в которой закрепила репрессивную политику оккупантов, констатировала, что политика буржуазных партий потерпела крах и что только она призвана возглавить освободительную борьбу словенского народа, которая должна основываться на союзе рабочих и крестьян. Коммунисты нашли единомышленников среди групп, не имевших партийной структуры, но не лишенных поддержки общественного мнения. 26 апреля 1941 г. в доме известного словенского интеллектуала Йосипа Видмара была организована секретная встреча представителей различных политических направлений, на которой обсуждались перспективы вооруженного сопротивления оккупантам.

15 июня состоялся Первый Верховный пленум Антиимпериалистического фронта, на котором была принята его программа и создан Главный штаб словенских партизанских отрядов. 29 июня Антиимпериалистический фронт был переименован в Освободительный фронт (ОФ) словенского народа. Это название использовали и раньше, но только после нападения Гитлера на СССР оно было окончательно утверждено как официальное наименование движения сопротивления. Решение о вооруженном восстании было принято ЦК КПЮ еще в апреле 1941 г., однако к осуществлению его югославские коммунисты перешли лишь в июле 1941 г., после вторжения немецких войск в Советский Союз, в будущей победе которого они не сомневались. В августе была создана Служба безопасности и разведки (СБР), занимавшаяся ликвидацией предателей, коллаборационистов и шпионов. Уже в мае – июне КПС нелегально начала организовывать движение сопротивления, к которому старалась привлечь видных представителей общественной жизни. Среди тех, кто вступил в союз с коммунистами, особо важную роль играл Эдвард Коцбек, известный писатель и один из лидеров христианских

³ *Kavčič N. Pot v osamosvojitve. Ljubljana, 2001. S. 339.*

социалистов – мощного движения, находившегося в конфликте с СНП и консервативным клиром католической церкви. Так была создана коалиция патриотов, в которой разные идеологические группы в принципе считались равноправными. Подобной структуры не было ни в одной из других областей оккупированной Югославии. По призыву партии жители стали устраивать импровизированные демонстрации, разбрасывать листовки протеста с повстанческими призывами и лозунгами, писать на стенах антиитальянские лозунги. В первые два месяца после нападения Германии на Советский Союз в Любляне и ее окрестностях было проведено 50 крупных операций, разрушены мосты и дороги⁴.

Зарождение словенского движения сопротивления в 1941 г.

В разделенной Словении движение сопротивления во второй половине 1941 г. развивалось иначе, чем в остальной Югославии, где коммунисты остались без союзников. Руководителям КПС удалось привлечь к сотрудничеству некоторые «буржуазные» круги, а значит, они лучше, чем лидеры коммунистов на других территориях, выполняли указания Коминтерна и путем организации Освободительного фронта пытались вступить в первую, буржуазно-демократическую, фазу революции. Эдвард Коцбек, один из крупнейших лидеров христианских социалистов, также принял эту линию. После колебаний, одолевавших его в течение нескольких недель и связанных с его отрицательным отношением к сталинизму, он отказался от мысли о создании независимой освободительной организации и в июле вошел в пленум и исполком движения сопротивления. Как писал его единомышленник Йоже Яворшек, до этого он «чувствовал в коммунистах опасность, грозившую не только ему, но и всему словенскому народу». Тогда же он увидел в них товарищей, с которыми нашел общий язык «во имя Нового Завета», как он

---

⁴ Vidmar J. *Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 541; Repe B. *S puško in knjigo: Narodno-osvobodilni boj slovenskega naroda 1941–1945*. Ljubljana, 2015. S. 217.

выражался, используя библейскую терминологию⁵. Он утешал себя мыслью, что в момент крайней опасности не следует проявлять слишком большую придирчивость при заключении союза и что речь идет о народной революции, не имеющей связи ни с революцией 1789 г., ни с Парижской Коммуной, ни, тем более, с Октябрьской революцией.

Это – уникальный пример духовного, личностного, а также мировоззренческого преобразования нации, которая до этого являлась неисторической, но решила войти в историю и остаться в ней. Следует приветствовать любую идеологию, которая может помочь ей в этом преобразении!⁶ В этом духе он, не колеблясь, дал газете христианских социалистов название *Slovenska revolucija*. В дневнике он высказался откровенно: «Если быть точным, то с победой над оккупантами мы завоюем политическую власть для Освободительного фронта и лишь после этого начнем процесс дифференциации и духовного разделения»⁷.

Верховный комиссар Эмилио Грациоли был обеспокоен тем, что к концу лета в Люблянской провинции у итальянских оккупационных сил испортились отношения с населением из-за насильственного навязывания ими фашизма, а главным образом – из-за появления первых ростков сопротивления итальянским властям. 10 сентября 1941 г. он выпустил указ о введении репрессивных мер. За хранение оружия или поддельных документов, удостоверяющих личность, саботаж и помощь повстанцам грозила смертная казнь. «Всякий мужчина, способный владеть оружием, пойманный без удостоверения в военных районах или вызвавший подозрение, будет расстрелян»⁸. В ответ на это 16 сентября состоялось третье засе-

⁵ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III. Ljubljana, 1990. S. 20, 21; *Vidmar J.* Obrazi... S. 482.

⁶ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III... S. 94.

⁷ *Kocbek E.* Pred viharjem. Ljubljana, 1980. S. 173.

⁸ *Ruzicic-Kessler K.* Italiener auf dem Balkan. Besatzungspolitik in Jugoslawien 1941–1943. Berlin, 2017. S. 105; National Archives and Records Administration, Washington (далее – NARA). OSS. RG 84. B 38; *Osti Guerrazzi A.* The Italian Army in Slovenia. Strategies of Antipartisan Repression, 1941–1943. New York, 2013. P. 27, 28.

дание Верховного пленума ОФ, на котором было подтверждено равноправие всех партий и общественных групп, выразивших готовность к сотрудничеству с ним. Помимо этого, Верховный пленум ОФ был преобразован в Словенский народно-освободительный комитет (СНОК), в котором были представлены 15, а в конце года уже 20 различных идеологических групп, важнейшими из которых были четыре: коммунисты, христианские социалисты, левые соколы и деятели культуры либеральной ориентации. Этот орган назначил Исполнительный комитет, который фактически выполнял функции правительства, первого в югославском партизанском движении. Он провозгласил себя единственным органом, призванным во время освободительной борьбы представлять словенский народ и руководить им на всей его территории. Словенское военное собрание, вооруженное подразделение ОФ, формально присоединилось к партизанским отрядам Югославии, но при дополнительном условии: необходимо договориться с представителями других ее народов о создании нового общего государства. СНОК потребовал, чтобы все граждане, соответственно своим доходам, выплачивали национальный налог и «Займ свободы». Любую организацию вне ОФ во время иностранной оккупации он определял как вредоносную, что фактически означало, что СНОК присвоил себе атрибуты государственной власти и право защищать их любыми способами. Смертная казнь грозила каждому, кто «собирает и уводит национальные силы в собственных эгоистических целях». СНОК призвал словенцев «безжалостно бороться как с немецкими, так и с итальянскими оккупантами». «Голова за голову, смерть за смерть!»⁹.

Лидер словенских коммунистов Эдвард Кардель, который в то время не был в Любляне и не присутствовал на заседании верховного пленума ОФ, высказал недовольство созданием «правительства» ОФ. Он не переносил, когда важные решения принимались без его одобрения, и в письме к Тито с насмеш-

---

⁹ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo: Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2010. S. 138, 139; *Pleterski J.* Pravica in moč za samoodločbo. Med Meternichom in Badinterjem. Ljubljana, 2008. S. 556.

кой назвал это преждевременно созданное «правительство» «опереттой». Он считал, что его инициатор Борис Кидрич, секретарь исполкома ОФ, «сделал серьезную ошибку»¹⁰. Но Кардель не понимал, что ОФ был обязан провозгласить себя высшим органом «народной власти», раз присвоил себе право выступать как истинный и единственный представитель нации, глашатай ее освобождения и социального преобразования. Несомненно, это был самовольный и смелый шаг, базировавшийся не только на убеждении коммунистов, что они единственные подлинные толкователи истории и что победа и революция уже совсем близко, но и на убежденности их «союзников», что пришло время для палингенеза словенцев, как отметил Коцбек, – для «преобразования всей их сущности»¹¹. Этот шаг не был лишен логики, так как в сложившихся условиях, когда кроважидные и преступные соседи обрекли словенский народ на смерть, невозможно было представить, что восстание расколется на конкурирующие идеологические течения, поскольку тогда бы оно потерпело поражение в самом начале. Это требование было небезосновательным, так как уже летом ОФ стал очень популярен среди населения, особенно когда стало известно, что в нем принимают участие христианские социалисты. Это признавали и его противники, когда пессимистически констатировали, что народ «стремился» к освободительному движению. Даже члены общества св. Марии стали его активистами¹². «В нас, – позже написал Коцбек, – (люди – Й. П.) увидели гарантию защиты от коммунистического ужаса. Особенно в Любляне и среди духовенства. “Только благодаря вам мы пришли в ОФ. Вы пробудили в коммунистах словенское самосознание, вы привели коммунистов в коалицию”».

---

¹⁰ *Matović I.* Vojskovođa s oreolom mučenika. Beograd, 2001. S. 285; *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 560.

¹¹ *Hribar T.* Ločevanje duhov // Žrtve vojne in revolucije: zbornik. Ljubljana, 2005. S. 93; Pojmovanje revolucije v različnih segmentih OF in NOB // Žrtve vojne in revolucije... S. 128, 129.

¹² *Inkret A.* In stoletje bo zardelo... S. 132; *Možina J.* Slovenski razkol: Okupacija, revolucija in začetek protirevolucionarnega upora. Ljubljana, 2019. S. 57.

«Они не знали, – добавил он смиренно, – что это была линия КПС»¹³.

«Благодаря Освободительному фронту, – писал Йосип Видмар, – почти каждый словенец в кратчайшие сроки был вынужден сделать выбор за кого он: за освободительную борьбу или за оккупантов»¹⁴. Повсеместно создавались полевые комитеты, которые начали проводить диверсионные операции, распространять нелегальную прессу, собирать средства для партизанской армии и писать враждебные лозунги на фасадах домов. Молодая врач рассказывала: «В наши задачи входило собирать медикаменты, простыни, старую одежду и обувь. Так как у врачей было разрешение итальянских властей, мы могли передвигаться по городу даже ночью. <...> Мой отец [инженер Душан Сернец] собирал тогда денежные взносы для ОФ. Он также отдал приданое, то есть деньги, которые берег для моих сестер и для меня»¹⁵. Провал политики сотрудничества с итальянцами по-своему признал и бывший бан Люблянской бановины Марко Натлачен, который из-за критики со стороны своих политических товарищей в Югославском правительстве в изгнании, находившемся в Лондоне, решил в сентябре 1941 г. выйти из Совета «*consulte*», совещательного органа, учрежденного в конце мая верховным комиссаром Грациоли в знак (показного) уважения к словенцам. Некоторые члены Совета, который собирался всего пять раз, последовали его примеру сразу же, а другие – в последующие месяцы. Тем самым они отреклись от мысли, что словенцы найдут свое место в «новом порядке» стран Оси, но не отказались от тактического сотрудничества с итальянцами до тех пор, пока западные союзники не придут им на помощь¹⁶.

¹³ *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 1, 2, 3. Zagreb; Rijeka, 1980–1984. T. 2. S. 1214.*

¹⁴ *Vidmar J. Obrazi... S. 317.*

¹⁵ *Logar T. Spomini dr. Božene Serneć Logar // Arhiv Jože Pirjevec, Trst. Материалы личного архива Б. Сернец Логар, переданные Й. Пирьевцу ее сыном Т. Логаром.*

¹⁶ *Губианский Л. Я. Югославия в период Второй мировой войны // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 381; Ruzicic-Kessler K. Italiener auf dem Balkan... S. 103.*

Хотя освобожденных территорий осенью 1941 г. еще не было, партизаны уже организовали подпольное руководство в оккупированных словенских землях, которое, по словам Янко Плелерского, подрывало власть захватчиков. В этом смысле показательной была деятельность Национальной защиты, сформировавшейся в Любляне и других частях провинции в основном зимой 1941–1942 гг., когда партизанские отряды были еще слабы. Ее члены жили в своих домах, но «тайно» устраивали многочисленные нападения на казармы, диверсии, изымали оружие. Важное значение имела и «Центральная техника» – организация пропаганды и агитации. Символ бунтарского духа – стилизованный Триглав с пятиконечной звездой и буквами ОФ – с осени 1941 г. все чаще появлялся на стенах, возвещая о том, что пришло время национального и социального обновления, которое уничтожит внешнее и внутреннее авторитарное устройство, установившееся в Дравской бановине в конце 1930-х годов под эгидой католической церкви.

Массовые отклики населения на призыв к восстанию сильно обеспокоили не только оккупантов, но и так называемых «здравомыслящих» словенцев, осознававших опасность заявления СНОК о том, что он является представителем нации. Они «сразу же заняли единственно возможную для искреннего словенца и принципиального антикоммуниста позицию по отношению к ОФ: беспощадная борьба с ним»¹⁷. Так говорилось в прокламации «Словенской национальной и академической молодежи», «гвардейцев», которые под руководством теолога Ламберта Эрлиха – фанатика, воодушевленного Испанской Фалангой¹⁸, – представляли ультраправое католически ориентированное движение в центральной Словении. Они считали, что историческое развитие Европы за последние пятьсот лет, отклонившись от христианства, создало капитализм, масонство, большевизм и нацизм. «Новая Европа не будет ни масонской, ни

---

¹⁷ *Pleterski J. Pravica in moč... S. 85, 587.*

¹⁸ Ультраправая политическая партия в Испании, основана в 1933 г. При авторитарном режиме Ф. Франко (1936–1975) была правящей и единственной законной партией в стране.

нацистской, ни большевистской. Она будет христианской или ее не будет вовсе»¹⁹. То, что эту идеологию, смесь клерикализма и фашизма, благословил 24 октября 1941 г. Люблянский епископ Григорий Рожман во «внутреннем» пастырском письме, которое не было опубликовано в епархиальной газете, но его зачитывали с церковных кафедр, привело к роковым последствиям. Его позиция основывалась на конкретных прецедентах. При посредничестве Словенской народной партии, входившей в правящий Югославский радикальный союз (ЮРС), католическая церковь во второй половине 1930-х годов имела большое влияние в Дравской бановине и мечтала создать в ней «Царство Божие», в котором словенцами будут считаться только католики. Она видела в коммунистах соперников в борьбе за власть, у которых, как и у нее, были мессианские амбиции. Она просто не могла смириться с подобной конкурентноспособной ересью²⁰. В своем письме Рожман прежде всего заявил о бессмысленности народно-освободительной борьбы и опасности коммунизма и подчеркнул, что для словенцев законной является только «регулярная армия» Королевства Италия, защищающая их от этой опасности. «Наша религиозная и национальная обязанность состоит в том, чтобы должным образом научить народ противостоять слепоте и близорукости, открыть ему глаза, чтобы он осознал, к какому злу ведут подобные действия, защитить восторженную, но безрассудную молодежь, чтобы она не поддавалась обманчивым и лживым лозунгам, но, старательно участь и работая, могла создавать для своего народа лучшее будущее. Мы учимся и учим других терпеть и ждать»²¹.

1 августа 1945 г. епископ Рожман отправил из Тироля, где он нашел убежище, обширное послание Папе Пию XII, напи-

¹⁹ *Pleterski J. Pravica in moč...* S. 306, 488; *Kranjc G. J. To Walk with the Devil: Slovene Collaboration and Axis Occupation, 1941–1945.* Toronto, Buffalo, London, 2013. P. 42; *Ude L. Moje mnenje o položaju. Članki in pisma 1941–1944 / ur. B. Mlakar.* Ljubljana, 2004. S. 54.

²⁰ *Ude L. Moje mnenje...* S. 147.

²¹ *Javoršek J. Spomini na Slovence III...* S. 82, 83; *Griessler-Pečar T. France Martin Dolinar, Rožmanov proces.* Ljubljana, 1996. S. 227; *Pleterski J. Knjiga pisem: Razmišljanje o slovenski državnosti.* Ljubljana, 2017. S. 51.

санное на латыни, в котором попытался оправдать свою деятельность в последние годы. В нем он сослался на энциклику Пия XI «*Divini Redemptoris*» от 1937 г., в которой говорилось, «что коммунизм – это нечто крайне плохое, поэтому тот, кто заботится о христианском воспитании, не будет с ним сотрудничать ни при каких обстоятельствах. Если бы кто-то позволил ввести себя в заблуждение и помогал бы коммунизму в родных краях, его первого постигла бы кара за эту ошибку!»²². В послании епископ совершенно избегал упоминания оккупации, принесшей страдания словенскому народу и являвшейся главной причиной любого насилия. Он также упустил из виду, что энциклика с канонической точки зрения не имела статуса непогрешимости, как это было определено Первым Ватиканским собором в 1870 г., и прежде всего то, что агрессивная политика Гитлера из-за нападения Германии на Запад и Восток полностью изменила ситуацию в мире. Когда американские епископы спросили Ватикан, как им действовать дальше в условиях союза США с Советским Союзом, тот не выступил против него. Несмотря на характерную для его политики осторожность, Пий XII не был готов принять тезис Гитлера о том, что нападение на Советский Союз было «крестовым походом», поэтому подчеркнул, что в энциклике нет актуальных политических указаний, особенно «если речь идет об оборонительной войне»²³. В беседе с британским посланником сэром Осборном в конце декабря 1941 г. он пошел еще дальше и сказал, что различает коммунизм идеальный и материалистический, принявший форму большевизма. Он признал добро в первом и заявил, что это добро исходит от христианства. Однако большевизм обезображен своим материалистическим атеизмом и теми политическими методами, которые он использовал и применял на практике²⁴. О военном союзе между Великобританией и Советским Союзом он ничего не сказал.

²² *Javoršek J. Spomini na Slovence III...* S. 79; Škofa Rožmana odgovor // *Nova revija*. 1990. L. 11. Št. 93–94. S. 879–893; NARA. OSS. RG 226. E 108. B 11. F 4.

²³ *Pleterski J. Pravica in moč...* S. 91, 310, 350; *Ude L. Moje mnenje...* S. 144.

²⁴ The National Archives, London (далее – TNA). FO 371/1103/R 345.

Когда католики в ОФ обратили внимание на «мудрое молчание» Ватикана в отношении «Divini Redemptoris», Словенская народная партия отвергла это заявление, сказав, что оно является выдумкой и подлогом²⁵. Епископу Рожману не обязательно было полностью следовать осмотрительной политике Ватикана, чтобы действовать иначе, не так, как он считал правильным. Он мог бы взять пример с епископа Ивана Йожефа Томажича из Марибора, который занимал сдержанную позицию по отношению к Третьему рейху и, к примеру, весь период оккупации отказывался от ежемесячной зарплаты, которую получал во времена Югославии. Он оставался в своем дворце, не желая сотрудничать с нацистами, хотя и не одобрял сопротивления им из страха перед репрессиями. Эта пассивная, но мятежная позиция предотвратила раскол в католическом лагере в Штирии, подобный тому, что произошел в Люблянском епископстве²⁶. Еще более красноречивой была позиция духовенства в Юлийской Крайне, как называли итальянцы аннексированное после Первой мировой войны Приморье, большая часть представителей которого уже много лет сопротивлялась фашизму и упорно продолжала эту борьбу во время войны. Поэтому духовенство в Юлийской Крайне было, по словам Коцбека, «необычайно чистым»²⁷. Таким образом, словенская церковь разделилась на три части: в то время как в Штирии и Верхней Крайне она укрылась в катакомбах и часто становилась объектом преследований нацистов, а в Приморье упорно сопротивлялась фашистскому режиму, в Люблянской провинции она видела в итальянских оккупантах союзника, которого можно было использовать в столкновении с самым страшным злом: «бездушным коммунизмом»²⁸.

²⁵ *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 433.

²⁶ *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 427; *Grmič V.* Zvesto pričevanje za evangelij in narod lavantinskega škofa dr. Ivana Jožefa Tomažiča // *Znamenje* 26. 1996. Št. 3–4; *Griesser-Pečar T.* France Martin Dolinar... S. 209; *Repe B.* S puško in knjigo... S. 272; *Čepič Z., Guštin D., Troha N.* Slovenija v vojni... S. 85.

²⁷ *Dedijer V.* Novi prilozi... T. 2. S. 1218.

²⁸ *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 260; *Kocbek E.* Tovarišija. Ljubljana, 1967. S. 100.

В этом смысле и действовали ультраправые в Словенской народной партии: уже 21 декабря 1941 г. в листовке под названием «Ультиматум» они пригрозили ОФ, что передадут оккупационным властям запрос на официальное расследование его преступлений, если он продолжит ликвидацию доносчиков, тем самым объявив ему борьбу любыми методами²⁹. Стремясь не допустить роста народно-освободительного движения, «гвардейцы» Эрлиха в нелегальной газете *Slovenija in Evropa* заклеили ОФ как полностью коммунистическое движение и стали выслеживать на улицах Любляны его сторонников, избивать их, а затем передавать итальянской полиции, с которой они сотрудничали еще с осени в качестве информаторов³⁰. В конце марта 1942 г. они подтвердили свою политическую ориентацию, заявив, что на данный момент «актуально только одно освобождение: словенский народ нужно освободить от коммунистического ОФ, и сделать это немедленно!»³¹. Учитывая эти обстоятельства, сложно сказать, что сопротивление деятельности ОФ проистекало только из страха перед террором Службы безопасности и разведки, и было бы лучше, если бы жители Люблянской провинции, принимая во внимание относительно «мягкую» политику итальянцев, затаились в ожидании лучших времен. За такое осторожное поведение выступал и предводитель сербских четников Дража Михайлович, который стал сотрудничать сначала с фашистами, потом с нацистами и из ненависти к партизанам, по словам одного итальянского генерала, связался бы и с дьяволом³².

Несомненно, восстание требовало больших жертв, и сотрудничество с силами Оси было бы менее болезненным. Одна-

²⁹ *Pleterski J. Pravica in moč... S. 282; Stanovnik J. Viharno stoletje / ur. J. Kušar. Ljubljana, 2013. S. 102.*

³⁰ *Ambrožič L. Novljanovo stoletje. 1908–2004. Ljubljana, 2006. S. 150; Inštitut za novejšo zgodovino, Ljubljana (далее – INZ). Fond Kardelj. Dok. 32. Op. 4; Repe B. S puško in knjigo... S. 248; Ude L. Moje mnenje... S. 54.*

³¹ *Mlakar B. Krogí nasilja med Slovenci v vojnih letih 1941–1945 // Žrtve vojne in revolucije... S. 23.*

³² *Bianchini S., Priviterra F. L'attacco italiano alla Jugoslavia. Settimo Milanese, 1993. S. 95.*

ко глава немецкой службы безопасности в Амстердаме, давая показания после войны, сказал, что его опорой были голландцы: «Без них мы не смогли бы осуществить и десяти процентов оккупационных задач». «Сопоставим, – отвечает историк Т. Джадт, – эту ситуацию с той, что была в Югославии, и требовала постоянного задействования целых дивизий лишь для того, чтобы удерживать партизан»³³. Чем закончилась бы война, если бы все спрятались в своем комфортном убежище? Для словенского народа, который не был ограничен рамками Люблянской провинции и Внутренней и Нижней Крайны, – гибелью, даже в случае победы западных союзников. В то время как голландцы могли опереться на многовековую идентичность, которую никто не отрицал, словенцам еще предстояло ее приобрести. И они, конечно, не могли бы сделать это, пойдя по пути коллаборационизма.

Коцбек в 1961 г., когда он был в опале у режима, в беседе с известным сербским историком Владимиром Дедиером дал комплексную характеристику Народно-освободительной борьбы (НОБ) в Словении: «Национальная революция, первый этап, ощущение, что впервые в истории мы воплотили в жизнь всеобъемлющую общенациональную идею, что мы приближаемся к национальному суверенитету»³⁴. Словенский народ, который в 1916 и 1941 гг. из-за равнодушия Европы, был дважды разделен на четыре части, во Второй мировой войне исчез бы с ее карты. Президент США Рузвельт в письме к политическим представителям сербов, хорватов и словенцев еще до нападения Гитлера на Югославию 6 апреля 1941 г. ясно дал понять это: «Америка поможет только тем странам, которые окажут сопротивление нападению Германии. Соединенные Штаты на мирной конференции будут принимать во внимание только те государства, которые будут обороняться. Государства, которые не станут защищаться, не заслуживают независимости»³⁵.

³³ *Ganapini L.* Collaborazionismi, guerre civili, Resistenze: il caso italiano // *Qualestoria*. A. XLIII. Dicembre 2015. № 2. S. 23.

³⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi... Т. 2. S. 1217.

³⁵ *Godeša B.* Čas odločitev: Katoliški tabor in začetek okupacije. Ljubljana, 2011. P. 158.

Сначала тех, кто решился отправиться в леса, было мало, так как для такого рискованного шага требовалось немало мужества. До конца 1941 г. их численность не превышала 2 тыс. человек³⁶. Тем не менее появление «бандитов» сильно встревожило итальянские оккупационные власти, которые поначалу надеялись, что удастся подавить их решительными мерами. Уже 29 июля 1941 г. по приказу Муссолини было объявлено военное положение на всей территории Люблянской провинции, и силами пехотных дивизий «Изонцо» и «Гранатьеры ди Сардиния», шести батальонов фашистской милиции, двух снайперских батальонов, подразделения пограничной охраны и артиллерийской части итальянцы начали «зачистку» местности. «Лучше, – сказал генерал Марио Роботти, командующий 2-го армейского корпуса, в сентябре 1941 г., – чтобы заплатил кто-то из этих коммунистов, даже если его вина не очевидна, и он не безоговорочно виноват, чем наши солдаты терпели бы их саботаж»³⁷.

Грациоли, желая доказать, что он контролирует ситуацию, через несколько дней отправился с полицейскими подразделениями в Крим, Мокрец и Люблянский пик и попытался захватить партизан. Напрасно. Они ускользнули так успешно, что почти никто не был пойман. Партизаны отступали, но в то же время снова и снова атаковали, чтобы громко и ясно сказать итальянцам: мы здесь, вы нас не испугали³⁸. Эта неудача итальянцев имела важные последствия, поскольку, несмотря на сопротивление Грациоли, армия стала брать бразды правления в свои руки³⁹. 19 октября состоялась первая важная операция, когда группа партизан во главе с бывшим королевским офицером Любо Шерцером в темноте атаковала

³⁶ *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 72; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana della Slovenia (1941–1943). Roma, 1998. S. 48.

³⁷ *Legnani M.* Il «ginger» del gen. Roatta. Le direttive della 2. armata sulla repressione antipartigiana in Slovenia e Croazia // Italia Contemporanea. Dicembre 1997 – marzo 1998. № 209–210. S. 156; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 140, 141.

³⁸ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III... S. 46.

³⁹ *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 143.

итальянскую базу в Ложе под Церкницей, ранив 11 солдат, двое из которых скончались от ран. Следующей ночью партизаны взорвали находившийся поблизости пороховой склад и убили троих охранников холодным оружием. «В обоих случаях, – писал генерал Роботти, – очевидно участие населения. <...> Эти события ясно показывают, что мы находимся в явно враждебной стране. Нас окружают люди, которые ненавидят итальянцев»⁴⁰.

Он не ошибся. Активность СБР и партизан во многом способствовала тому, что ОФ все больше получал поддержку населения. В конце ноября 1941 г. это отметил в своем докладе генерал Таддео Орландо, командир дивизии «Гранатьеры ди Сардиния». О ситуации в Люблянской провинции он писал: «Прохладное отношение населения, которое вначале восприняло нашу оккупацию как “меньшее зло”, начиная с 22 июня постепенно переросло в беспорядки, а затем в открытую и провокационную враждебность, переходящую теперь в вооруженное восстание»⁴¹. Не последнюю роль сыграли в этом 15 тыс. словенских беженцев, которые еще до войны бежали от фашизма из Юлийской Крайны в Люблян и были настроены резко антифашистски. Несмотря на усилия Грациоли по обеспечению населения провинции достаточным количеством еды, росту повстанческих настроений в значительной степени способствовало ухудшение уровня жизни из-за подорожания самых необходимых товаров в первые месяцы после оккупации. Конечно, агитаторы ОФ сумели использовать и эту ситуацию⁴².

Верховный пленум ОФ, воодушевленный успехом своей пропаганды, вести которую, помимо широко распространявшейся печатной продукции, помогала нелегальная радиостанция «Кричач» (с 17 ноября 1941 г. по 4 апреля 1942 г.), на четвер-

---

⁴⁰ Cuzzi M. L'occupazione italiana... S. 145; Osti Guerazzi A. The Italian Army... P. 33, 34.

⁴¹ Ferenc T. La Provincia 'Italiana' di Lubiana, Documenti 1941–1942 // Udine: Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione, 1994. S. 227.

⁴² Ferenc T. Narodnoosvobodilni boj v Ljubljani: Pregled // Gestrin F. Zgodovina Ljubljane: Prispevki za monografijo. Ljubljana, 1984. S. 407.

том заседании 1 ноября 1941 г. отточил свою программу и свел ее к семи «Основным пунктам», к которым в начале января следующего года добавились еще два. С одной стороны, эта программа конкретна, а с другой – исполнена оптимистичного идеализма. В ней объявлено о начале вооруженных действий, не признан раздел Югославии, выдвинуто требование объединения Словении, высказано стремление к союзу славянских народов под руководством великого русского народа на основе права каждого народа на самоопределение и обещана последовательная народная демократия после победы. В четвертом пункте даже ставится задача преобразовать словенский национальный характер. «Словенские народные массы, борющиеся за свои национальные и человеческие права, создают новый образ активного словенского народа»⁴³. Эту формулировку внес в программу Эдвард Коцбек, хотя остальные «интеллектуальные» члены пленума восприняли ее скептически, считая пустой фразой⁴⁴.

По инициативе коммунистов в пункте девятом, сформулированном под влиянием раскола между четниками и партизанами в Сербии, констатировалось, что «основой Национальной армии на словенской территории являются словенские народно-освободительные партизанские отряды и силы Народной обороны, вступить в Армию призываются все сознательные словенцы». Иначе говоря, это означало, что вне подразделений вооруженных сил, созданных ОФ, не может быть другого повстанческого движения. Конечно, не все с этим согласились. В конце января 1942 г., в соответствии с девятым пунктом, СНОК принял постановление, в котором угрожал смертной казнью всем, кто будет противиться этому⁴⁵. Как и в других югославских землях, где вспыхнули восстания, в Люблянской провинции обострились идеологические конфликты между приверженцами ОФ и сторонниками традиционных партий, и последствия их были

⁴³ *Repe B. S puško in knjigo...* S. 65.

⁴⁴ Pričevanje Žive Vidmar // Arhiv Jože Pirjevec. Материалы записей и бесед Ж. Видмар с Й. Пирьевцем.

⁴⁵ *Repe B. S puško in knjigo...* S. 66.

кровавыми. Борис Кидрич четко определил эту ситуацию: он заявил, что настало время народной революции⁴⁶.

В то же время несомненно, что иностранная оккупация дала толчок развитию новых форм деятельности словенцев – как государствообразующей, так и общественной. Особенно это касается студентов и молодых интеллектуалов, которые уже со времени нападения, 6 апреля, хотели бороться с захватчиками, несмотря на то, что Национальный совет призывал югославскую армию сдатьсь⁴⁷. Об этом красноречиво свидетельствует история Антона Вратуши, молодого лейтенанта запаса, который в начале апреля 1941 г. стал свидетелем развала югославской армии в округе г. Птуй и после расформирования своего подразделения вернулся в Люблян, переодевшись слугой. Там он встретил своих товарищей по славистическому семинару, которые спросили его: «Что теперь?». «Ничего, – ответил Вратуша, – будем драться, пока не увидим, как они сверкают пятками». Они начали организовывать выпуск листовок и плакатов с лозунгами против оккупантов, триколорами, серпом и молотом как символом надежды на советскую помощь и проводить военную подготовку. «Затем, – говорит Вратуша, – появился ОФ и его деятельность увлекла нас»⁴⁸. Таких случаев стихийной организации сопротивления было немало, и стремление к восстанию росло. Это стало очевидно уже 29 октября, а также 1 и 11 декабря 1941 г., в годовщины падения Габсбургской монархии или образования Государства словенцев, хорватов и сербов, Королевства сербов, хорватов и словенцев и смерти наиболее значительного словенского писателя Ивана Цанкара. В Любляне тогда прошли студенческие демонстрации и столкновения с фашистами. Самым показательным было то, что население последовало призыву ОФ и покинуло улицы и общественные помещения с 7 до 8 вечера.

---

⁴⁶ *Godeša B.* Ustanovitev Slovenskega narodnoosvobodilnega odbora in pomen njegovih odlokov za nadaljnji razvoj v Sloveniji // *Žrtve vojne in revolucije...* S. 34.

⁴⁷ *Čepič Z., Guštin D., Troha N.* Slovenija v vojni... S. 49.

⁴⁸ *Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka. 20. stoletje skozi pričevanja štirih slovenskih diplomatov. Koper, 2014. S. 60; *Roter Z.* Padle maske. Od partizanskih sanj do novih dni. Ljubljana, 2013. S. 35.

По улицам были разбросаны тысячи листовок с обозначением «ОФ», словенскими флагами с красной звездой, призывами к восстанию против оккупантов и к борьбе: «Смерть фашизму!». Противники ОФ специально вышли на улицы, чтобы помешать этой «тихой акции», но итальянцы арестовали их, так как были убеждены, что они партизаны. Некоторых даже расстреляли. Наступил полный хаос⁴⁹.

Итальянцы ответили на эти вызовы усилением давления. По городу чаще, чем в начале оккупации, стали циркулировать тяжеловооруженные патрули, военные объекты были огорожены колючей проволокой, «законопослушность» горожан стали выборочно проверять на улицах. 19 ноября 1941 г. командование 2-й армии учредило Люблянское отделение военного трибунала, которое к 8 сентября 1943 г. организовало 8 405 процессов над 12 574 подсудимыми. Из них 84 человека были приговорены к смертной казни, а 484 – к пожизненному заключению⁵⁰. Новые власти больше не скрывали своих имперских планов. Верховный комиссар Грациоли, отдавший приказ о переброске 11-го легиона фашистских «Черных рубашек» в Люблян в конце мая 1941 г., потому что в Сежане он «отлично» зарекомендовал себя при проведении политики денационализации, заявил в речи перед группой фашистов в декабре 1941 г.: «После того, как мы превратим Люблян в итальянскую провинцию <...>, мы также итальянизируем ее жителей»⁵¹.

Несмотря на рост напряженности, можно сказать, что комедия и трагедия в то время шли рука об руку. Например, молодой врач д-р Божена Сернец, арестованная в ноябре 1941 г., защитила от побоев подругу по несчастью, научив ее петь арии из

⁴⁹ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III... S. 64, 65.

⁵⁰ *Cernigoi E.* La Brigata d'Assalto «Triestina» nella Zona di Operazioni Litorale Adriatico: Una storia militare, 1943–1945. Cormons, 2017. S. 65.

⁵¹ *Scotti G.* «Bono taliano»: Militari italiani in Jugoslavia dal 1941 al 1943: da occupatori a disertori. Rim, 2012. S. 214; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 44; *Rovatti T.* Diritto di repressione. L'esperienza del Tribunale militare di Lubiana (1941–1943) // Carcere giustizia. L'azione giudiziaria in transizione / ur. I. Bolzon, F. Verardo. Istituto Regionale per la Storia della Resistenza e dell'Età Contemporanea nel Friuli Venezia Giulia. Trieste, 2018. S. 30–40.

итальянских опер, а в феврале 1942 г. симитировала приступ аппендицита, чтобы избежать тюремного заключения. Она также научила нескольких других заключенных, как это делать. Знакомый хирург оперировал ее под местной анестезией, чтобы она не выдала никаких имен под действием наркоза, и тайком наполнил аппендикс кровью, так что его итальянский ассистент поверил, что он действительно воспалился⁵². Конечно, подобное сотрудничество врачей с ОФ недолго оставалось незамеченным. В последующие месяцы власти ужесточили контроль над ними и, среди прочего, даже ограничили использование лекарств в больницах, поскольку их часто передавали партизанам⁵³.

Опасаясь, что мятежные настроения распространятся из Люблянской провинции на соседние Юлийскую Крайну и Венецию, итальянцы в первой половине декабря 1941 г. организовали получивший широкий резонанс судебный процесс. На особом заседании суда по защите государства, которое именно для рассмотрения этого случая было перенесено из Рима в Триест, слушалось дело 60 патриотов. Большинство из них приговорили к значительным срокам заключения, а пятерых – к смертной казни. Префект Триеста Тамбурины сообщил в Рим, что «присутствовавшая в зале толпа, состоявшая в основном из фашистов, аплодировала приговору»⁵⁴. Если с помощью такой репрессивной политики итальянцам все же удавалось контролировать ситуацию в Юлийской Крайне, то в Люблянской провинции они выпустили ее из рук. С октября начались массовые аресты и ссылка в лагеря всех подозреваемых во враждебной деятельности, так что застенки были переполнены людьми всех возрастов, ожидающими суда⁵⁵. Когда 4 декабря 1941 г. партизаны взорвали мост у Брезовицы и тем самым на несколько часов заблокировали для войск сил Оси жизненно необходимую транспортную артерию между Италией, Средней Европой и Балканами, захваченным в плен случайным «бан-

⁵² Logar T. Spomini dr. Božene Sernec Logar...

⁵³ Cuzzi M. L'occupazione italiana... S. 212.

⁵⁴ Ibid. S. 159.

⁵⁵ Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni... S. 198.

дителям», не принимавшим участия в операции, были вынесены первые смертные приговоры⁵⁶.

Тогда же, из-за предательства курьера, итальянская полиция при поддержке гестапо в ночь на 10 декабря 1941 г. арестовала нескольких лидеров КПС, незаконно проживавших в двух люблянских квартирах: организационного секретаря партии Тоне Томшича – Гашпера, его жену Виду, Михо Маринко – Полде, Мику Шландер и жену Карделя Пешцу. Из них только Шландер удалось бежать из тюремной больницы с помощью СБР 19 марта 1942 г. Напряженная ситуация в Люблянской провинции нашла отклик и в Риме. В первых числах января 1942 г. Галеаццо Чиано, посетив секретаря фашистской партии Альдо Видуссони (который ему не нравился из-за своей ограниченности), записал в дневнике: «После того как мы поговорили о мелких текущих делах, он высказывает несколько политических замечаний и озвучивает кровожадные намерения относительно словенцев. Он хочет убить их всех. Осмеливаюсь сказать, что их миллион. Неважно, – твердо отвечает он, – надо поступить как аскари (воинственное эритрейское племя, наемники на службе у итальянцев – *Й. П.*) и всех их истребить»⁵⁷.

* * *

К концу 1941 г. в окрестностях Любляны итальянские войска сожгли множество деревень, взяв в плен в основном мальчиков и мужчин, а женщин оставив на пепелище. Генерал Роботти потребовал, чтобы Грациоли взял под контроль звон церковных колоколов, так как священники и звонари нередко с его помощью сообщали партизанам о приближении итальянских колонн. Представители низшего клира долго не выступали против ОФ⁵⁸.

Свободное передвижение по Люблянской провинции разрешалось только по специальным пропускам, при этом столица

⁵⁶ *Javoršek J. Spomini na Slovence III... S. 83.*

⁵⁷ *Ciano G. Diario 1937–1943. Milano, 1980. S. 578.*

⁵⁸ *Cuzzi M. L'occupazione italiana... S. 195; Dedijer V. Novi prilozii... T. 2. S. 1215.*

была окружена полосой из 69 бетонных дотов и пулеметных гнезд, связанных с конца февраля 1942 г. более чем 40 км колючей проволоки. В город, окруженный минными полями, можно было попасть через девять укрепленных контрольно-пропускных пунктов⁵⁹. Точно так же были разделены районы города. Роботти полагал, что люди склонятся перед фашистским режимом только тогда, когда будут вынуждены осознать, «что наша доброта и цивилизация несут с собой необходимую для победы энергию государства и правительства»⁶⁰.

Власти также ввели комендантский час, действовавший с середины февраля 1942 г. с половины шестого вечера, в конце марта началась конфискация радиоприемников и личных автомобилей, а с 1 апреля было запрещено передвижение по городу на велосипедах, в первую очередь из-за того, что члены СБР расстреливали с них своих жертв. Конфисковывали даже лыжи. Систематически проводились проверки районов города, помещений различного рода, квартир, подвалов и чердаков⁶¹. Были запрещены почтовые операции, исключение было сделано лишь для епископства, но даже его почту подвергали жесткой цензуре. Чтобы максимально осложнить контакты солдат с населением, особенно с женщинами (что было обычной политикой в итальянской армии), Роботти добился открытия в Любляне публичного дома, и епископ Рожман, сначала поколебавшись, все же согласился на это⁶². Однако все эти меры успеха не имели. ОФ получал все большую поддержку в народе, особенно среди молодежи и образованных людей, а также среди женщин, которые массово пополняли его ряды. Они сыграли решающую роль в формировании нелегальной «Словенской национальной помощи», которая была создана по

⁵⁹ *Ferenc T. Narodnoosvobodilni boj...* S. 417; *Koprivc J. Generalov let. Spomini generala Ivana Dolničarja.* Ljubljana, 2005. S. 24.

⁶⁰ *Ruzicic-Kessler K. Italiener auf dem Balkan...* S. 213.

⁶¹ *Bebler A. Čez drn in strn. Spomini.* Koper, 1981. S. 97; *Repe B. S puško in knjigo...* S. 145.

⁶² *Cuzzi M. L'occupazione italiana...* S. 171, 219.

образцу советского Красного креста и, помимо прочего, заботилась о детях, чьи родители присоединились к партизанам. Их называли «маленькими нелегалами», и было их около 200 человек⁶³.

Когда Пленум деятелей культуры ОФ в январе 1942 г. призвал к так называемому «культурному молчанию», запрещавшему сотрудничество с итальянцами в области культуры, это вызвало всеобщее одобрение. 3 января 1942 г., объявленный днем памяти павших; 7 февраля – в честь побед Красной Армии; 8 февраля – в честь годовщины смерти словенского поэта Франце Прешерна; и 15 февраля – в день, когда в XVI в. во время казни вождю крестьянских восстаний Матии Губецу надели на голову раскаленную железную корону, с семи до восьми часов вечера Любляна замирала в общем, пусть молчаливом, но, как говорили итальянцы, «всеобъемлющем» протесте. Улицы были пусты, хотя карабинеры и пытались насильно выгонять людей из домов, избивая их прикладами ружей и даже сажая в тюрьму⁶⁴. Однако, когда в конце января итальянцы и их приспешники попытались таким же образом почтить память своих павших воинов, на улицах Любляны закипела жизнь. Нередко в день какого-нибудь итальянского праздника словенский флаг с пятиконечной звездой взмывал над церковной колокольней или фабричной трубой⁶⁵.

Эдвард Кардель был прав, когда писал в начале августа 1942 г.: «В истории мало примеров такого сопротивления, какое развивается в городе Любляна»⁶⁶. Действительно, в оккупированной Европе было не много крупных городов, где негативное отношение к ненавистным иностранцам выражалось бы более организованно, провокационно и опасно для захватчиков. По примеру ирландских повстанцев, сражавшихся против англи-

⁶³ *Maček I.* Spomini. Zagreb, 1981. S. 177; *Čepič Z., Guštin D., Troha N.* Slovenija v vojni...

⁶⁴ *Ferenc T.* Narodnoosvobodilni boj... S. 414; *Inkret A.* In stoletje bo zardelo... S. 160; *Repe B.* S puško in knjigo... S. 216; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 163.

⁶⁵ *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 37.

⁶⁶ *Ferenc T.* Narodnoosvobodilni boj... S. 419.

чан в начале века, и приморских «тигровцев»⁶⁷, которые первыми в Европе оказали сопротивление фашизму, создавались «тройки», в которых только один член знал о связи с другой тройкой, то есть формировалась структура ячеек, уничтожить которую было трудно. 18 мая 1942 г. Галеаццо Чиано записал в дневнике: «Дела в Словении идут неважно. Верховный комиссар требует прибытия 24 тыс. человек. Кажется, улицы Любляны непроходимы для наших войск. Каждая прихожая и каждый человек таят в себе опасность»⁶⁸. Действительно, итальянцы в Любляне были вынуждены содержать большой гарнизон и строить укрепления посреди города перед самыми важными учреждениями⁶⁹. «Для них это был знак, – говорит Иван Долничар, – что город контролирует кто-то другой. Это были тяжелые психологические удары для оккупанта»⁷⁰.

Роботти, Роатта, Эрлих и Рожман

В конце зимы 1942 г. из-за распространения восстания произошли значительные изменения на оккупированной итальянцами территории. Бывший командующий 2-й армией, отвечавший за Словению, Далмацию, Боснию и Герцеговину, Витторио Амброзио был переведен в Рим и назначен начальником Верховного штаба армии (*Capo di stato maggiore dell'esercito*). Его сменил Марио Роатта, бывший участник Гражданской войны в Испании и глава разведывательной службы – человек умный, но полностью преданный своему кровавому ремеслу. «Настоящий подлец», как охарактеризовал его британский политик Гарольд Макмиллан (1894–1986). Он, безусловно, мог рассчитывать на поддержку Муссолини, разделявшего его убеждение, что луч-

---

⁶⁷ «Тигровцы» – члены организации сопротивления ТИГР, действовавшей в Приморье с конца 1920-х годов. ТИГР – акроним названий областей, которые нужно было освободить из-под итальянского ига: Триест, Истрия, Горичия, Риека.

⁶⁸ *Ciano G. Diario 1937–1943...* S. 621.

⁶⁹ *Čolaković R. Zapisi iz oslobodilačkog rata. I–II. Sarajevo, 1977. II. S. 627.*

⁷⁰ *Koprivc J. Generalov let...* S. 24.

ший враг – мертвый враг⁷¹. Вступив в новую должность, Роатта инициировал решительный сдвиг в ведении борьбы с «бандитами», так как потребовал и получил полную автономию своих подразделений относительно гражданской власти. Это привело к острому конфликту с Грациоли в Люблянской провинции и с губернатором Бастианини в Далмации⁷². Последний занимал слишком важное положение среди фашистов, которое было трудно подорвать. Однако в Люблянской провинции генералу Марио Роботти, командующему 2-м армейским корпусом, в результате длительных интриг в Риме удалось добиться от Муссолини принятия декрета 19 января, жестко ограничившего власть верховного комиссара Эмилио Грациоли в его пользу. Они долгое время «грызлись как кошка с собакой», записал в воспоминаниях один из офицеров 2-го корпуса⁷³.

Перемена, произошедшая в верхах итальянских оккупационных сил, казалось бы, рутинная, на самом деле была чрезвычайно важной. До назначения Роатта и Роботти с партизанами боролись гражданские чиновники и полиция, которым изредка помогала армия, но теперь ситуация изменилась: главной стала армия, полиция и гражданская администрация теперь находились у нее в подчинении⁷⁴. «Дикий Марио», как прозвали Роатта, с самого начала столкнулся с проблемой Кореницы, города в хорватской Лике, который партизаны осаждали с конца декабря 1941 г. до конца марта следующего года. Расквартированные в нем итальянские бригады, особенно патрули чернорубашечников, понесли большие потери. Последних не только убивали, но и жестоко изувечивали их группы. Было ясно, что фашистам противостоят мотивированные и способные выйти на открытый

⁷¹ *Osti Guerazzi A.* «Schonungsloses Handeln gegen den bäsartigen Feind». Italienische Kriegsführung und Besatzungspaxis in Slowenien 1941/42 // Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte 62. Jhg. H. 4. Oktober 2014. S. 541–543.

⁷² *Goddi F.* Fronte Montenegro. Occupazione italiana e giustizia militare 1941–1943. LEG Edizioni, 2016. S. 165; *Macmillan H.* War Diaries: Politics and War in the Mediterranean: January 1943 – May 1945. New York, 1984. P. 220.

⁷³ *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 165.

⁷⁴ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III... S. 99.

бой подразделения. Осознание этого серьезно подорвало боевой дух итальянских войск на всей территории Балкан⁷⁵.

В ответ Роатта издал «Циркуляр 3 С» от 1 марта 1942 г., посредством которого намеревался реформировать свою армию, которая якобы была слишком «дружественной и доверчивой» по отношению к местному населению и недостаточно осознавала свое превосходство и захватнические цели. В нем он перечислил меры, необходимые для охраны общественного порядка и мира на территории, занятой 2-й армией. Двадцатистраничный циркуляр, дополненный в следующем месяце «Протоколом 7000» и вышедший в новой редакции в декабре 1942 г., содержал множество указаний, необходимых для «нормализации» ситуации в восставших провинциях путем «драконовских» мер, основанных на лозунге, более жестоком, чем ветхозаветная заповедь «око за око, зуб за зуб». «Не зуб за зуб, а голову за зуб», – писал Роатта⁷⁶. Он прямо подчеркнул, что «чрезмерные реакции», «чрезмерно жестокие действия» его подчиненных не подлежат наказанию, если они основаны на «истинной вере»⁷⁷. Это означало, что он заранее снимал со своих солдат вину за любое военное преступление, совершенное неважно против кого – «солдат или гражданских». Соответственно, Роатта одобрял захват и сожжение деревень, интернирование населения, уничтожение подозрительных лиц, а 24 апреля 1942 г., следуя примеру Германии, ввел систему репрессий: расстрел заложников за убийство не только итальянских солдат, но и местных квислингов. При этом итальянцы систематически подчеркивали, что жертвы, «несомненно, виноваты в коммунистической и террористической деятельности». Это, конечно, далеко не всегда было правдой⁷⁸.

В ответ верховное командование словенских партизанских отрядов 7 мая 1942 г. выпустило Заявление, что будет мстить

⁷⁵ *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 52.

⁷⁶ *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 177; *Ruzicic-Kessler K.* Italiener auf dem Balkan... S. 242–245.

⁷⁷ *Oliva G.* «Si ammazza troppo poco». I crimini di guerra italiani 1940–1943. Milano, 2006. S. 173–201.

⁷⁸ AJ. 113–34–194; *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 65.

за каждого расстрелянного заложника. Тем самым оно еще больше поощрило кровавые акции СБР, что, конечно, не мешало итальянцам продолжать свой террор. С конца апреля 1942 г. по январь 1943 г. в Люблянской провинции было убито 145 заложников, в том числе выдающиеся коммунисты, такие как Тоне Томшич⁷⁹. До этого его, как и многих других, долго пытали. Их пытали, втыкая иголки под ногти, выдирая ногти плоскогубцами или избивая мешками с горячим песком, чтобы все их тела покрылись волдырями и ожогами. Некоторым прижигали руки и ноги раскаленным железом. Смерть Томшича только усилила решимость партизан сражаться. Его товарищи «покаялись» отомстить за него⁸⁰.

Репрессии затронули и ни в чем не повинных людей, просто потому что власти заподозрили, что они потенциально опасны. В ночь с 19 на 20 марта 1942 г. около 700 бывших действующих офицеров и офицеров запаса королевской армии были арестованы и доставлены в фриульский лагерь Гонарс близ Пальмановы. Массовые облавы продолжались до конца июня, и с помощью местных предателей были захвачены 25–30 тыс. человек – 7–9 % населения. Еще более высокие цифры приводятся в докладе руководившего операцией генерала Таддео Орландо от 4 июля 1942 г.: «Население города Любляна 80 тыс. человек, половина – женщины. Мы взяли под наблюдение 40 тыс. человек в возрасте от 16 до 50 лет. <...> За несколько дней каждого проверили, представляет ли он политический интерес. Проведя арест 2 858 человек вдобавок к ранее арестованным 3 тыс., мы исключили из общественной жизни четверть всего физически здорового населения». 5 400 узников были интернированы в концлагеря. Не только в Гонарс, но и в Виско, Мониго, Рениччи, Каире Монтенотте и др. Самым младшим было 14 лет, а самым старшим 50⁸¹.

---

⁷⁹ *Maček I.* Spomini... S. 133.

⁸⁰ *Koprivc J.* Generalov let... S. 25.

⁸¹ Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im zweiten Weltkrieg 1939–1945. Band 3 / hrsg. K. Mehner. Osnabrück, 1992. S. 65; *Repe B.* S puško in knjigo... S. 219; *Becherelli A., Formiconi P.* La quinta sponda: Una storia dell'occupazione italiana della Croazia, 1941–1943. Rim, 2015. S. 149.

Когда людей арестовывали и уводили, случались шокирующие сцены отчаяния: «Женщины, мужчины и дети бросаются на колени перед нашими солдатами и умоляют со сложенными как в молитве руками, хоть это и напрасно, не жечь их дома, оставить в живых их близких», – написал один из очевидцев. Чтобы предотвратить нападения партизан на поезда и грузовики с пленными, власти приказали вырубить леса вдоль автомобильных и железных дорог. Под удар попали главным образом интеллигенты, врачи, юристы и студенты. По словам Грациоли, их всех следовало арестовать и интернировать⁸². Находившийся среди них Антон Вратуша рассказывает, как их запихивали в вагоны для скота и выгружали в Пальманове: «Если что-то и задело меня во время нашего переезда из лагеря в лагерь, то это был вид детей, которых выстроили вдоль пыльной дороги из Пальмановы в Гонарс, чтобы они плевались в нас и обзывали: “Бриганты!” (разбойники (ит. яз.). – прим. пер.)»⁸³.

Поскольку женщины также присоединялись к ОФ, причем не только в составе вспомогательных служб, но и в качестве бойцов, итальянцы начали сажать в тюрьму молодых девушек в возрасте от 18 до 22 лет, прежде всего студенток. Их также безжалостно пытали и насиловали в тюрьмах, причем сильнее всего пострадали коммунистки. Их, как и мужчин, отправляли в лагерь в Италии, наиболее известный из которых был в Фрашетте ди Алатри, многих сначала поместили в тюрьму в Венеции, которой управляли монахини. Они были не менее жестоки, чем самые жестокие фашисты. Одну из девушек, которая вот-вот должна была родить, выгнали из общей камеры как «грешницу» перед началом родов, посадили в одиночную камеру и бросили в безмолвных стенах. Словенские заключенные резко выступили против такого обращения и добились возвращения роженицы в общую камеру. После родов монахини отказывались принести воду для обмывания новорожденного, пока мать не согласится на крещение. Поскольку она не хотела

⁸² *Spartaco Capogreco* C. I campi del duce. Torino, 2004; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 195.

⁸³ *Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka... S. 62.

этого, сокамерницы сделали единственно возможное: собрали всю оставшуюся после дневной еды воду и, наконец, ополоснули ребенка⁸⁴.

Из Венеции женщин переводили в монастырь в Падуе, где обстановка тоже была невыносимой, средневековой. «Полно было жуков и вшей. В еде, картофельном супе, была земля и дождевые черви, – рассказывает доктор Божена Сернец. – Меня пожалела итальянская нищенка, которая всегда очищала от мусора мою еду, потому что иначе я все выблевывала». Чтобы хоть иногда выбираться из камер, женщины стали каждый день посещать мессу. «Мы пели в хоре народные песни, – пишет Сернец, – “Где те тропинки?”, “Наверху за озером”. Чтобы это звучало более правдоподобно, мы иногда кричали “Мария”. Меня подозвал священник и сказал, что он знает, что мы поем не религиозные песни, но его это не беспокоит, потому что уголовники при этом успокаиваются, а политические плачут»⁸⁵.

В конце марта 1942 г. руководство партизанских отрядов в центральной Словении реформировало их по образцу, введенному Тито на юге. Было принято решение разделить словенскую этническую территорию между четырьмя группами «отрядов», три из которых должны были действовать на территории, оккупированной немцами, а одна – в итальянской зоне. Партизанские лидеры, прежде всего, Кардель и Кидрич, рассчитывали, что децентрализация руководства будет эффективна, надеясь, что весной начнется всенародное восстание, главными очагами которого станут пролетарские центры в Верхней Крайне и Штирии. Более предусмотрительным был Алеш Беблер. Он полагал, что нужно создать освобожденную территорию к югу от Любляны, поскольку там, особенно в сельской местности, воодушевление партизанской борьбой становилось все заметнее⁸⁶. «Итальянская солдатня, – говорит Петер Ковачич Першин, опираясь на опыт своей семьи, жившей на холмах над Люблянским барьем, – обосновалась в долине. Народ

⁸⁴ Pričevanje Žive Vidmar: Pričevanje Vide Cemič...

⁸⁵ Logar T. Spomini dr. Božene Sernec Logar...

⁸⁶ Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni... S. 127, 128.

активно сотрудничает с партизанами, которые появились вскоре после капитуляции страны. Сельские жители их поддерживают и убеждены, что война будет недолгой и не дойдет до глубинки. Отец тоже самоотверженно возит по Нижней Крайне военное снаряжение для партизанских отрядов, чинит и шьет одежду и обувь для партизан. 1 мая 1942 г. в селе, вероятно, прошел первый первомайский парад в оккупированной Европе. Кримский отряд построен на деревенской площади. Национальные флаги развеваются на весеннем ветру, и надежда на зарождающуюся свободу, как ранний побег, начинает расти в испуганных сердцах. Партизан приняли как словенскую освободительную армию. Люди знают, что речь идет не только о национальном освобождении, но и о будущем общественном переустройстве, при котором крестьянин и рабочий не будут угнетены. Это Евангелие возвещает комиссар, и голос его слышен даже за последними домами»⁸⁷.

Если в марте 1942 г. в Люблянской провинции насчитывалось около 700 партизан, то в начале июля их было уже 3 900. Они все чаще устраивали нападения из засад на патрули и диверсии на железных и автомобильных дорогах. В связи с этим итальянское командование 2-го корпуса в рамках операции «Примавера» с 7 февраля начало объединять маленькие и разрозненные гарнизоны в более крупные, в убеждении, что это поможет укрепить контроль над территорией. Генерал Роатта решил отказаться от около 123 баз, разбросанных по всей Люблянской провинции, и сконцентрировать силы в более крупных населенных пунктах. Его девизом было: «лучше иметь меньше многочисленных, сильных и безопасных гарнизонов и подвижные резервы»⁸⁸. Этот стратегический ход, вызвавший панику среди тех, кто боялся партизан, не привел к успеху, так как повстанцы сумели использовать освободившиеся места. Они стали контролировать все более и более обширные территории и продолжали угрожать движению на линии Триест – Любляна – Грац. Верховное командование словенских отрядов

⁸⁷ *Kovačič Peršin P.* Stopinje v pesku zgodovine. Ljubljana, 2018. S. 92.

⁸⁸ *Ruzicic-Kessler K.* Italiener auf dem Balkan... S. 211, 249.

прекрасно понимало, что итальянцы собираются использовать ее для переброски своих войск на русский фронт, и поэтому приказало штабам подразделений воспрепятствовать движению транспорта на восток, поскольку это – стратегическая задача освободительного движения⁸⁹.

В этих обстоятельствах резко обострились опасения итальянских властей. В отчете Министерству внутренних дел в июне 1942 г. верховный комиссар Грациоли писал, что вооруженные силы в Люблянской провинции контролируют только 39 из 95 муниципальных центров, да и в них часто только собственные казармы⁹⁰.

* * *

Итальянцы были так взбешены эскалацией восстания, что даже хотели применить ядовитые газы, как они это сделали в Абиссинии. Однако они отказались от своих намерений, «чтобы не произошло опасного прецедента», который мог бы отразиться на самой Италии⁹¹. В Любляне конфисковали около 600 собак лучших пород, чтобы обучить их выслеживать партизан⁹². Из операций партизан их особенно задела та, которая произошла 28 июня 1944 г., когда под Вердом возле Боровницы партизанские отряды напали на эшелон, который вез в Гонаре около 600 словенцев, захваченных в тот день в ходе рейдов. Красным сигналом они остановили поезд и открыли огонь, не дав охранникам выйти из купе. Они взломали замки товарных вагонов, в которых теснились заключенные, и помогли им бежать. На следующий день поезд прибыл в Постојну пустой.

⁸⁹ *Možina J.* Slovenski razkol... S. 136; *Strugar V.* Jugoslavija 1941–1945. Ljubljana, 1980. S. 97.

⁹⁰ *Čepič Z., Guštin D., Troha N.* Slovenija v vojni... S. 130.

⁹¹ *Osti Guerazzi A.* «Schonungsloses Handeln»... S. 546, 547; *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 61; *Italiani senza onore: I crimini di guerra in Jugoslavia e i processi negati, 1941–1951* / ed. C. Di Sante. Verona, 2005. S. 31; *Gobetti E.* Alleati del nemico. L'occupazione italiana in Jugoslavia (1941–1943). Rim, 2013. S. 92, 93; *Burgwyn H. J.* General Roarra's War against the Partisans in Yugoslavia: 1942 // *Journal of Modern Studies.* 2004. № 9 (3). P. 320, 321.

⁹² *Maček I.* Spomini... S. 144.

Генерал Роатта направил своему подчиненному Роботти возмущенное письмо: «Считаю необходимым обратить внимание Вашего превосходительства на тот фатальный факт, что действия наших вооруженных сил в Словении стали предметом насмешек»⁹³.

Несмотря на избранную итальянцами политику «твердой руки» (а может быть, благодаря ей), партизанские отряды весной и летом 1942 г. быстро наращивали силы и вели себя все более вызывающе. В Любляне, по словам Зденко Ротера, «повстанческие антиоккупационные настроения и конкретные акции буквально фонтанировали». Повсюду появлялись враждебные итальянцам надписи, тротуары были усыпаны листовками с лозунгами и партизанской символикой. Накануне 1 мая 1942 г. на окрестных холмах зажгли костры в честь праздника, затем в том же месяце произошли нападения на вражеские базы и патрули, были совершены диверсионные операции на автомобильных и железных дорогах, вынудившие итальянцев вновь отступить⁹⁴. Вдоль железной дороги к юго-востоку от Любляны, во Внутренней и Нижней Крайне, ОФ удалось создать довольно широкую освобожденную территорию, которая, по данным оккупантов, охватывала две трети Люблянской провинции. В этом «партизанском государстве», которое коммунисты любили сравнивать с Парижской Коммуной 1871 г., они, по решению Исполкома ОФ от 17 мая 1942 г., начали устанавливать свою власть: сняли прежних жупанов и городские советы, а на выборах, в которых впервые приняли участие и женщины, избрали народно-освободительные комитеты. Они отменили старое законодательство, запретили мародерство и пьянство, а за более серьезные преступления пригрозили смертной казнью. Некоторые приговоры были приведены в исполнение. «Партизанское правительство» с помощью административных комиссий заботилось о финансах, экономике, судебной системе, образовании, сельском хозяйстве, пропаганде, связях с другими югославами, армии и снабжении продуктами питания населе-

⁹³ *Osti Guerazzi A.* «Schonungsloses Handeln»... S. 548.

⁹⁴ *Maček I.* Spomini... S. 134.

ния и бойцов. Был создан уникальный для югославского освободительного движения порядок, что подтверждало решимость ОФ использовать войну для построения автономного словенского государства. При этом приходилось проводить реквизиции, затронувшие в основном зажиточных крестьян, что те воспринимали как революционные действия. Хотя Кидрич уже говорил о «советах», новое правительство систематически делало упор не на классовую борьбу, а на патриотизм, и от имени народа экспроприировало владения иностранных помещиков, которые зачастую являлись потомками габсбургского дворянства. Это должно было стать компенсацией материального ущерба, нанесенного оккупантом⁹⁵. Упомянутая «аграрная революция» пробудила «просто неописуемый энтузиазм по отношению к партизанам», как писал Кардель, убежденный, что больше никто не сможет привлечь этих крестьян на свою сторону⁹⁶. Он ошибался, как и итальянцы, сильно переоценившие мощь Народно-освободительного движения. Генерал Роатта считал, что в рядах партизан сражаются 12 тыс. бойцов, а активно поддерживают их от 20 тыс. до 30 тыс. человек. На самом деле бойцов на освобожденной территории было намного меньше, около 4 тыс., что же касается их поддержки населением Внутренней и Нижней Краины, то она была сомнительной, что вскоре стало очевидным⁹⁷.

* * *

Тем временем буржуазный лагерь также организовался и следил за событиями в Сербии, причем примером для него стало движение Дражи Михайловича, о котором он имел лишь поверхностную информацию. В самом начале 1942 г., в Праздник Трех Королей, представители СНП, оповестив своих друзей в

---

⁹⁵ Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni... S. 137, 138, 265.

⁹⁶ Čepič Z. Nekaj stopinj revolucije v pluralni dobi Osvobodilne fronte // Prispevke za novejšo zgodovino. Ljubljana, 1998. L. XXXVIII. № 1–2. S. 100; Možina J. Slovenski razkol... S. 414–417.

⁹⁷ Osti Guerazzi A. «Schonungsloses Handeln»... S. 541; Inkret A. In stoletje bo zardelo... S. 155; Pleterski J. Pravica in moč... S. 449.

лондонском эмигрантском правительстве о борьбе четников против коммунистов, заявили, что они и в Словении могли бы «уничтожить партизан, что очень полезно для нашего народа». Они утверждали, что ОФ продает Словению, потому что в своем интернационализме стремится к сотрудничеству с итальянскими и австрийскими антифашистами⁹⁸. В марте 1942 г. по указанию Михи Крека, ведущего члена Словенской народной партии и заместителя премьер-министра королевского правительства в изгнании, а также по инициативе майора Карла Новака, представителя Дражи Михайловича в Люблянской провинции, они основали организацию под названием «Словенский союз». В нее вошли группы людей, придерживавшихся разных идеологических направлений – католического, либерального, социалистического. Объединяло их негативное отношение к ОФ. «Тот, кто выстраивает свою освободительную деятельность по указанию какой-нибудь ненациональной или иностранной организации или силы, – писали они в своем первом воззвании, имея в виду Коминтерн и Советский Союз, – заставляет наш народ служить иностранцам, является предателем»⁹⁹. Они признавали королевское эмигрантское правительство, рассчитывали на победу западных союзников, имели радиосвязь с их секретными службами и в то же время воспринимали оккупантов как данность, с которой нужно примириться. Хотя они заявляли, что не будут с ними сотрудничать, вскоре начали это делать¹⁰⁰. «Потому что мы слишком хорошо понимаем, что не можем идти на танки с голыми руками, мы должны подавить свое стремление к героической деятельности и лучше делать то, что диктует наш разум в данных обстоятельствах. А он говорит, что нам лучше всего оставаться спокойными и проявлять лояльность к итальянцам, чтобы мы могли спасти то, что можно. И так до тех пор, пока

⁹⁸ *Pleterski J.* Knjiga pisem...; Polemika sa Svetozarjem Vukmanovićem in Vladimirom Dedijerjem // *Heretikus. Časopis za preispitavanje prošlosti.* Beograd, 2012. №. 1–2. S. 109.

⁹⁹ *AJ.* 103–34–194; *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 79; *NARA.* OSS. RG 226. E 106. B 6. F 52.

¹⁰⁰ *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 80; *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 50.

не настанет наш день, когда мы все встанем, как один человек, и поставим межевые знаки на границы словенских владений. Мы, словенцы и югославы»¹⁰¹.

Судьбоносное значение имел тот факт, что епископ Григорий Рожман и значительная часть зависевшего от него духовенства активно участвовали в борьбе с коммунизмом и при этом могли рассчитывать на поддержку влиятельных кругов Ватикана. Там госсекретариат с одобрением прокомментировал посланную ему в мае 1942 г. ноту епископа, в которой он сообщил, что «здоровая» часть его епархии чувствует угрозу из-за деятельности «террористов», с которыми итальянцы не могут справиться. Так что для защиты народа нужны дополнительные, очевидно, внутренние, силы¹⁰². В январе – феврале 1942 г., когда был спад освободительного движения, представители довоенных партий, начиная с бывшего бана Натлачена, под покровительством епископа вели переговоры о том, как убедить итальянские оккупационные власти разрешить им самостоятельно расправиться с коммунистической угрозой. Дальше всех в этом направлении продвинулся Ламберт Эрлих со своей «гвардией», который уже в первые месяцы 1942 г. начал осознавать, что итальянцы не в состоянии подавить ОФ. В меморандуме, направленном верховному комиссару Грациоли 1 апреля 1942 г., он отмечал, что положение в Люблянской провинции еще хуже, чем в находящихся под немцами Штирии и Верхней Крайне, возлагая вину за ситуацию на партизан, терроризирующих население, и итальянцев, которые не знают, как с ними совладать. «Народ убежден, – писал он в меморандуме, – что количество партизан, ушедших в горы, составляет 400 человек и что прекрасно оснащенная итальянская армия могла бы ликвидировать партизан в течении нескольких недель».

Но поскольку это было не так, Эрлих – единственный из квислингов в оккупированной Европе – имел достаточно мужества, чтобы указать итальянским военным властям, на их огрехи: что они некомпетентны, не могут действовать решительно и

---

¹⁰¹ AJ. 103–34–194.

¹⁰² *Pleterski J. Pravica in moč... S. 414.*

что коммунисты проникли в их ряды (это было правдой, так как СБР имела своих людей в Квестуре, в штабе военного командования, в Службе военной разведки и фашистской охранке ОБРА [*Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali* – «Орган надзора за антигосударственными проявлениями»¹⁰³]). Поэтому он потребовал для себя и своих сторонников оружие, а также административную власть: «Чтобы словенцы могли успешно помочь искоренить и уничтожить коммунистическую организацию, которую они считают величайшим внутренним национальным и культурным злом, необходимо, чтобы итальянские власти дали им независимую службу безопасности в виде студенческого формирования, городской охраны и общенародной охраны в деревнях. Все эти формирования должны находиться под военным контролем, но без фашистских знаков отличия»¹⁰⁴. На эту критику, позорившую их воинскую честь, итальянцы ответили не сразу, а предоставили Эрлиха его судьбе. Он не сдался и с помощью епископа Рожмана 14 апреля отправил в Ватикан такое же послание, что и Грациоли. Видимо, он надеялся, что Папа повлияет на римское правительство, чтобы оно действовало в соответствии с его предложениями¹⁰⁵.

В письме ЦК КПС в январе 1942 г. Кардель подчеркнул, что СБР должна убивать не только доносчиков и им подобных лиц, но и деятелей Пятой колонны, служащих врагу в сфере политики. На самом деле это уже происходило, так как от первоначальных «ликвидаций» жандармов, профашистских чиновников и лояльных к оккупантам крестьян СБР перешла к убийствам лидеров. Переломный момент наступил 4 декабря 1941 г., когда СБР-овцы убили Франца Фаноуша Эммера, молодого инженера чешско-словенского происхождения, считая, что он сотрудничал с гестапо и пытался завербовать бывших офицеров королевской армии и членов Католической акции в

¹⁰³ *Repe B.* S puško in knjigo... S. 101.

¹⁰⁴ AJ. 103–34–194; *Blažič V.* Semena razdora. Politični umor kot začetek. Ljubljana, 2003. S. 75–82; *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 596, 597; *Griessler-Pečar T.* France Martin Dolinar... S. 238, 239.

¹⁰⁵ *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 97.

организацию, которая должна была воевать против оккупантов независимо от ОФ¹⁰⁶. Зимой и весной 1942 г. они расстреляли комиссара словенской полиции, председателя «промышленников» и лидера либерально-национальных коллаборационистов, жупана Шентвида близ Церкницы и еще двоих коллаборационистов¹⁰⁷. Наибольший резонанс вызвало убийство 23-летнего Ярослава Кикеля, председателя студенческой Католической акции и одного из лидеров профашистски настроенных студентов Люблянского университета, который пошел на смерть, исполненный фанатизма. 18 марта 1942 г., за час до того, как он был убит СБР, его наставник д-р Эрнест Томц, лидер «Молодых борцов Христа-Царя», предупредил его, чтобы он был осторожен, сказав, что его убьют. Кикель: «Тогда я попаду в рай!». Томц (удивленно): «Прямо в рай?». Кикель: «Да, господин профессор, прямо в рай»¹⁰⁸. В защиту его и его коллеги Франца Жупеца, которого тоже расстреляли, следует сказать, что они были беженцами из Штирии. Оторванные от дома юноши полностью зависели от экономической помощи католического лагеря, особенно Эрлиха¹⁰⁹.

На похороны Кикеля собралась многотысячная толпа, а епископ Рожман объявил, что борьба с коммунистами является «священной борьбой». Но руководители партии не восприняли это как тревожный звонок¹¹⁰. По возвращении в Словению, на заседании исполкома ОФ в конце апреля, Кардель потребовал «справедливого суда» над Эрлихом, и это – в контексте прической расправы над видными деятелями, которая далеко не всегда была разумной или оправданной. Хотя «союзники» не согласились с его предложением, 26 мая 1942 г. Эрлих был

---

¹⁰⁶ *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 94; *Maček J.* Politični umor Fanouša Emmerja // *Revija NSZ.* 01.09.2007. S. 2–84; *Dokumenti ljudske revolucije v Sloveniji* / ur. M. Luštek. Knj. 1–7. Ljubljana, 1962–1985. Knj. 1. S. 215–217.

¹⁰⁷ *Cuzzi M.* L'occupazione italiana ... S. 81.

¹⁰⁸ *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 104.

¹⁰⁹ *Ude L.* Moje mnenje... S. 52, 53.

¹¹⁰ *Hribar T.* Ločevanje duhov // *Žrtve vojne in revolucije...* S. 90; *Možina J.* Slovenski razkol... S. 102, 103.

убит СБР на улице Любляны перед капеллой, где читал мессу. Он был осторожен, зная, что его приговорили к смертной казни, но все произошло в один миг: ликвидаторы приехали на такси, застрелили Эрлиха и его ассистента, а затем заставили перепуганного водителя отвезти их в безопасное место и, уходя, заплатили ему за проезд¹¹¹. «Вероятно, причиной этого тяжкого преступления, – писал верховный комиссар Грациоли в телеграмме в министерство внутренних дел, – является то, что упомянутый священник выступал за сотрудничество с итальянскими властями и открыто развивал антикоммунистическую деятельность»¹¹².

На похоронах Эрлиха, где среди большой толпы горожан находился и представитель фашистской партии, главный vicарий Любляны Игнаций Надрах сказал: «Христианство и коммунизм – непримиримые враги: если христианство победит, коммунизм должен исчезнуть. Если победит коммунизм, его победа будет концом христианства!»¹¹³. Эдвард Коцбек, лично знавший Эрлиха и расстроенный его убийством, хотя они уже долгое время имели идеологические расхождения, комментировал: «Тот, кто в такой ситуации несет ответственность за коллективную судьбу, имеет право на безжалостность, может лишиться человека жизни, без оглядки на личные качества и намерения»¹¹⁴.

* * *

На Западе еще не заметили взрывоопасной поляризации, которая стала укореняться в словенском народе, в целом из-за того, что она традиционно рассматривалась как неотъемлемая часть югославской действительности, характеризовавшейся главным образом сербско-хорватским конфликтом. К концу

---

¹¹¹ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo... S. 152; INZ. Kardelj. Dok. 32. S. 4; Biber. NARA. OSS. RG 226. E 100. B 103. YU 1069; *Čolaković R.* Zapisi... II. S. 630, 631.

¹¹² *Cuzzi M.* L'occupazione italiana... S. 82.

¹¹³ AJ. 103–34–194.

¹¹⁴ *Kocbek E.* Osobodilni spisi. II. Ljubljana, 1991. S. 331; *Inkret A.* In stoletje bo zardelo... S. 164.

1941 г. развившаяся на словенских землях партизанская активность привлекла к себе настолько большое внимание недавно созданного Управления стратегических служб США (УСС), что оно посвятило ей заметку, в которой прослеживается положительная оценка партизанских действий. В Вашингтоне особо подчеркнули, что партизанское движение в оккупированных немцами областях способствовало резкому спаду промышленного производства. «Металлургический завод в Есенице, – было написано в заметке, – подвергается постоянным атакам партизан. Завод в Равне с его плавильными печами сильно пострадал в результате недавнего мощного наступления партизан. Многие заводы в Мариборе закрыты. Рабочие различных угольных шахт бежали в горы и сформировали костяк партизанской деятельности». Не меньшее значение они придавали диверсиям на железных дорогах в Люблянской провинции, прервавшим приток итальянских войск на оккупированные территории, особенно в хорватское Приморье, Далмацию, Герцеговину и Черногорию, а также тому факту, что партизаны удерживали на своей территории много итальянских дивизий, которые можно было бы использовать в других местах, и распространили свое влияние на «Истрию», как они называли Юлийскую Крайну¹¹⁵.

В районах, где действовала «Суперслода» – 2-я армия, дислоцированная в Словении и Далмации, – весной 1942 г. ситуация обострялась все больше. Джузеппе Бастианини, губернатор Далмации, прибыл в Рим в середине марта с плохими новостями. Чиано отметил в дневнике: «Наши вооруженные силы – кроме милиции – жалости достойны: ни энергии, ни духа, только всеобщий и широко распространенный антифашизм. Я ожидаю очень трудные времена весной и летом»¹¹⁶. В июне следующего года Чиано дополнил: «Ситуация в Далмации очень напряженная. Повстанцы, которые в прошлом столкнулись с одной из наших бригад в Книне, продвигаются к Задару. Бастианини <...> утверждает, что недостаточно сил, чтобы

¹¹⁵ NARA. OSS. RG 226. YU 232. E 100. B 99.

¹¹⁶ *Ciano G. Diario 1937–1943... S. 600, 601.*

противостоять повстанцам и что следует опасаться их оккупации <...>»¹¹⁷.

Развитие партизанской войны на территориях, захваченных немцами и итальянцами, либо являвшихся частью их территории, было воспринято в Риме и Берлине совершенно иначе, чем партизанское движение в глухой балканской провинции. Они не могли понять, как мирный словенский народ вдруг стал таким жестоким. Им не удалось организовать ни скоординированной борьбы с «бандитами», ни обмена информацией об их передвижениях, поскольку они были одержимы взаимным недоверием и соперничеством. Лучше всего это иллюстрирует проведение границы между Люблянской провинцией и Штирией и Верхней Крайной, находившихся в руках немцев. Она была обнесена не менее чем пятью рядами высокой колючей проволоки, минами и гранатами в форме яйцевидной желтой груши, прикрепленными к проволоке, как будто разделяла вражеские государства¹¹⁸. Немцы ответили на восстание в своей оккупационной зоне массовыми расстрелами заложников, которые проводились каждую субботу в Мариборе и Целье. Бывало, осужденным делали инъекции в язык, чтобы он распух и они не могли кричать от страха¹¹⁹.

Весной 1942 г. в Люблянской провинции царил полный хаос, так как оккупационные власти уже не контролировали территорию, за исключением столицы и нескольких крупных городов вдоль дорог (Ново место, Кочевье, Рибница, Ракек, Врхника). Как с тревогой сообщил Роботти генералу Роатта 12 мая, партизаны с легкостью атаковали итальянские гарнизоны или военные колонны, партизанская борьба перерастала в открытую войну. Партизаны угрожали базам, которые должны были защищать железнодорожную сеть, и часто устраивали диверсии на дорогах, заставляя итальянских солдат постоянно, хоть и безуспешно, охранять их. Это сильно подрывало их боевой дух,

---

¹¹⁷ Ibid. S. 629.

¹¹⁸ *Ruzicic-Kessler K. Italiener auf dem Balkan... S. 218, 219; Roter Z. Odpadle maske... S. 40.*

¹¹⁹ *Javoršek J. Spomini na Slovence III... S. 92, 93.*

тем более что они были недостаточно хорошо вооружены и ими командовали офицеры, неподготовленные к непредсказуемости и жестокости герильи. В этом плане примечательно наблюдение Роботти, что партизаны используют все более жестокие методы против коллаборационистов и убивают даже женщин и детей. «Эти эпизоды, – писал Роботти, – подчеркивают характер и врожденную кровожадность этих людей, и известный кровавый садизм балканских народов»¹²⁰. Его позиции не смягчило то, что враждебно настроенные к сопротивлению и напуганные люди находятся под угрозой несправедливой расправы со стороны итальянцев. Это видно из его комментария к директиве о том, что возмездие не должно быть «безмозглым». «Что касается этого, – отметил он в записке от 8 июня 1942 г., еще до начала летнего наступления, – не надо сомневаться. Даже если население “не собирается” помогать повстанцам, они заставляют его помогать. Так что... все равно»¹²¹.

Страх и разочарование, охватившие итальянскую армию – не только рядовых солдат, но и офицеров, – были настолько велики, что генерал Орландо, командующий дивизией «Гранатъери ди Сардиния», писал: «Большинству офицеров не хватает той уравновешенности, которая является главным качеством солдата на фронте, когда он сталкивается лицом к лицу с событиями и неожиданностями войны»¹²². «Фактически, – сказал Роботти на встрече со своими офицерами 13 июня, – наши войска не воюют или в лучшем случае воюют плохо»¹²³. В этих условиях сам Муссолини прибыл в Юлийскую Крайну, чтобы раз и навсегда урегулировать там ситуацию, так как он остро нуждался в войсках в Северной Африке, где победа, казалось, была близка¹²⁴.

¹²⁰ Die geheimen Tahesberichte... Band 5. S. 37, 41; *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 67.

¹²¹ *Sala T.* 1939–1943: Jugoslavia «neutrale» e Jugoslavia occupata // *Italia Contemporanea.* Marzo 1980. № 138. S. 100.

¹²² *Osti Guerazzi A.* «Schonungsloses Handeln»... S. 549.

¹²³ *Osti Guerazzi A.* The Italian Army... P. 74.

¹²⁴ *Legnani M.* Il «ginger» del gen. Roatta... S. 158; *Ciano G.* Diario 1937–1943... S. 614, 615.

31 июля 1942 г. он встретился в Горице с генералами Каваллеро, Амбросио и Роатта, выслушал их доклады о положении в стране, а затем поделился своими размышлениями: «Я не боюсь слов. Я убежден, что на “террор” партизан нужно ответить огнем и мечом. Следует положить конец общераспространенному мнению, что итальянцы эмоциональны, неспособны к жестким действиям. <...> Как вы сказали, наступила новая эпоха, которая должна показать, что итальянцы – люди, способные на все во благо Родины и ради престижа вооруженных сил. Нужно показать, что итальянцы – настоящие мужчины. <...> Мы должны вбить себе в голову, что этот народ никогда нас не полюбит. Так что никаких колебаний»¹²⁵.

В своей речи на площади Баттисти перед собравшимися фашистами он был еще более решителен, настолько, что газеты даже не опубликовали все, что он сказал. Он пригрозил поступить с мятежными словенцами, как поступил Юлий Цезарь две тысячи лет назад, когда нужно было успокоить Галлию: «Этот варварский народ следует истребить!»¹²⁶. Это не была просто риторика. Генерал Роатта заявил на собрании офицеров 2-го армейского корпуса: «Надо помнить, что результаты будут учитываться только по количеству убитых повстанцев. Концепция нашего начальства такова: любой ценой нужно восстановить итальянское господство и репутацию, даже если для этого все словенцы должны исчезнуть, а вся Словения должна быть уничтожена»¹²⁷.

Партизанская армия на словенской этнической территории

Поскольку весной 1942 г. Тито вместе с большей частью своих отрядов оказался в трудном положении в восточной Боснии,

¹²⁵ *Ferenc T.* La Provincia «italiana» di Lubiana. Documenti 1941–1942. Udine, 1994. S. 482; *Cavallero U.* Comando supremo. Diario 1940–43 del Capo di S. M. G. Bologna, 1948. S. 297 и далее.

¹²⁶ AJ. 103–34–194; *Osti Guerazzi A.* «Schonungsloses Handeln»... S. 543; *Marušič B.* Pred osemdesetimi leti je Mussolini obiskal primorske kraje // Primorski dnevnik. 16.09.2018. S. 10.

¹²⁷ *Ferenc T.* Fašisti brez krinke. Dokumenti 1941–1942. Maribor, 1987. S. 389.

Герцеговине и Черногории, он принял решение перенести центр борьбы на запад, в Боснийскую Краину, граничащую с Далмацией и центральной Хорватией. Там активно развивалось партизанское движение. Тито отважился на «долгий марш» на запад еще и из-за обнадеживающих известий из Люблянской провинции, где весной 1942 г. широко развернулось восстание против оккупантов. Как сообщил ему Эдвард Кардель, это удивило не только итальянцев, но и «нас самих»¹²⁸. «Всю Люблянскую провинцию и прежде всего столицу, – писал в начале года генерал Марио Роботти, командующий 11-м армейским корпусом, – следует воспринимать как территорию боевых действий, поэтому всех нужно считать нашими врагами»¹²⁹. Центром движения сопротивления по-прежнему оставалась Любляна, в том числе из-за того, что в ней было много интеллектуалов. Одни проживали там постоянно, другие приехали в город из земель, оккупированных немцами и итальянцами. К горожанам, которых в конце июля 1941 г. было чуть менее 100 тыс. человек, присоединились 14 тыс. беженцев, многие из которых были безработными¹³⁰. В условиях национального и социального угнетения руководство ОФ создало сеть хорошо организованных комитетов, которые, по некоторым подсчетам, вовлекли в свою деятельность 90 % горожан и стали носителями подпольной автономной власти¹³¹. Его «Центральная техника», основанная партией перед войной, достигла в то время отличных успехов: под ее контролем были не только всевозможные мастерские, в том числе и оружейные, но и типографии, в которых в дополнение к нелегальным газетам и брошюрам мастерски подделывались документы и продуктовые карточки, а также радио ОФ, явочные квартиры, склады, строительные площадки, транспортные средства, курьерские службы. 150 курьерских групп в последующие годы распространили коммуникационную сеть по всей словенской этнической территории, включая Каринтию,

¹²⁸ Dokumenti ljudske revolucije v Sloveniji... Knj. 2. S. 98.

¹²⁹ *Legnani M.* Il «ginger» del gen. Roatta... S. 156.

¹³⁰ *Ferenc T.* Narodnoosvobodilni boj... S. 405–407.

¹³¹ *Pleterski J.* Pravica in moč... S. 555.

Фриули, Истрию и Венецианскую Словению – заселенную словенцами область вокруг г. Чивидале дель Фриули (слов. Чедад), которая была включена в состав Италии еще в 1866 г.

На всей этнической территории Словении ОФ поддерживали десятки тысяч «партизанских семей», члены которых днем были мирными крестьянами или рабочими на промышленных предприятиях, а ночью — частью невидимого мицелия сторонников партизанских отрядов и активистов ОФ, обеспечивавшего партизанам пропитание и безопасность. «Это был самый ценный слой партизан, – говорит Зденко Ротер, – и такого больше нигде не было»¹³². Информационная газета *Slovenski poročevalec* издавалась тиражом 4 тыс. экземпляров, но у нее было гораздо больше читателей, так как все, несмотря на большую опасность, придерживались правила: «Когда прочитаешь, передай дальше!»¹³³. Борис Кидрич не преувеличивал, когда говорил, что ОФ создал «государство в государстве»¹³⁴. Государство, основанное на импровизированной изобретательности и поразительной искусности. «Нелегальная почта и газеты перевозились курьерами в различных камуфляжных изделиях: сумках с двойным дном, полых кухонных скалках, металлических бидонах с двойными стенками или двойным дном»¹³⁵. Руководство ОФ осталось в городе, скрываясь в одном из 60 построенных специально для него бункеров или на нелегальных квартирах.

Это было необычное объединение людей разного возраста, идеологических убеждений и жизненного опыта, которых, помимо патриотизма, связывали только высокий уровень интеллекта, образованность и широта взглядов. Основное различие между ними заключалось в том, что одни носили в карманах миниатюрное издание Прешерна, а другие – сталинскую «Краткую историю Всесоюзной коммунистической

¹³² *Roter Z. Padle maske...* S. 64, 67; *Roter Z. Pravi obraz. Neizbrisna znamenja resničnossti.* Ljubljana, 2017. S. 168.

¹³³ *Ferenc T. Narodnoosvobodilni boji...* S. 410; *Maček I. Spomini...* S. 124; *Roter Z. Pravi obraz...* S. 57; *Repe B. S puško in knjigo...* S. 166.

¹³⁴ *Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni...* S. 110.

¹³⁵ *Ibid.* S. 111.

партии (большевиков)»¹³⁶. Самым старшим среди них был Йосип Видмар – Саша, которому было около пятидесяти лет, и он представлял либеральную интеллигенцию. Он пользовался большим личным авторитетом, но не имел серьезного политического веса, потому что не интересовался политикой¹³⁷. Видмар был своего рода парадным конем, как он сам говорил впоследствии, который был нужен коммунистам для представительства. Йоже Рус был главой сокольской молодежи левой ориентации, многочисленной, но слабой идеологически. Важнейшую роль играли Эдвард Коцбек и Борис Кидрич. Первый был лидером христианских социалистов, а второй – представителем коммунистов. Оба они чувствовали, что, несмотря на различия, им есть что сказать и даже раскрыть друг другу. «Рационалист и иррационалист, атеист и теист, гегельянец и картезианец, реалист и фантаст», — так охарактеризовал их сам Коцбек¹³⁸. Они взяли себе по-своему красноречивые партизанские клички: первый назвался Павлом, а второй – Петром.

Оба они чувствовали себя апостолами своих вероисповеданий, и казалось, что благодаря своему интеллектуальному развитию они смогут найти общий язык. Под влиянием Тейяра де Шардена, философа Романо Гуардини и Эммануэля Мунье, основоположника персонализма и издателя журнала *Esprit*, Павел считал, что марксизм как учение о новом справедливом обществе не является неприемлемым для христиан. Наоборот, в данный момент из-за ошибок церкви это ведущая историческая сила. И христиане должны погрузиться в историю всем своим существом, а значит, должны сотрудничать с коммунистами, потому что, несмотря на важные различия, они стремятся к одной цели: свободе человека. «Я ничто, если не подпишу свои действия своей кровью», — записал он в дневнике¹³⁹. Он хотел вернуть церковь в положение, какое было у христиан до Константина Великого, освободить христианство от всего, что

¹³⁶ *Vidmar J. Obrazi...* S. 175.

¹³⁷ *Ibid.* S. 588.

¹³⁸ *Kocbek E. Tovarišija.* Maribor, 1967. S. 110, 196.

¹³⁹ *Kocbek E. Tovarišija...* S. 29, 197; *Vidmar J. Obrazi...* S. 495, 349.

сделало его традицией и суммой организаций, – идеологию и морализм, интерес и внешнюю силу¹⁴⁰.

По словам Яворшека, Петр (Кидрич) производил впечатление «безукоризненно работающей вычислительной машины с проблесками гениальности, которые его время от времени очеловечивали»¹⁴¹. Он принимал веру Коцбека в Бога с иронической терпимостью, убежденный в том, что, согласно утверждению Маркса, «коммунизм разгадывает тайну истории и знает, что разгадает ее»¹⁴². В ту пору важнейшей задачей было, чтобы коммунисты при содействии Коцбека, в чьей лояльности он всегда сомневался, добились сотрудничества широких народных масс, все еще преданных религии – «опиуму для народа». Он был убежден, что авангардом освободительного движения являются коммунисты: «Я ничего не могу с этим поделать, но именно мы защищаем объективные интересы и владеем спасительным диалектическим методом»¹⁴³.

Коцбек часто обсуждал с Кидричем отношения между религией и коммунизмом. Отвергая клерикализм католиков, он справедливо предупреждал, что ему будет «нанесен смертельный удар лишь тогда, когда построение нового общества лишит силы клерикализма всех вероисповеданий, не только христианского». То есть он был убежден, что коммунизм – «религиозное явление»¹⁴⁴. Однако это предупреждение не попало на благодатную почву. Как и везде, среди новоиспеченных словенских коммунистов все больше набирал силу идеологический фанатизм, принявший ритуальные формы: бурные аплодисменты на митингах, дисциплинарный церемониал, преклонение перед харизматическим лидером, тогда – Сталиным. «Этот церемониал, – писал Коцбек 5 июля 1942 г. в Цинке на Кочевском Поге, где коммунисты организовали партийную конференцию, – я заметил даже в песне Бора “В честь Сталина”, в которой он наде-

---

¹⁴⁰ *Kocbek E. Listina. Ljubljana, 1967. S. 482.*

¹⁴¹ *Javoršek J. Spomini na Slovence III... S. 116.*

¹⁴² *Kocbek E. Tovarišija... S. 238.*

¹⁴³ *Kocbek E. Listina... S. 356.*

¹⁴⁴ *Kocbek E. Tovarišija... S. 70, 76.*

лил Отца народов религиозными чертами. Он придал Сталину патриархальный образ Бога-Отца, который везде присутствует как дух, все видит и все знает»¹⁴⁵. Эту опасную тенденцию, которая прослеживается в стихотворении поэта словенской революции Матея Бора, еще ранее отметил Алеш Становник, другой лидер христианских социалистов и молодой адвокат, который уже во время своего нелегального пребывания в Любляне заявлял, что коммунистическая партия, конечно, важна, поскольку имеет талант к организации и нелегальной работе, но также и опасна из-за своего тоталитаризма. «В Освободительном фронте перед нами стоит историческая задача – обеспечить в нем демократическое содержание и широту»¹⁴⁶. Также он полагал, что ликвидации, проводившиеся СБР, оправданны в военных условиях, если речь идет о шпионах, но их нельзя применять к политическим противникам. Опасные мысли, которые не могли понравиться коммунистам.

Хотя Становник был самым талантливым политиком среди христианских социалистов и, так сказать, прирожденным лидером, Кидричу удалось добиться, чтобы они избрали своим представителем в исполнительном комитете ОФ Эдварда Коцбека, по словам Йосипа Видмара, «мечтателя и фантаста». Когда итальянцы захватили Алеша Становника при странных обстоятельствах 22 мая 1942 г., а затем 2 июня расстреляли его как заложника в гравийном карьере на окраине Любляны в отместку за смерть Эрлиха, неуклонно поползли слухи о том, что его предали коммунисты, потому что хотели избавиться от него¹⁴⁷. На самом деле на него донесли из католического лагеря. Известно, что СБР несколько раз подкупом спасала некоторых значимых коммунистов, которых итальянцы уже включили в группу заложников. В случае со Становником этого не произо-

---

¹⁴⁵ Ibid. S. 74.

¹⁴⁶ *Javoršek J. Spomini na Slovence III...* S. 104.

¹⁴⁷ *Stanovnik J. Viharno stoletje...; Javoršek J. Spomini na Slovence III...* S. 122; *Vidmar J. Obrazi...* S. 487; *Inkret A. In stoletje bo zardelo...* S. 166; *Vode A. Skriti spomin. Ljubljana, 2004.* S. 96; *Hribar T. Ena je groza. Ljubljana, 2013.* S. 73–77; *Gregorij Rožman in narodno izdajstvo // Sobotna priloga. 24.04.1976.*

шло. По словам философа Тине Хрибара, решительного противника «революции» в народно-освободительной борьбе, «выстрел», убивший Эрлиха, убил и Алеша¹⁴⁸. Однако сотрудники СБР не смогли помешать расстрелу в том же карьере 21 мая 1942 г. Тоне Томшича, одного из главных лидеров КПС.

В конце марта 1942 г. Карделю, переодевшемуся железнодорожным истопником, удалось прорваться из Загреба в Любляну. Стать *ferrovriere* «ферровьером» (железнодорожником) было самым безопасным способом уклониться от полицейского контроля на станциях. Пребывание в городе становилось все более рискованным, что подтвердил в середине мая 1942 г. арест одного из ведущих коммунистов Бориса Крайгера, студента-строителя. Он был интернирован в лагерь Гонарс, где уже в августе вместе с товарищами прорыл туннель, ведущий из барака за границы лагеря, и сбежал по нему на близлежащие кукурузные поля, а оттуда вырвался на свободу¹⁴⁹. Кардель вернулся на родину с новыми указаниями: по примеру того, что происходило на юге, необходимо было создать «свободную территорию», где партизаны будут хозяевами и где не будет враждебных элементов. В осуществлении этого плана ОФ, сами того не желая, помогли итальянцы, которые в рамках операции *Primavera* решили вывести свои аванпосты из небольших центров, где они были слишком уязвимы для вражеских атак, и сконцентрировать их в двенадцати крупных городах. Это был не отход, а смена тактики. Роатта считал, что его солдаты должны избавиться от пораженческих настроений и перейти в наступление со всей неутомимостью воинов высшей расы. В действительности, однако, результатом его решения стало то, что освободившиеся районы заняли партизаны, которые становились все более и более дерзкими¹⁵⁰.

На волне патриотического подъема к ним присоединялось все больше и больше добровольцев, так что к началу весны 1942 г.

¹⁴⁸ *Možina J.* Slovenski razkol... S. 316; *Hribar T.* Kocbekova krivda // Krogi navznoter: Kocbekov zbornik. Ljubljana, 2004. S. 215.

¹⁴⁹ *Javoršek J.* Spomini na Slovence III... S. 205; *Maček I.* Spomini... S. 124.

¹⁵⁰ *Kranjc G. J.* To Walk with the Devil... P. 81.

в отрядах насчитывалось от 600 до 700 бойцов. 1 мая 1942 г. партизаны освободили Брод-на-Колпи и изгнали оттуда небольшие итальянские части. Затем 15 мая они заняли деревню Иг в 10 км от Любляны, а один из отрядов подошел еще ближе к центру города. Поскольку в последующие дни Внутренняя и Нижняя Крайна оказались в основном в их руках, руководители ОФ начали покидать столицу и уходить на освобожденную территорию. Ее центр находился в районе Кочевье, в лесах Рога, занимающих 30 000 га, которые, благодаря их дикой природе, являлись идеальным местом для ведения партизанской войны. Это был малонаселенный район, из которого ушли немцы, потомки средневековых колонистов из Каринтии и Восточного Тироля. По соглашению между Гитлером и Муссолини в Риме 31 августа 1941 г. они «добровольно» переселились в Нижнюю Штирию, в район между Савой и Литией, в ноябре 1941 – январе 1942 г.

Первым ушел «Лука», Франц Лескошек, командовавший партизанскими отрядами, за ним последовали другие, в том числе и Коцбек. С последним у коммунистов уже в то время начались проблемы, ведь среди них, верующих в «имманентность» и убежденных, что они «авангард, двигатель, элита и носители ОФ»¹⁵¹, он, с его метафизическим мышлением и чувствительностью, был очень раздражающим фактором. Они говорили себе: «Лучше, если он как можно скорее придет на свободную территорию, потому что партизанская жизнь и прямой бой положительно повлияют на него»¹⁵². Уход к партизанам был почти прогулкой: «Мы вступили на первую освобожденную территорию, – рассказывает Коцбек. – Мы больше не шли гуськом, нам больше не нужно было молчать. Мы пошли прямо по дороге и во главе колонны играли на аккордеоне. Нас сопровождали два отряда партизан: один впереди, другой сзади. Когда аккордеон молчал, мы пели»¹⁵³.

Эти отряды, как и те, что были на юге Югославии, выглядели очень странно из-за разнородного вооружения и обмундирова-

¹⁵¹ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo... S. 155.

¹⁵² *Spomini tov. Kardelja // Arhiv Jože Pirjevec. Zapuščina L. Kozaka.* S. 14.

¹⁵³ *Kocbek E.* Tovarišija... S. 27.

ния. Преобладало брошенное югославское оружие, собранное и купленное специальными группами. Сначала этого было достаточно, но уже осенью-зимой 1941–1942 гг. треть бойцов не была вооружена, поэтому оружие приходилось добывать в бою или захватывать на складах противника. Не было ни тяжелого оружия, ни достаточных знаний для его применения¹⁵⁴.

Что касается одежды, то большинство сначала носило военную, спортивную или охотничью одежду, позднее преобладала итальянская форма, а когда начались столкновения партизан с немцами, она стала еще пестрее: одни бойцы в немецкой форме и итальянских сапогах, другие в итальянской форме и немецких низких военных ботинках. В отличие от товарищей на юге, словенцы в основном были хорошо обуты, так как в каждом батальоне был свой сапожник. Поэтому в июне 1942 г. итальянские власти конфисковали запасы находившейся в продаже мужской обуви и попытались уничтожить разросшийся черный рынок, так как юноши, примкнувшие к партизанам, помимо рюкзака получали от ОФ пару походных ботинок¹⁵⁵. Тем не менее, бывало, особенно перед капитуляцией Италии в 1943 г., что многие носили только носки из жесткой овечьей шерсти, которые надевали поверх старых изношенных, чтобы ноги не кровоточили. Некоторым везло, и женщины, вязавшие носки, пришивали к низу кожаную подошву. Словенцам явно были неизвестны кожаные опанки, которые были очень распространены среди бойцов на юге. Из вооружения у них были винтовки, пулеметы, автоматы, пистолеты, легкие, иногда даже крупнокалиберные пулеметы, гранаты; из обмундирования: куртки из темно-бордовой маскировочной парусины, черные галифе, высокие гетры из грязно-белой шерсти; зеленые, коричневые, синие и черные головные уборы с красными звездами.

Лишь позднее, когда стала прибывать англо-американская и советская помощь, обмундирование партизан стало более унифицированным: английские брюки и куртка канадского производства, американский пояс из белого толстовязанного полотна;

¹⁵⁴ Čepič Z., Guštin D., Troha N. Slovenija v vojni... S. 125.

¹⁵⁵ Cuzzi M. L'occupazione italiana... S. 212.

немецкий *Reiterpistole Parabellum* с деревянным прикладом, служившим для преобразования его в автоматическую винтовку, бельгийский полуавтоматический пистолет FN калибра 7,65 (эфэнка), а также тяжелые русские автоматические винтовки, рубашка цвета хаки или рубашка, скроенная из парашютного шелка, красного, желтого или зеленого цвета, которую называли «рубашкой Тито». Она стала символом статуса, но не была популярна, потому что в нейлоновой ткани кожа не дышала¹⁵⁶. Чем дальше шла война, тем более унифицированными становились головные уборы. Изначальную «триглавку» с тремя зубцами, напоминающую о III Интернационале, летом 1944 г. заменила советская «пилотка» с красной звездой, какую Тито носил с самого начала. Воодушевление словенской армией, первой в истории страны, было велико. Помимо рабочих, студентов и даже старшеклассников, в нее вступали и крестьяне бедняки – в деревнях еще действовало правило, согласно которому старший сын получал хозяйство после смерти отца, а младшим не доставалось ничего. Позже, когда произошел раскол между «красными» и «белыми», случалось, что сыновья более зажиточных крестьян присоединялись к партизанам, а сыновья бедных под влиянием местного священника вступали в коллаборацию. Сначала с итальянцами, потом с немцами. Характерной чертой словенского движения сопротивления стало массовое участие в нем интеллигенции, особенно после поражения Италии.

Помимо стремления к восстанию и национальной свободе, все слои сопротивления – каждый в соответствии с образованием – вдохновлялись верой в новый, лучший мир. Велика была эта вера, ведь партизанские активисты убеждали людей в том, что после войны капитал будет национализирован, все долги будут аннулированы, что не будет крестьянского и других налогов, что обо всем позаботится государство...¹⁵⁷. Чем больше

¹⁵⁶ *Zupan V.* Menuet za kitaro (na petindvajset strelov). Ljubljana, 1975. S. 121, 122, 198, 400; *Biber D.* Poveljnik ameriške obveščevalne misije ALUM o Sloveniji 1943–1944 // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 2006. L. 45. Št. 1. S. 334.

¹⁵⁷ *Stanovnik J.* Viharno stoletje... S. 89; *Ambrožič L.* Novljanovo stoletje... S. 195; Churchill Archive, Cambridge. Deak. 1328/47. Talk with Osolnik. Brioni. August 5–6, 1967; *Roter Z.* Padle maske... S. 76.

укреплялась роль КП в ОФ, тем более влиятельной и успешной становилась ее политическая пропаганда, которая по советскому примеру называлась «агитпроп». Но даже эта идеологическая обработка, часто сопровождавшаяся зверской жестокостью новоиспеченных коммунистов, убежденных в том, что это неизбежное средство борьбы с классовыми врагами, не могла полностью уничтожить первоначальное товарищество, «проявлявшееся во время многочисленных вечеров, проведенных в лагере у костра <...>, когда людей согревал не только огонь, но и тепло сердец и беседы о себе и о времени...»¹⁵⁸.

Как и в других областях Югославии, оккупанты считали этих повстанцев «бандитами», поскольку они не соответствовали ни одному из четырех положений, предписанных Гаагской конвенцией 1907 г. для бойцов регулярных формирований: не носили униформ или опознавательных знаков, видных издали, не носили открыто оружия, не подчинялись военным законам и правилам, не имели законного вождя, который бы нес ответственность за своих людей. Поэтому партизан, часто женщин и несовершеннолетних, оккупанты считали «частными лицами», которые вели нелегальную борьбу и не были защищены законами военного права. «*Vogelfrei*» («фогельфрай», отступник). Как говорили немцы: их можно свободно отстреливать, как птиц¹⁵⁹. Питер Уилкинсон, самый проникательный иностранный очевидец словенского освободительного движения, писал в начале 1944 г. в «Меморандуме о восстании в Словении»: «Партизанское движение в настоящее время охвачено подростковой лихорадкой праведного патриотизма, а значит бойцы готовы принять любой бой, “без страха и не запянав себя”. В этом хитром, жестоком и коварном мире найти народ, который борется за свою жизнь в лучших традициях скаутов, – это действует как глоток свежего воздуха (хотя и беспокоит)»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Roter Z. Pravi obraz... S. 49, 51, 86.

¹⁵⁹ Kumm O. «Vorwärts Prinz Eugen!». Osnabrück, 1984. S. 381; Sundhaussen H. Geschichte Serbiens 19–21. Jahrhundert. Dunaj, 2008. S. 324.

¹⁶⁰ Wilkinson P. Memorandum o vstaji v Sloveniji // Borec. 1983. L. XXXV. Št. 11–12. S. 742.

Этот меморандум вызвал необычайно сильный резонанс в правительственных дворцах Уайтхолла. Его прочитали все высокопоставленные лица, начиная с Черчилля, который даже взял его с собой на конференцию в Ялту. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что именно благодаря ему британцы впервые узнали о словенцах как о состоявшейся нации¹⁶¹.

Перевод Л. А. Кирилиной

---

¹⁶¹ *Wilkinson P.* Foreign Fields: The story of an SOE operative. London; New York, 1997. P. 187; TNA. HS 5/937.

П. Бобич

Расколотый «Сокол»: сокольство и формирование национального подполья в годы Второй мировой войны

P. Bobich

The Split Sokol: members of the Sokol movment and the formation of the National underground during the Second World War

Аннотация: Статья посвящена сокольскому движению на словенских землях в годы оккупации (1941–1945). Рассматривается деятельность Сокольского легиона – военизированного образования, принявшего решение противостоять как оккупантам, так и Освободительному фронту. Автор рассматривает причины неудач Легиона и подобных ей организаций.

Ключевые слова: Словения, сокольское движение, «Сокол», оккупация, Освободительный фронт, Коммунистическая партия

Annotation: The article is devoted to the Sokol movement in Slovenian lands during the occupation (1941–1945). The article examines the activities of the Sokol's League, a paramilitary formation that has made decisions to resist the occupiers and the Liberation Front. The author examines the reasons for the failures of the League and similar organizations.

Keywords: Slovenia, Sokol movement, Sokol, occupation, Liberation Front, Communist Party

Неделя, последовавшая за нападением Германии на Югославию 6 апреля 1941 г., была поистине Страстной из-за глубины катастрофы, которая в те дни, накануне Пасхи, нависла над словенцами – политическая обездвиженность и

раздел между тремя иноземными государствами: Германией, Италией и Венгрией.

Ведущие довоенные традиционные партии, основателями которых были выходцы из католического, либерального и социалистического интеллектуальных кругов, в хаотических условиях молниеносного распада югославского государства рассматривали возможности для вооруженного восстания против оккупантов, хотя сначала традиционная политика заключила с ними фиктивный мир в ожидании военной помощи с Запада. Политическая элита осознавала чрезвычайный риск для безопасности гражданского населения из-за репрессий, которые на территории, оккупированной немцами, начали осуществляться быстро и бескомпромиссно. Решение традиционных партий, относительно создания нелегальных военных формирований против оккупационных сил, ознаменовало первые месяцы войны и закончилось трагично в ее конце.

Словенская народная партия (СНП) 29 мая создала Словенскую лигу в качестве подпольной военной организации под политическим руководством Рудольфа Смерсу и Албина Шмайда, который также возглавил разведывательную службу, и Эрнеста Петерлина, отвечавшего за военную сферу. Руководство занялось сбором оружия и регулярной подготовкой к сопротивлению в надежде на поддержку западных союзников, когда те появятся на словенских землях (когда бы это не случилось), а также разведкой для союзников и их пропаганды. Второго августа был образован Сокольский легион с военным советом под руководством «сокола» Ладислава Бевца, который задумывался исключительно как военное образование, состоявшее из отрядов и батальонов. В нем объединилась группа офицеров, которая позднее провозгласила себя частью регулярной Югославской армии на родине под руководством Драголюб (Дражи) Михайловича. Сокольский легион возглавил Марьян Заец, а его разведывательную службу Марьян Стрниша; среди ее членов были Милош Ваухник, Андрей Уршич и судья Борис Михелич. В штабе Легиона в 1941 г. командиром был капитан бывшей югославской армии Этбин Бежек, его заместителем – Рудольф Маринчич и адью-

тантом – Душан Краль¹. Словенское национальное движение, которое возникло в конце весны 1941 г. из представителей католической молодежи, собравшейся вокруг священника Марьяна Кремжара, в первые месяцы оккупации под руководством инженера Фаноуша Франца Эммера сыграло особенно важную роль. Эммер являлся членом общества «Сокол» из города Крань, после отъезда Кремжара из Любляны в сентябре 1941 г. он возглавил движение и организацию отдельной военной части вместе со священником и редактором журнала *Domoljub* Францем Главачем и при поддержке отдельных югославских офицеров создал фундамент этнического движения в Люблянкой провинции. По замыслу Эммера, так называемые элитные части могли бы под руководством западных союзников поддержать их армию еще до ее высадки на югославские земли². Группа «Побратим» под руководством профессора Антона Крошла представляла между тем «центральное национальное направление» и, как и три предыдущие, поддерживала международно признанное югославское правительство и западные союзнические силы.

Каковы же были главные идеи и мотивы соратников Фаноуша Эммера, который собрал группу энергичных молодых людей различных политических взглядов, а именно: членов «Сокола», Католической акции, «Ядрана», Секций для юношей, Францисканских рыцарей и неопределившихся, а также Сокольского легиона и ряда ключевых фигур в создававшемся национальном подполье? В ком они видели главного национального врага и что стало мобилизующей силой подпольных групп и «Сокола» за пределами узкого круга Коммунистической партии (КП), которую традиционные партии в 1941 г. считали незначительной и из-за этого упустили из вида ее скрытую мощь – «способность к импровизации в создании своего аппарата в хаосе» и эффективную пропаганду?

¹ Škerl F. Prispevki k zgodovini razvoja nasprotnikov OF v letu 1941. Ljubljana, 1961. S. 139.

² Škerbec M. Rdeča zver, pijana krvi. Cleveland, 1952. IV. del. S. 7–8; Škerl F. Prispevki... S. 14.

Немцы в своей части оккупированной Словении быстро начали проводить нацистскую политику и разрушать национальные идеалы: уже в апреле 1941 г. немецкая оккупационная власть распустила сокольские организации, их имущество было арестовано. Ситуация в Штирии и Верхней Крайне была крайне обостренной, отдельных (национально настроенных) сторонников «Сокола» нацисты арестовали и выселили в Сербию, Хорватию и Боснию, и только некоторым из них удалось перебежать в Люблянскую провинцию, находившуюся под властью итальянцев. В июле 1941 г. итальянские оккупационные власти запретили деятельность организации «Сокол» на своей территории.

Традиционные партии в первые месяцы войны неожиданно столкнулись с тем, что так называемый Антиимпериалистический фронт³, состоявший из Центрального комитета Коммунистической партии Словении и присоединившихся к нему других левых групп (который был образован, скорее всего, 26 апреля 1941 г.), после нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 г. был переименован в Освободительный фронт (ОФ). Коммунисты с их двадцатилетним опытом работы на нелегальном положении, опытом сражений в Гражданской войне в Испании и, что немаловажно, со знаниями, полученными в ходе партийного обучения в Международной ленинской школе в Москве⁴, были способны исключительно быстро воспользоваться готовностью словенцев к немедленному вооруженному отпору и «защите родины». Они знали о мощном потенциале многочисленных сокольских организаций: сокольская образовательная программа, помимо воспитания гимнастической культуры, предусматривала и пестование глубокого патриотического

³ Антиимпериалистический, т. е. антианглийский, немецкий, французский, американский, итальянский, в зависимости от того, что нужно было коммунистам в данный момент. Конечно же, под эту категорию попадали и словенские «капиталисты», которые «спрятались под антиимпериалистическим крылом» (Slovenski poročevalec. 15.06.1941 [цит. по: *Griesser Pečar T.* 16. september 1941: začetek slovenske državljanske vojne // *O vzponu komunizma na Slovenskem.* Ljubljana, 2015. S. 121.]).

⁴ Среди самых известных выпускников были Эдвард Кардель и Иван Мачек.

чувства. С точки зрения военной подготовки члены «Сокола» были наиболее перспективны для коммунистов, весьма дальновидно возвращавших миф о народном освобождении и словенской армии, хотя с самого начала они, «согласно ленинским принципам, создавали армию, которая должна была служить осуществлению революционных коммунистических амбиций»⁵. Коммунистическая партия умело скрыла свое центральное место в ОФ и с помощью тактики «использования своих союзников»⁶ и агрессивной пропаганды народно-освободительного движения заняла неожиданно сильную позицию, по сравнению с существующими группами традиционного политического поля.

Одним из союзников КП стала группа коммунистов из «Сокола», которые за десять лет до войны начали вести агитационную работу среди молодых сокольских воспитанников и в 1941 г. объединились с «передовыми революционными силами». Довоенную подрывную работу Франца Лубея, Зорана Полича и Йосипа Руса, которые в 1939 г. были исключены из «Сокола» по обвинению в заговоре и деятельности в пользу иностранных государств⁷, коммунистическая партия под маской ОФ тонко использовала для достижения своих целей – во время войны был завершен окончательный захват «Сокола», ставшего ширмой для «демократизации» и возвращения некоторых, наиболее восприимчивых «соколов», которые стали «ударными агентами» и орудием убийств в руках коммунистической партии⁸.

Напротив, Эммер и его круг офицеров, опираясь на базовые сокольские принципы солидарности, национальности и югославянства, получили идейно иную группу студентов из «Сокола». Их Эммер хотел использовать в становившемся все более реальном сражении с коммунистами, которые, как он полагал, хотели уничтожить настоящее «народное сопротивление» и которые при необходимости без колебаний направили бы оружие

⁵ Čuk I., Vest A. L. Prevarani sokoli. Ljubljana, 2017. S. 361.

⁶ Griesser Pečar T. Slovenski katoličani in OF // Cerkev in družba na Goriškem ter njih odnos do vojne in osvobodilnih gibanj. Gorizia, 1997. S. 88.

⁷ Čuk I., Vest A. L. Prevarani sokoli... S. 118.

⁸ Ibid. S. 70, 456.

против собственного народа⁹. Словенская лига и Сокольский легион были согласны с созданием «военной группы» Эммера и поддерживали его акцию, хотя она была незначительной, но «весьма эффективной», и не только идеологически, но и в военном смысле¹⁰. Круг Эммера смог организовать независимую типографию, где издавал нелегальную прессу и антикоммунистические листовки, в которых коммунистов «били» по самым больным местам. Пропаганда Эммера подчеркивала вредность партизанских акций, на которые итальянцы отвечали репрессиями, призывала словенцев к признанию правительства в Лондоне и предостерегала, чтобы они «не поддавались коммунистическому и антинародному Освободительному фронту»¹¹.

Организационную и пропагандистскую работу в регионе взяла на себя самые близкие соратники Эммера, среди них были офицеры Данило Копривица, Йосип Лесьяк-Лампе, Милан Краньц, Марьян Стрниша и Добривоје Василиевич, однако агитация, несмотря на попытки получить поддержку во Внутренней и Верхней Крайне, наиболее успешной была в столице.

Раскол между движением сопротивления ОФ и сопротивлением легального лагеря, неизбежно означавший гражданскую войну, стал наиболее глубоким после 16 сентября 1941 г., когда Верховный пленум ОФ совершенно нелегитимно¹² принял решение об образовании Словенского народно-освободительного комитета (СНОК), который во время войны должен был стать единственным органом представлявшим, организовывавшим и управлявшим словенцами на всей их территории. Одновременно было принято Решение СНОК о защите словенского народа и его движения за освобождение и объединение, согласно которому

⁹ *Škerbec M. Rdeča zver...* S. 11.

¹⁰ *Škerbec M. Rdeča zver...* S. 9; Slovenec. 03.12.1942.

¹¹ *Škerl F. Prispevki...* S. 120.

¹² Дитер Блюменвиц в своем юридическом исследовании о военных событиях в Словении записал, что «обязанности подчиняться приказам коммунистов не существовало»; напротив, действовала «лояльность к стране, гражданами которой они были, и к правительству, которое ее представляло» (*Blumenwitz D. Okupacija in revolucija v Sloveniji (1941–1945)*. Celovec, 2005. S. 117).

смертной казни подлежал каждый, кто ради «эгоистичной общей выгоды оттягивал народные силы для борьбы против освобождения словенского народа или помогал этой борьбе любыми другими средствами». Цель подобного рода действий заключалась в стремлении «запугать людей, осуществить коммунистическую революцию и установить тоталитарный режим» под единоличной властью КП¹³. Своей высшей точки обострение достигло в августе 1941 г., когда была создана Служба безопасности и разведки (СБР), которая в Любляне осенью того же года начала акции по ликвидации самых ярких противников коммунистов, а также (и в первую очередь) приверженцев сопротивления от традиционных политических сил.

Осенью 1941 г. представитель КП предложил Сокольскому военному совету сотрудничество, но тогда диалог не получился, поскольку Сокольский легион обусловил свое присоединение к ОФ признанием югославского государства и лояльностью королю Петру II. Одним из главных представителей молодых либералов был Руди Маринчич¹⁴, староста отделения «Сокола» Любляна-Вич и последний глава Сокольского легиона, который заявил, что коммунисты выдвинули «невероятные условия» для вступления в ОФ, отвергая молодых либералов как группу, что убедило Маринчича в нежелании коммунистов на самом деле заключать договор¹⁵. Ладислав Бевц, обсуждая этот вопрос на заседании Сокольского военного совета, заявил, что он «не спешит садиться в этот поезд», после чего предложение о присоединении Сокольского легиона к ОФ было единогласно отклонено¹⁶.

До этого, уже в мае 1941 г., вокруг Векослава Бучара, «сокола» и славянофила, и штабного генерал-майора Ивана Фрегла

---

¹³ *Šturm L.* Pogledi na vsebinsko pravilno pravo. Primer: o vsebinski pravilnosti dveh pravnih aktov SNOO z dne 16. septembra 1941 // O vzponu komunizma na Slovenskem. Ljubljana, 2015. S. 107.

¹⁴ Руди Маринчич присоединился к Югославской армии на родине и был в числе плененных в сентябре 1943 г. в Грачарицах четников. Он был осужден на Кочевском процессе и казнен в октябре 1943 г.

¹⁵ *Žitnik D.* Družinska zgodba. O slovenski nacionalni ilegali. Ljubljana, 2005. S. 30.

¹⁶ *Bevc L.* Spomini. Ljubljana, 2006. S. 121.

начал собираться небольшой круг активных офицеров. Фрегл перед своим отъездом в Сербию, где на высокогорье Равна Гора вместе с Михайловичем создал офицерскую школу, передал руководство группой майору Карлу Новаку. Была установлена связь с руководством словенской КП и начались переговоры о совместной деятельности с ОФ, к которому офицеры вместе с полковником Янко Авшичем присоединились в качестве «национальной группы». Они «выбрали ОФ», но все же, как группа приверженцев короля Петра II и полковника Дражи Михайловича¹⁷.

В начале сентября 1941 г. майор Новак был назначен единственным представителем движения Д. Михайловича и королевской югославской армии в Словении. В ноябре он лично встретился с Михайловичем, который, несмотря на нападение партизан на четников близ Кралево, согласился сотрудничать со словенскими партизанами, но одновременно подчеркнул большую «важность и необходимость» обеспечения полной самостоятельности югославской армии. Яка Авшич был назначен командиром, Новак – начальником штаба Югославской армии на родине, хотя коммунисты уже начали пропаганду против четников. Майор Новак после возвращения в Словению не сумел заключить никакого договора с Борисом Кидричем, поскольку коммунисты были против создания королевской югославской армии, пригрозив, что уничтожат ее, если она появится¹⁸.

Карел Новак порвал с коммунистами, Яка Авшич присоединился к ОФ и письмо Михайловича о назначении на место командира в Словении, по словам Новака, «использовал на благо партизан и коммунистов», с «помощью чего он обманул и соблазнил многих»¹⁹. Уход Авшича поколебал единство и решительность офицерской группы; Новак в январе 1942 г. оповестил Михайловича о прекращении отношений с коммунистами.

¹⁷ *Kranjc M. F., Kljakić S.* Plava garda: poveljnikovo zaupno poročilo. Ljubljana, 2006. S. 44.

¹⁸ *Korošec I.* Prva nacionalna ilegala: Štajerski bataljon. Ljubljana, 1993. S. 35.

¹⁹ Ibid.

Авшич был снят с поста командира, после чего Новак ввозложил командование армией Словении на себя и решил «сражаться за короля и Югославию, создавать законную армию под командованием генерала Дражи Михайловича и бороться против врага по мере сил», при этом он сохранил «оборонительную позицию по отношению к коммунистам и партизанам»²⁰.

Однако ОФ не проявлял интереса к компромиссам: на создание нелегального сопротивления против оккупантов за пределами ОФ, СБР 4 декабря ответила убийством Фануша Эммера. КП таким образом ликвидировала руководителя, который первым выступил с разоблачением коммунистической партии, а именно революционной направленности ОФ. Эммер предвидел начало террора как сущность движения, которое под видом «борьбы за народ и свободу» стремилось притянуть на свою сторону как можно больше людей²¹, что в итоге и удалось сделать. По словам Любо Сирца, особым преимуществом КП и ОФ была «динамика». Они никогда не призывали к благоразумию или осторожности, напротив, к максимальной активности, что неизбежно приводило к большим жертвам. «Утешением» для страдающих людей была коммунистическая пропаганда, говорившая о быстром окончании войны и свободе; коммунисты пропагандировали фанатичную веру, которая разгоралась до такой степени, что легко привлекала на их сторону даже самые интеллектуальные семьи в Любляне²².

Эммер стал первым погибшим идеалистом национального подпольного движения и первой жертвой СБР из «соколов». Его первоначальная идея общего ухода словенцев, включая коммунистов, в подполье выглядела наивно, учитывая четко разработанный коммунистами план социальной революции, а также их методы, которые посредством широкой поддержки в городах и сельской местности опирались на «пропаганду шепо-

²⁰ *Kranjc M. F., Kljakič S.* Plava garda: poveljnिकovo zaupno poročilo... S. 46.

²¹ Slovenec. 03.12.1942.

²² Так, в столице сестра известной театральной актрисы Савы Север заявила, что лучше повеситься, чем когда-либо снова жить под властью короля Петра (*Sirc L. Med Hitlerjem in Titom.* Ljubljana, 1992. S. 40).

том», угрозы и террор. Все это ввело его в заблуждение и привело прямо к убийце из СБР Эдо Брайнику, выходцу из «Сокола»²³.

После убийства Эммера, которое потрясло Любляну и особенно руководство традиционных партий, организация подполья замедлилась. Несколько недель спустя руководство взял на себя молодой капитан Милан Краньц, который являлся членом отделения «Сокола» Любляна-Вич и был известен как исключительно способный офицер с ярко выраженным чувством военной морали и самодисциплины, что прививал и своим подчиненным, которые в нем, несмотря на строгость, видели защитника и предводителя²⁴.

До весны 1942 г., из-за «недоверия и интриг в антикоммунистических кругах», осуществление военных действий со стороны подполья оказалось нереальными. Первым к Югославской армии в Словении присоединился Сокольский легион, который мог бы пополнить ряды четников значительным количеством бойцов – почти 1 тыс., пока в неразбериху, возникшую из-за колебаний руководства Сокольского военного совета, который, по словам Новака, был «не слишком решительно настроен» и оттягивал создание частей для начала вооруженного сопротивления против оккупантов, снова не вмешались коммунисты. В январе 1942 г. «соколь», вступившие в СБР, напали на подпольную типографию сокольского журнала *Naprej zastave slave* и уничтожили ее, а издателей выдали итальянской полиции, которая их сразу же арестовала²⁵. В марте коммунисты позаботились об устранении почти всех офицеров и унтер-офицеров в Любляне; по итальянской почте они посылали им приглашения вступить в ОФ, а это приводило к их немедленной депортации в итальянские лагеря без статуса военнопленных офицеров²⁶. Самая многочисленная группа, на которую майор Карел Новак мог бы опереться, был Словенский легион, в который вступили 6–8 тыс. человек под военным руководством полковника ге-

²³ Čuk I., Vest A. L. Prevarani sokoli... S. 222.

²⁴ Korošec I. Prva nacionalna ilegala... S. 12.

²⁵ Kranjc M. F., Kljakić S. Plava garda: poveljnikovo zaupno poročilo... S. 47.

²⁶ Sirc L. Med Hitlerjem in Titom... S. 76–77.

нерального штаба Эрнеста Петерлина, но клерикалы упорно отказывались предпринимать вооруженные действия против оккупантов, поскольку это было «преждевременно»²⁷.

Под влиянием необходимости объединения политического блока против ОФ в конце апреля 1942 г. из представителей традиционного лагеря возник Словенский союз. Из-за своей политической нерешительности и страха перед местью оккупантов и коммунистов, он не поддержал создания вооруженных подразделений, и Новак назвал это роковой ошибкой с непредвиденными последствиями. Только в мае 1942 г. Новаку удалось послать в Нижнюю Крайну первый отряд под руководством Милана Крайца, который должен был набрать добровольцев для борьбы национального подполья с оккупантами. Первых 17 бойцов майор Новак напутствовал словами, что народ имеет право жить за пределами ОФ, велел не вступать в прямые столкновения с партизанами, а на оккупантов не нападать без надобности, чтобы не вызвать репрессий против гражданского населения.

Членов национального подполья, которые вышли из «Сокола» и впитали его традиции, в бой против оккупантов вел глубокий национальный идеализм – идеи югославянского единства и свободолюбия. В то же время весной и летом 1942 г. развернулось революционное насилие на территории Люблянской провинции, где коммунисты начали «чистки» идеологических «противников», объявленных национальными врагами. Подполье вынуждено было столкнуться с коммунистами, которые стремились уничтожить любое движение сопротивления за пределами ОФ. Сокольский легион представлял собой регулярное подразделение югославской армии и решительно поддерживал югославскую государственную идею, верность монархии, признавал генерала Д. Михайловича в качестве верховного командующего югославскими вооруженными силами и командующего вооруженными силами Словении как единственного и главного представителя югославского правительства в Лондоне. Опираясь на эти принципы, Сокольский легион с «соколами»

---

²⁷ Žitnik D. Usodni čas slovenske nacionalne ilegale, 1941–1943. Ljubljana, 2003. S. 28.

из офицерской среды преследовал с самого начала одну цель: служить королю и родине. Коммунизм был полной противоположностью идеологическим и политическим представлениям Югославской армии на родине, но именно острота противоречий раскрыла сильные и слабые черты обеих сторон.

Мирослав Тырш, основатель чешского «Сокола», сумел деятельность гимнастического общества и философию развития тела приспособить к достижению национальных целей, а не личной выгоды²⁸. Гибкое тело гимнаста и его постоянное стремление к совершенству, согласно Тыршу, было бы несостоятельным, если бы не было сопряжено с высокой личностной этикой, безграничной дисциплиной, тяжелой работой, уважением и национальной гордостью. Под руководством лучшего гимнаста Виктора Мурника²⁹ словенские «соколы» уже перед Первой мировой войной переняли эту систему ценностей и воспитания и сосредоточились именно на ней. В первые послевоенные годы глава словенского «Сокола» Энгельберт Гангл, создал программу общества, базирующуюся на переплетении физических, моральных и демократично-национальных составляющих, хотя в то же время подчеркнул, что слишком глубокое погружение в демократию привело бы к «демагогии и презрению», а абсолютизация национального подъема «к нетерпимости и шовинизму»³⁰. Воспитание «сокола» было делом исключительным из-за развития и укрепления физических и духовных качеств человека,

---

²⁸ Pavlin T. Nekaj dejstev iz zgodovine sokolstva // 150 let sokolstva v Sloveniji, 1863–2013. Ljubljana, 2014. S. 12.

²⁹ Йосипу Русу, Зорану Поличу и Францету Лубсю, которые в 1939 г. были исключены из «Сокола» из-за «попыток коммунистической пропаганды», коммунисты дали задание проводить среди членов «Сокола» активную агитационную работу в пользу ОФ. В сентябре 1941 г. под маской «освободительной борьбы во имя народа» они сумели перетянуть на свою сторону Виктора Мурника. Энгельберт Гангл, оказавшийся на другой стороне, морально покровительствовал созданию Сокольского военного совета и дал название нелегальному сокольскому изданию *Naprej zastave slave*, а также написал для него первую вводную статью. Из-за сильного общественного давления и притеснения оккупантов позднее он прекратил свою деятельность в Сокольском военном совете (*Bevc L. Spomini...* S. 122).

³⁰ Pavlin T. Nekaj dejstev iz zgodovine sokolstva... S. 13.

поскольку сокольево почитало личные и национальные свободы как наивысшие и обязательные ценности. Истинный «сокол» в верности этой философии оставался свободным, поскольку там не было места тоталитарным идеям, речь шла о движении как единой силе в преодолении человеческой ограниченности.

Национальное подполье Югославской армии на родине с членами «Сокола», которые не приняли коммунистическую идеологию, потерпело катастрофу в дни с 7 по 10 сентября 1943 г., когда партизаны бригады Шерцера, незадолго до провозглашения капитуляции Италии 8 сентября, окружили отряд четников в Грчарицах³¹ и уничтожили его с помощью итальянской артиллерии. На стороне партизан сражались бригады Томшича и Градника. В сражении погиб капитан Милан Краньц, после капитуляции в плен попали 171 воин и 17 раненых, тяжелораненых партизаны расстреляли. Выживших пленных с позором отправили в Кочевье, где коммунисты организовали первый показательный судебный процесс в Словении³². Коммунистическая партия была обвинителем и судьей, для осуществления своих действий «коммунистические юристы» не получили никаких полномочий от легального югославского правительства в Лондоне, по инструкциям которого Югославская армия функционировала. Иронично, что «спектакль», в ходе которого судили некоторых видных «соколов», начался 9 октября 1943 г. в Доме соколов. После двух слушаний, длившихся всю ночь, «суд» приговорил к расстрелу 16 офицеров из 21 главного обвиняемого, священников и лидеров «Сокола». Расстреляли их в Мозли 12 октября 1943 г.; до 15 октября, по сообщению СБР

³¹ Командование Югославской армии на родине приняло решение, что Центральный или Нижнекраинский четнический отряд должен закрепиться в Грчарицах, в опустевшей деревне Кочевья на южном краю плато Крас недалеко от Рибницы, где майор Новак ожидал помощь сербских четников из района Горски-Котар. Кроме того, руководство Югославской армии на родине, как и руководство Словенского союза и Словенской лиги, ожидало скорой высадки союзников на побережье Адриатики.

³² *Griesser Pečar T. Razdvojeni narod: Slovenija 1941–1945. Okupacija, kolaboracija, državljanska vojna, revolucija. Ljubljana, 2004. S. 237.*

Кочевье, всего было расстреляно 110 человек, в большинстве своем четников, 50 было приговорено к принудительным работам³³.

Политическая слабость традиционного лагеря и критическое отсутствие дальновидной военной стратегии в буре политической борьбы при коммунистическом прорыве к абсолютной власти неизбежно вели к гражданской войне, а также предопределили судьбу некогда свобододлюбивого духовного круга «Сокола». От свободолюбия и национальной гордости после уничтожения его «вражеской деятельности» остался идейный вакуум, который не могла заполнить даже новая физическая культура под коммунистическим диктатом.

Одной из основных ценностей соколов было братство, происходящее из равенства, которое выходило за рамки классовой принадлежности и политической узости. Такое положение вещей сохранялось до последнего предвоенного десятилетия, пока инсценированный коммунистами идеологический раскол не лишил «Сокола» его сущности и моральной силы. Последнее в наиболее трагической и извращенной форме нашло отражение в ликвидации политических врагов коммунистического лагеря при помощи СБР, которая посредством чрезвычайно эффективной агитации разожгла фанатичную веру в необходимость уничтожения любых «предателей» нации и общества. Таким образом, убийство (навечно) клейменых собратьев «Сокола» по приказу и указаниям партии в ходе революционного насилия логично привело к окончательному разрушению идеалов этой организации и, после окончания войны в 1945 г., к самоликвидации «Сокола» как национально-образовательной гимнастической организации.

Перевод Н. С. Пилько

---

³³ *Ferenc T. Dies Irae. Četniki, vaški stražarji in njihova usoda jeseni 1943. Ljubljana, 2002. S. 515.*

И. Грдина

Опасения Сталина и Карделя относительно словенской интеллигенции

I. Grdina

Stalin and Kardelj's fears about the Slovenian intelligentsia

Аннотация: Статья посвящена встречам И. В. Сталина с представителями словенской политической элиты. В ходе этих встреч Сталин выказал интерес к словенской интеллигенции. Автор полагает, что заинтересованность вождя объясняется интересом к словенским территориям в связи с установлением итальянско-югославской границы.

Ключевые слова: Югославия, И. В. Сталин, И. Броз Тито, Э. Кардель, Б. Кидрич, Словения, Италия, границы

Annotation: The article is devoted to Stalin's meeting with representatives of the Slovenian political elite. During these meetings, Stalin showed interest in the Slovenian intelligentsia. The author believes that the leader's interest is explained by the interest in slovenian territories in connection with the establishment of the Italian-Yugoslav border.

Keywords: Yugoslavia, I. V. Stalin, I. Broz Tito, E. Kardelj, B. Kidrich, Slovenia, Italy, borders

Эдвард Кардель, который в романе Александра Солженицына «В круге первом» упоминается как «талмудист Тито»¹, в посмертно изданных мемуарах подробно рассказал о своей первой встрече с Иосифом Сталиным. Это была встреча с первым коммунистом мира, который, помимо всего прочего,

---

¹ *Solženicin A. Prvi krog. Roman. Ljubljana, 1970. Prva knjiga. S. 138.*

уже давно стоял у кормила власти. Для Карделя она была очень важна, поскольку сам он только начинал привыкать к руководящей деятельности. Кардель был теоретически хорошо подкован в области марксистской доктрины (в конце концов, с ноября 1934 г. по декабрь 1936 г. он учился в советских политических школах и читал лекции в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского), но этого было недостаточно для ежедневной ориентации в коридорах власти. Особенно когда стало ясно, что революционные марксисты в Югославии должны будут из-за договора между официальным Лондоном и Москвой о разделе стратегических территорий² некоторое время с терпимостью относиться к видным деятелям других партий, среди которых некоторые имели значительный опыт начальственной работы в министерстве. Поэтому было необходимо умелое руководство внешней и внутренней политикой: войну с Третьим рейхом и его сателлитами Югославия в 1944–1945 гг. не могла выиграть без поддержки западных демократий и Советского Союза, поскольку сама не располагала военной промышленностью и необходимой для ведения значительных военных действий логистической сетью.

Сталин все это знал, поэтому посчитал разумным подвергнуть критике югославскую партизанскую армию, поскольку ему казалась, что в ней много проблем. По сравнению с болгарской армией, которая немного раньше сменила лагерь³, она казалась ему слабой⁴. В стратегическом плане фронт, занятый вооруженными силами под командованием маршала Тито,

---

² *Churchill W.* Drugi svetski rat. Beograd, 1964. T. VI. S. 206–208; *Djilas M.* Revolucionarni rat. Beograd, 1990. S. 409.

³ Болгария, которая присоединилась к странам Тройственного пакта и получила от Германии часть Греции и Югославии, в 1941 г. объявила войну Великобритании, США, но не СССР. Однако в сентябре 1944 г. ее армия все равно вступила в войну, а это означало, что Москва в то время рассматривала ее как врага. Только потом болгарская армия во всем подчинилась СССР и действовала в соответствии с приказами маршала Федора Ивановича Толбухина. См.: *Volkogonov D.* Stalin. Triumph and Tragedy. London, 1991. P. 491.

⁴ *Dedijer V.* Josip Broz Tito. Prispevki za življenjepis. Ljubljana, 1953. S. 567.

действительно не имел решающего значения для исхода мирового конфликта, но, с другой стороны, он также не был лишен веса⁵. Из-за захвата северной части Хорватии, большей части словенских территорий, Истрии, Юлийской Крайны и Венеции рейхом, вплоть до встречи американских и советских войск на Эльбе 25 апреля 1945 г., он разделял Европу на ряд зон и сохранял роль важного фактора. Вершиной всего было то, что югославские части путем скоординированных операций могли бы участвовать в операциях всех союзников, но они не подчинялись единому региональному центру, а воевали самостоятельно. С западными и советскими союзниками они координировали свои действия относительно отдельных операций, но это им не всегда удавалось.

Глава и идеолог Политбюро Тито свою первую встречу со Сталиным рассматривал как историческую. Он даже записал время, когда пришел к советскому руководителю – 22 ноября 1944 г. в 20.00, и когда попрощался с ним. К хозяину Кремля, которым он в то время неизменно восторгался, он добирался 3 ч. 15 мин⁶. Много записей на родном языке он не делал, а писал на одном из производных латинизированного сербского – лингвистически достаточно своеобразном, – что было типично для словенских политиков в Белграде⁷.

В ноябре 1944 г. Кардель со Сталиным, который тогда был бы больше рад видеть маршала Тито, встречался не один: с ним

---

⁵ Отрядам Тито не удалось отрезать немецкие подразделения, которые отступали из Греции и Албании. После взятия Белграда дивизии Гитлера, которые ранее занимали южные части Балканского полуострова, направились через Санджак и Черногорию к Сараево и Герцеговине; в большинстве своем они успешно пробились через трудные переходы, которые были удобны для ведения партизанской войны. См.: *Dedijer V. Josip Broz Tito. Prispevki za življenjepis...* S. 533, 534.

⁶ *Kardelj E. Spomini. Voj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije 1944–1957.* Ljubljana, Beograd, 1980. S. 32, 33.

⁷ Словенские политики в большинстве своем не выучили достаточно хорошо ни сербский, ни хорватский. Еще в королевской Югославии они были известны своим «белградским языком» со значительной примесью словенского языка. См.: *Radica B. Živjeti – nedoživjeti. Uspomene hrvatskog intelektualca. Kroz apokalipsu Jugoslavije.* München, Barcelona, 1983. Knj. 2. S. 30, 31.

был председатель югославского королевского правительства Иван Шубашич. Югославский коммунистический лидер видел в нем противника: он не понимал, что ответственные политики в первую очередь государственники, и только потом партийные фанатики⁸. Кардель, который и позднее казался самым внимательным наблюдателям сомнительным⁹, был неприятно поражен, поскольку Сталин раскритиковал его точку зрения: в разгар захвата власти, который на первых порах был делом успешным, он ожидал похвалы, а не критики. Тем более перед свидетелем-некоммунистом.

С другой стороны, советский лидер считал, что его слова будут восприняты доброжелательно. Он указал своему собеседнику, что лидеры югославских коммунистов должны быть хорошо защищены от противников, которые грозят им со всех сторон. Кардель, уже сильно расстроенный из-за его предыдущих высказываний, дал понять Сталину, что его забота излишняя, поскольку Тито и его товарищи используют также и советский опыт в борьбе против агентов и других злопыхателей. Утверждая, что противник не достиг успеха при внедрении своих людей в главные штабы и руководящие политические центры, югославский собеседник Сталина не сказал об истинном положении дел, а именно о том, что в Верховном штабе был раскрыт и потом ликвидирован связанный с немцами шифровальщик¹⁰. Вероятно, Кардель не знал, что он был раскрыт с помощью Москвы и что кремлевский хозяин на основании его слов составил не слишком благоприятное мнение о правдивости своего гостя. Он мог посчитать его неискренним или же стыдящимся того, что они не проявили бдительности. Сталин быстро оценил, что речь идет

---

⁸ Кардель считал, что Шубашич был доволен тем, что Сталин критикует армию Тито, что в свете ожидаемых проблем, связанных с решением вопроса о новых границах с Италией, не вызывало сомнений у главы королевского правительства, поскольку он разорвал отношения с четническим движением генерала Драголюбa Михайловича. См.: *Kardelj E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije 1944–1957...* S. 66, 67.

⁹ *Radica B. Hrvatska 1945. Zagreb, 1992.* S. 100, 175.

¹⁰ *Cenčić V. Enigma Kopinič II. Beograd, 1983.* S. 79–81.

о последнем, поэтому счел нужным привести примеры из богатого советского опыта в борьбе с разномастными противниками, саботажниками и сошедшими с пути попутчиками. Через час, возможно, прямо перед самым полуночным банкетом, который для гостей из Югославии подготовил министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов¹¹, разговор двух коммунистов перешел на ситуацию в Словении и Грузии. Сталину казалось, что эти земли в ментальном отношении похожи как два близнеца. Кардель, который вначале испытал трудности в понимании интенций кремлевского владыки, писал:

«Время от времени Сталин переходил к вопросам, которые не имели никакой связи с темой беседы. Так в какой-то момент он меня спросил: “Вы словенец или нет?”

Я ответил утвердительно.

Сталин сказал: “У вас слабая интеллигенция”.

Я ему сказал, что в этом вопросе не могу с ним согласиться, поскольку большая часть словенской интеллигенции была в рядах партизан или помогала им каким-либо другим путем. В партизанской армии у нас, например, столько врачей, что они покрывают все потребности нашей партизанской армии. У нас много художников, поэтов и др., которые с оружием в руках сражаются в отрядах и батальонах Народно-освободительной армии.

Сталин снова махнул рукой и сказал: “Да, да, знаю, знаю, это в состоянии отечественной войны, будет по-другому, когда оно изменится. Я знаю интеллигенцию маленьких народов, они все похожи один на другой, такая же и наша грузинская интеллигенция...”

Я более не касался темы интеллигенции в беседе со Сталиным и только позднее, уже после войны, спросил себя, подумав, а, может быть, Сталин был прав, говоря относительно части словенской интеллигенции¹²».

---

¹¹ *Kardel E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije 1944–1957...* S. 71.

¹² *Ibid.*

Кардель, который после 1948 г. весьма активно противостоял советской политике и не соглашался с ее интерпретацией реальности, в значительной мере перенял лексический словарь Сталина, а точнее его категориальный аппарат. После довольно слабых возражений он замолчал. И даже после споров с советским руководством не смел подумать, что данная хозяином характеристика положения в Словении может быть ошибочной. Хотя Сталин исходил из марксистского политического анализа событий на землях, когда-то принадлежавших империи Романовых, и их обобщения. Советский лидер из-за того, что считал, будто его стиль мышления для оценки действительности не только самый трезвый, но и универсальный, полагал, что довольно хорошо знаком со словенской спецификой, чтобы говорить о ней. А аналитическое исследование ее прошлого и настоящего не казалось ему необходимым.

Представляется важным, что Сталин говорил о словенской интеллигенции и с Борисом Кидричем, который в мае 1946 г. вместе с югославской делегацией посетил СССР. В этот раз у него даже было слегка шутливое настроение, возможно, он расслабился, так как уже немного выпил. Банкет закончился в пять утра и был весьма напряженным для всех... Тосты, провозглашаемые кремлевским хозяином, были подогреты синтагмами «подлая интеллигенция» и «подлинная интеллигенция», в реальности их схожесть была игрой слов¹³. Похоже, что Кидрич в беседе со Сталиным не был достаточно убедительным. В 1948 г., когда произошел драматичный обмен мнениями между официальной Москвой и Белградом, в сообщении из Кремля он был упомянут в числе прочих «сомнительных марксистов»¹⁴.

На вопрос, почему Сталина так интересовала ситуация в Словении, не трудно ответить: страна на солнечной стороне Альп была для кормчего СССР интересна прежде всего в качестве моста в Италию. Югославская граница с ней тогда

¹³ *Dedijer V. Josip Broz Tito. Prispjevki za življenjepis...* S. 584, 585. Праздник у Сталина посетил также Кидрич, он состоялся 26–27 марта 1946 г.

¹⁴ *Ibid.* S. 667.

еще не была установлена, линия Моргана, где встречались Восток и Запад¹⁵, была менее спорным участком в зоне их пересечения. Кроме того, коммунисты на Апеннинском полуострове в то время были весьма сильными. Их лидер Пальмиро Тольятти, который в годы Второй мировой войны входил в число наиболее закаленных кадров формально распущенного III Интернационала¹⁶, был тогда членом правительства Альгиде де Гаспери. Но выборы 2 июня 1946 г. нанесли тяжелый удар по ожиданиям относительно коммунистической гегемонии и власти на Апеннинском полуострове: христианские демократы, которые были наследниками профашистского крыла народной партии Луиджи Стурцо¹⁷, как по количеству голосов, так и по количеству мест в парламенте оказались почти в два раза сильнее революционной марксистской партии. Последняя же напрягла все свои силы, чтобы завладеть душами итальянцев. Тольятти осенью 1946 г. отправился в Югославию, поскольку хотел в глазах соотечественников выглядеть настоящим патриотом. Решение вопроса о границах было как раз необходимым полигоном для доказательства этого: коммунисты на восточном и западном побережье Адриатики считали, что должны путем договора между собой предотвратить создание становившейся все более реальной Свободной территории Триест и достичь для каждой из сторон больше, чем дипломатия великих держав с образованием буферного промежуточного государства¹⁸. Тольятти с маршалом Тито и двумя словенскими наблюдателями – Б. Кидричем и Борисом Крайгером – 4 ноября 1946 г. договорились, что Триест принадлежит Италии, где словенцам нужно предоставить права национальных меньшинств. Югославия получила бы Горицию. Помимо этого, маршал Тито отпустил тогда воен-

¹⁵ *Pirjevec J.* Tržaški voz. Trst, 1985. S. 11.

¹⁶ *Duggan C.* The Force of Destiny. A History of Italy since 1796. London, 2008. P. 541.

¹⁷ *Spencer M.* Di Scala, Italy. From Revolution to Republic, 1700 to the Present. Oxford, 2004. P. 303.

¹⁸ *Pirjevec J.* Tržaški voz... S. 19.

нопленных¹⁹. Эту новость коммунистическое издание *Unita* опубликовало к 27-й годовщине революции в России, т. е. 7 ноября 1946 г. Революционные марксисты хотели показать, что они способны разрубить узлы, на что другие неспособны. Но полемика, поднявшаяся в Италии, пошла не так, как они ожидали. На Апеннинском полуострове уже тогда знали, что Гориция останется в их руках, а Триестом, так или иначе, Югославия никогда не владела...

Маневры коммунистов, рассчитанные на создание впечатления об особых способностях братских партий, потерпели неудачу. Договор Тито – Тольятти итальянским избирателям, в отличие от югославских, оказывавших влияние на развитие своего государства, не казался достаточно хорошим для того, чтобы революционные марксисты на Апеннинском полуострове стали решающим фактором. Итальянцев интересовали другие вопросы. Прежде всего экономические, поскольку Апеннинский полуостров после проигранной Бенито Муссолини войны 1940–1943 гг. и полученного урона, к которому привело медленное перемещение фронта в сторону долины реки По до капитуляции Третьего рейха и Республики Сало, оказался в тяжелом положении: лишь восстановление разрушенных построек составило для страны немалую статью расходов, тогда как реальная заработная плата за период с 1939 по 1945 гг. сократилась почти вдвое²⁰. Коммунисты со своей экономической политикой не мог-

---

¹⁹ *Dedijer V.* Josip Broz Tito. Prispjevki za življenjepis... S. 717–724. Тольятти тогда, как и позднее, проявил себя патриотом: договор с югославским руководителем для него не был чем-то нерушимым. С тем, чтобы Италия уступила Горицию своему восточному соседу, если бы получила Триест, он не согласился. Во время споров о Свободной территории Триест коммунисты Апеннинского полуострова были в патриотическом плане весьма заземлены. Во внутренней политике от интернационализма они отказались без всяких угрызений совести; они считали его принципом, который должен применяться к другим – в Триестском вопросе главным образом к словенцам. В 1951 г. итальянские коммунисты даже истолковали советскую позицию как согласие с тем, чтобы вся территория нежизнеспособного буферного государства принадлежала Италии. См.: *Mihovilović I.* Trst – problem dana. Zagreb, 1951. S. 38, 39.

²⁰ *Duggan C.* The Force of Destiny. A History of Italy since 1796... P. 554.

ли предложить людям без специальности ничего конкретного, в отличие от христианских демократов, рассчитывавших на помощь США. В мае 1947 г. со стороны А. де Гаспери последовала острая реакция на вызов крайних левых: правительство в Риме переживало основательную реконструкцию. Министры-коммунисты и их союзники – социальные радикалы, которых поддерживала Москва²¹, были изгнаны из министерских кругов, на Апеннинский полуостров пришла помощь от тех, кто разрабатывал и поддерживал план Маршалла. Вскоре последовавший экономический расцвет стал своего рода чудом²². Он повлиял не только на материальные стандарты, но и на стабилизацию парламентской демократии в Италии. Он укрепил ее настолько, что смог заменить широкую антифашистскую коалицию стабильной политической системой, состоящей из двух лагерей. Свой вклад в доминирование христианской демократии внесли определенные указания, последовавшие со стороны Святого престола, который сохранил свою довоенную конфронтацию с революционными марксистами²³, а после падения фашизма Ватикан расставил в ней новые акценты²⁴.

Выборы 18 апреля 1948 г. продемонстрировали очевидный проигрыш коммунистов и их ближайших союзников: с политической точки зрения несмотря на то, что за них выступило около 1/3 избирателей, они были изолированы²⁵. Хотя революционные марксисты все еще надеялись, что в послевоенной Европе, залечивавшей глубокие раны, нанесенные Второй

²¹ *Mack Smith D.* Modern Italy. A Political History. New Haven, London, 1997. P. 423.

²² *Duggan C.* The Force of Destiny. A History of Italy since 1796... P. 554–559.

²³ Социалисты тогда раскололись. Радикалы, а точнее максималисты, которых возглавлял Пьетро Ненни, стали оппозицией. Минималисты, чьим самым видным представителем был, ставший позднее президентом Итальянской республики, Джузеппе Сарагат, приняли решение искать контакты с христианскими демократами. См.: *Smith M.* Modern Italy. A Political History... P. 423. Позднее, после событий в Венгрии в 1956 г., Ненни также решил дистанцироваться от коммунистов.

²⁴ *Pollard J.* The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914–1958. Oxford, 2016. P. 379–383, 392–397.

²⁵ *Duggan C.* The Force of Destiny. A History of Italy since 1796... P. 546.

мировой войной, произойдет крен влево, они все же упустили свой шанс. Навсегда. Последняя возможность коренного переворота в Италии исчезла сразу после неудачного покушения на Тольятти в середине июля 1948 г. Возмущение народа было тогда ошеломляющим, поскольку неудавшееся «кровавое предприятие» имело фашистскую подоплеку. Но последовавшая всеобщая забастовка не привела к попытке захвата власти, как ожидали многие левые радикалы²⁶. Итальянским коммунистам тогда пришлось бы прибегнуть к насилию, чтобы взять в свои руки управление государством, но это было не в интересах Советского Союза, который в уже достаточно четко разделенной на блоки Европе не хотел идти на риск обострения вражды с Западом, поскольку Соединенные Штаты все еще были единственной державой, обладавшей ядерным оружием. Переворот в Чехословакии (февраль 1948 г.)²⁷ и блокада американской, британской и французской зон в Берлине (июнь 1948 г. – май 1949 г.)²⁸ были максимумом, который Восток мог себе позволить в Европе. Вдобавок ко всему этому, вероятность любых более амбициозных коммунистических мероприятий на Апеннинском полуострове была весьма слабой.

В начале лета 1948 г. еще не было понятно, как разрешится неразбериха, возникшая в Югославии после обмена письмами между членами московского и белградского Политбюро. Пятый съезд Коммунистической партии Югославии был не за горами, и никто не мог знать, встанут ли революционные марксисты Западных Балкан как один за маршала Тито и его ближайших соратников. Позже Милован Джилас писал в воспоминаниях, что накануне съезда в рядах правящей партии существовало еще много идеологических дилемм. Тот факт, что съезд заседал в Белграде, в центре казарменного комплекса – в доме гвардии Топчидер, где в 1946 г. коммунисты устроили судебный процесс над генералом Драголюбом Михайловичем, сам по себе говорил

²⁶ *Di Scala S.* Italy. From Revolution to Republic, 1700 to the Present... P. 317.

²⁷ *A History of the Czech Lands / eds. Pánek J., Tůma O.* Praga, 2009. P. 493–501.

²⁸ *Harrington D. F.* Berlin on the Brink. The Blockade, the Airlift, and the Early Cold War. Lexington, 2012.

о неполной уверенности руководства, что увлечение Сталиным и незнание того, куда официальная Москва была готова пойти в споре, не подорвет согласия в рядах коммунистической организации²⁹.

Словенская интеллигенция, конечно, никогда не находилась в центре внимания Сталина, но его интерес к ней не был и сиюминутным, что имело вполне практические основания. Для официальной Москвы была важна прежде всего Италия. Хотя во время Второй мировой войны коммунисты играли на струнах славянской взаимности, но их звучание никогда не было доминирующим. Участие итальянской партии в работе Информбюро указывало на то, что Апеннинский полуостров играл большую роль в стратегических планах Советского Союза, хотя итальянская коммунистическая партия и не была правящей в своей стране, в отличие от аналогичных организаций на востоке Европы³⁰. «Итальянский сапог» в значительной степени разделит бассейн Средиземного моря на восточную и западную части, а также позволял контролировать не очень большое пространство между Сицилией и Тунисом.

Следующим моментом, который мог повлиять на интерес Сталина к словенской территории, был, продолжавший оставаться неопределенным, статус Триеста. Крупный портовый город на краю Карстового плато из-за конфликта относительно его государственной принадлежности стал плацдармом для подготовки всевозможных операций секретных служб и создания каналов воздействия на мысли и действия людей. Тот факт, что поднаторевший в проведении различных акций коммунист Витторио Видали вернулся в Триест в том же году, доказывает, что Советский Союз уделял этому региону большое внимание³¹. Напряженная ситуация вокруг нерешенного вопроса о границах привела советское руководство к выводу, что даже лояльные

²⁹ *McDermott K., Agnew J.* The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke, 1996. P. 217.

³⁰ *Djilas M.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 171–174.

³¹ *Karlsen P.* Vittorio Vidali. Življenje tržaškega komunista v obdobju 1916–1956. Ljubljana, 2019. S. 219–256.

кадры нуждаются в твердом руководстве, а поскольку оно не хотело бесконтрольных действий, это касалось и марксистских революций. Скорее всего, Сталин считал, что словенские коммунисты могут поддасться влиянию беспартийной интеллигенции, с которой они сотрудничали во время Второй мировой войны, и поставить на повестку дня национальный вопрос. По его прогнозам, это вполне могло произойти в процессе решения вопроса о стратегически важном Триесте. Югославские коммунисты могли бы настаивать на присоединении города к подконтрольной им территории из-за стремления укрепить собственную власть.

Но партийцы во всей Словении и Югославии не доставляли Сталину особых хлопот в 1944–1946 гг., несмотря на их революционную риторику и большую предприимчивость. На самом деле они не слишком преданно защищали интересы своего народа или страны, которой руководили. Хотя в публичных выступлениях они требовали присоединения к их государству крупного порта, однако до весны 1948 г. были готовы подчиниться интересам «коммунистического мира» или его руководству. Соглашение Тито – Тольятти 1946 г. и его подтверждение люблянскими революционными марксистами – лучшее тому доказательство. Коммунисты выступали с пламенными речами перед народными массами на своей родине, позиционируя себя в качестве защитников их национальных интересов, но, в сущности, их интересовала только собственная власть. Периодическая демонстрация военной силы и вбрасывание бескомпромиссных с точки зрения риторики требований отдать Триест Югославии уже нельзя было воспринимать всерьез после принятого революционными марксистами соглашения о принадлежности города Италии. Характерно, что некоторые шаги, предпринятые в этом направлении, казались абсурдными даже довольно циничному Владимиру Велебиту³², руководившему

---

³² В. Велебит даже писал в мемуарах, что югославские переговорщики «декларировали» позиции страны, которую они представляли; он справедливо утверждает, что западные дипломаты стойчески выдержали натиск «бесполезной риторики». См.: *Velebit V. Moj život*. Zabok, 2016. S. 556, 558, 559.

делегацией маршала Тито на переговорах, итогом которых стало подписание Лондонского меморандума о взаимопонимании в октябре 1954 г.

Но не только позиция коммунистов по вопросу о принадлежности города на краю Карстового плато свидетельствовала об их преданности вышестоящим силам и лидерам, обеспечивавшим прочность их пирамиды власти. Многие заметили, что лояльность Кидрича по отношению к Тито превосходила даже установившиеся партийные нормы³³. Поэтому главный экономический стратег югославского государства казался не независимым лицом, принимающим решения, а, скорее, простым исполнителем желаний своего шефа в маршальской форме³⁴. Показательно и нежелание Э. Карделя называть конфликт между советскими и югославскими коммунистами «борьбой», как обозначил его темпераментный Джилас. Кардель полагал, что речь шла просто о разногласиях в рамках коммунистического движения, которые рано или поздно следует обсудить, а затем ликвидировать³⁵.

Как бы сильно ни различались и ни конфликтовали друг с другом революционные марксисты, все же считалось, что они плывут в одной лодке. Так что неудивительно, что во время ссор они гневно обвиняли друг друга в измене. Сталинисты, троцки-

---

³³ Б. Кидрич также четко дал понять, что в случае конфликта между интересами словенцев и интересами социализма он выбрал бы преданность последним. См.: *Prunk J. Slovenski narodni programi*. Ljubljana, 1986. S. 108. Своеобразная ирония истории заключается в том, что Борис Кидрич в период партизанской борьбы резко критиковал так называемую езду на велосипеде, т. е. прогибание кадров под вышестоящих и давление на стоящих ниже по иерархической лестнице. См.: *Kidrič B. Izbrano delo*. Ljubljana, 1972. S. 180.

³⁴ *Velebit V. Moj život... S. 507*. О Коче Поповиче Велебит думал примерно то же, что и о Кидриче, что, безусловно, являлось преувеличением, поскольку он был одним из немногих, кто ушел с одного из ведущих постов при маршале Тито по собственной воле. Трудно сказать, расстался ли он со своей первой женой Верой Бакотич только из-за политических соображений – после прихода к власти коммунистов сербские коммунисты, группировавшиеся вокруг Благо Нешковича, считали ее по моральным качествам и политическим убеждениям неподходящей женой для прославленного революционера – или потому, что чувства супругов изменились.

³⁵ *Djilas M. Vlast i pobuna... S. 173*.

сты и титоисты были в этом плане на одной волне. Нередко они называли врагами даже тех, кто относился к конкурирующему течению революционного марксизма. Титоисты, по крайней мере официально, не хотели иметь ничего общего с троцкистами, которые в ортодоксальную сталинскую эпоху считались их самыми коварными врагами. Так, Э. Кардель не позволил Исааку Дойчери посетить Югославию, как предлагал В. Велебит³⁶. Для партии Тито был неприемлем интеллигент, не скрывавший своей троцкистской идейно-политической ориентации, даже после того, как ее сторонники стали заявлять об отходе от классических сталинских концепций. Не ошибался известный историк А. Дж. П. Тейлор, уже в 1949 г. отказавшийся от именованя югославского маршала «Мартином Лютером от коммунистов». Проводя параллель между ним и выдающимися личностями эпохи Реформации, он сравнил его с Генрихом VIII, который сам пожелал стать Папой³⁷. Фактически обмен нотами между руководителями московского и белградского политбюро привел к политическому расколу, а не к ереси. Лишь много позже югославские коммунисты стали, в какой-то степени, завуалированно, черпать вдохновение у троцкистов. Так, они говорили о своем захвате власти как о продолжающейся революции. Один из самых красноречивых соратников Тито Светозар Вукманович – Темпо даже озаглавил этой фразой свои объемные многотомные мемуары³⁸. Несмотря на все дискурсивные отклонения, каждому знатоку марксистской мысли было ясно, что идея, скрывающаяся за таким обозначением, – это «перманентная революция» Льва Давидовича Бронштейна (Троцкого). Однако в силу самой природы титоизма ее невозможно было открыто принять в Югославии³⁹. Решающую роль в сокрытии увлечения

³⁶ *Velebit V. Moj život...* S. 563. Книги Дойчера о Троцком и Сталине были опубликованы в Югославии лишь после смерти Карделя, в 1975 и 1977 гг.

³⁷ *Weigley C. Taylor A. J. P.: Radical Historian of Europe.* London, 2006. P. 229.

³⁸ *Vukmanović Tempo S. Revolucija koja teče.* Zagreb, 1982. Zv. I–IV.

³⁹ Шесть книг с произведениями Троцкого были изданы в Югославии только в 1971–1973 гг.; издательство «Otokar Keršovani» из Риеки включило их в свои проекты.

троцкизмом, безусловно, играли внутренние структурные причины режима, а не (внешне) политические соображения⁴⁰.

Конечно, при этом возникает вопрос о реалистичности картины ситуации в Словении, созданной Сталиным и Карделем. Их терминология была некорректной, поскольку альпийско-адриатическое пространство не знало интеллигенции в том виде, в каком она сформировалась в России. Интеллектуалы в нем не были единой группой, которую бы объединяли взгляды на прошлое, настоящее и будущее, между ними существовали различные градации, какие в целом имелись и внутри других групп населения. Русская интеллигенция представляла собой относительно однородную группу, которая занималась не только определенными профессиями, но и была единой по взглядам и политической ориентации. Ее идеи были прозападными, и она находилась в оппозиции к царскому правительству и его бюрократии. Образованные люди, по-иному относившиеся к власти, не могли считаться ее частью – как бы ни были они важны для духовной жизни России.

Введение парламентаризма в империи Романовых могло бы в дальнейшем способствовать идейной дифференциации в рядах интеллигенции, но за короткое время деятельности представительного органа этого не произошло. Русская революция 1917 г. свершилась в период монолитности империи. Интеллигенция тогда оказалась у власти вместе с социалистами, но ненадолго. Предшествующее противодействие государственному строю наложило на нее отпечаток, который в практической жизни не мог привести к положительному эффекту. Тем более во время войны. На пике могущества Александра Федоровича Керенского, которому, несмотря на все его недостатки, кое-как удалось сохранить

⁴⁰ После конфликта с Информбюро югославские коммунисты не хотели облегчать жизнь на международной арене последователям И. В. Сталина, которые указывали на крайнюю подозрительность их интерпретации марксизма. Позже, после улучшения отношений с Советским Союзом и советской компартией, они не хотели усложнять контакты с официальной Москвой. Тем не менее в Кремле ясно понимали их позицию и взгляды; до самой смерти Карделя его в Восточной Европе считали чуть ли не врагом. См.: *Vidmar J. Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 593.

целостность России путем обещания радикальных реформ⁴¹, интеллигенция оказалась на заднем плане, а после большевистского переворота была вытеснена из коридоров власти.

Советское правительство, укрепившись, попыталось сформировать новую прослойку образованных людей, что удалось сделать лишь частично. На это косвенно указал Сталин в драматической речи, произнесенной им на военном параде 7 ноября 1941 г., то есть в тот момент, когда гитлеровские войска наступали на Москву: хозяин Кремля тогда поблагодарил всю страну за то, что ей удалось превратиться в военный лагерь, заметив, что только «некоторые перепуганные интеллигентки»⁴², изображающие дьявола в более черных красках, чем он есть на самом деле, еще проявляют определенную слабость, преувеличивая силу врага, хотя «не так страшен черт, как его малюют». Советский вождь явно пытался донести до своих слушателей, что только в интеллектуальной сфере, не связанной с повседневностью, можно встретить трусов. Его картина мира была, конечно, тщательно продумана и имела явный стратегический характер: критика вовсе не была направлена на образованных людей в целом. А именно, в начале своей речи, перечисляя тех, кому было адресовано его послание, Сталин не забыл упомянуть, что «работники интеллигентского труда»⁴³ являются составной частью советского населения, сражающегося против врага. Однако в их число не были включены малочисленные группы представителей интеллигенции, ранее критически настроенные по отношению к империи, но при власти коммунистов утратившие свое единство и в конце концов распавшиеся, когда встал вопрос об их отношении к советской власти во время гражданских войн на территории Российской империи – что ярко обрисовал в своем обширном романе «Тернистый путь» «товарищ-граф» Алексей Николаевич Толстой⁴⁴. У партии

⁴¹ *Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. London, 1987. P. 146–324.*

⁴² *Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сталин И. В. Полное собрание сочинений. Т. 15. М., 1997. С. 84–86.*

⁴³ *Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года...*

⁴⁴ *Smele J. D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London, 2016. P. 234.*

большевиков, сформировавшей авангард вместо элиты, имелись свои образованные люди. Это были «работники интеллигентского труда» или их идеальные представители. К ним не относились люди, у которых были те или иные сомнения по поводу картины мира, созданной советским руководством. В 1941 г. Сталин считал этих представителей интеллигенции почти полностью изолированными, поэтому называл их «некоторые перепуганные интеллигентки»⁴⁵.

Коммунисты, захватившие власть в Словении в 1945 г., сразу и полностью адаптировали действительность согласно советским представлениям. Б. Кидрич, будучи председателем правительства Народной Республики Словения, уговорил своего товарища-партизана Йосипа Видмара читать лекции университетским профессорам о значении диалектического материализма для всех отраслей науки. Литературный критик, который до Второй мировой войны работал драматургом в Национальном театре в Любляне, взялся выполнить задание, Кидрич на всякий случай присоединился к аудитории, чтобы услышать, как на практике проходит политическое (пере)воспитание интеллигенции...⁴⁶. Было очевидно, что режим пытается как можно быстрее выковать из интеллигенции, придерживающейся различных взглядов, однородную группу образованных людей – такую, о которой говорил Сталин в начале своего выступления 7 декабря 1941 г. Кидрич также был впечатлен уже имевшимися в Советском Союзе писателями-инженерами душ: в феврале 1946 г. он объяснил прежде либерально настроенному Й. Видмару, как коммунистические власти будут учить литературных творцов – только особо одаренным следует разрешить творить без обучения! Критик, который позже вел получившую международный отклик полемику с советскими эстетамы, особенно с Михаилом Александровичем

⁴⁵ О русской интеллигенции в империи Романовых и о ее положении при советской власти см.: *The Russian Intelligentsia* / ed. by R. Pipes. New York, 1961; *Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, London, 1992.

⁴⁶ *Vidmar J. Obrazi... S. 567, 568.*

Лифшицем⁴⁷, несмотря на свою лояльность по отношению к новой структуре власти, был настроен скептически, ведь критерии могут быстро изменяться. Позже он отметил, что его сомнения оказались оправданными⁴⁸.

Несмотря на все усилия, коммунистам в Словении не удалось сформировать группу интеллектуалов, полностью поддерживавшую их политику. В долгосрочной перспективе показало себя неэффективным и сведение политических счетов с отдельными интеллектуалами, например, с католическим поэтом, писателем, эссеистом и видным партизанским лидером Эдвардом Коцбеком в 1951–1952 г.⁴⁹ и историком литературы Антоном Слодняком в 1959 г.⁵⁰. Интеллигенция, которая в альпийско-адриатическом регионе могла существовать только поддержав режим, сложившийся в 1945 г., фактически не имела почвы для своего развития. Режим, конечно, хотел бы создать такую интеллигенцию, о чем свидетельствует и советская, даже сталинская терминология, использовавшаяся и после начала конфликта с Информбюро. Так, во многих местах все еще говорили и писали о «трудовой интеллигенции»⁵¹. На самом деле интеллектуалы оставались в изоляции или, как независимые личности, объединялись в более или менее устойчивые группы вокруг отдельных журналов, которые стабилизировали давление со стороны режима. Вплоть до своего распада Югославия оставалась в ловушке манихейской схемы мышления, которая, в соответствии с марксистской доктриной классовой борьбы, знала только две постоянно борющиеся стороны.

Коммунистические коллективистские инициативы, которые могли бы ускорить формирование интеллигенции, не были

---

⁴⁷ См.: *Gabrič A. Socialistična kulturna revolucija. Slovenska kulturna politika 1953–1962.* Ljubljana, 1995. S. 169.

⁴⁸ *Vidmar J. Obrazi...* S. 568.

⁴⁹ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo. Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011. S. 309–337.

⁵⁰ *Gabrič A. Socialistična kulturna revolucija. Slovenska kulturna politika 1953–1962...* S. 281–290.

⁵¹ См. статью: Kandidat tov. Dušan Kveder je bil v Ptujju med volivci // *Naše delo.* 10.03.1950. III. Št. 10. S. 1.

конструктивными. Проблема заключалась главным образом в том, что они исходили из почти идеального шаблона *нового класса*, возникшего в титовской Югославии. В последний вошли лишь отдельные образованные люди, пользовавшиеся щедрыми привилегиями, – остальные же просто в силу занимаемых ими политических должностей⁵². Реальность показала, что был прав Андрей Януарьевич Вышинский, который во время Парижской мирной конференции 1946 г. объяснил Карделю, что советская или коммунистическая власть на самом деле является воплощением государства Платона, возглавляемого философами и мудрецами. Она якобы всегда формировала политику в соответствии с интересами рабочего класса⁵³. В такой картине мира просто не было места конкурирующим мыслителям, не вошедшим в правящие круги.

С другой стороны, интеллигенция как единая группа в Словении не была сформирована на основе коллективистских инициатив новых левых, поскольку в период европейской полуреволюции 1968 г. они привлекли – и то лишь временно – не очень многочисленный круг амбициозных и активных людей, и то лишь на время. Участники демонстраций, тогда временно заповолонившие несколько улиц Любляны, постепенно разошлись. Правда, в отличие от их белградских коллег, они не поддались демагогическим заверениям маршала Тито о том, что он с ними.

Перевод Н. С. Пилько, Л. А. Кирилиной

---

⁵² В списке из 1180 привилегированных лиц, имевших право на получение медицинской помощи в специальном медицинском учреждении, можно найти лишь отдельных членов Словенской академии наук и искусств, но далеко не всех – и даже они прошли тщательный отбор после Второй мировой войны. См.: *Dokumenti o privilegijah političnih in državnih funkcionarjev v Sloveniji v obdobju socializma* / ur. M. M. Keršič, N. Stres. Ljubljana, 2008. S. 89–98. В списке приведены все члены нескольких семей; выделен также Иван или Стево Краячич, который был самым важным доверенным лицом маршала Тито в хорватских силовых структурах.

⁵³ *Kardelj E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije 1944–1957...* S. 90.

Ю. В. Шахин

Литературная полемика 1956–1957 гг. о едином югославском критерии

Yu. V. Shakhin

Literary polemic 1956–1957 about the unified Yugoslav criterion

Аннотация: В 1956 г. руководство Югославии попыталось усилить тенденции к сближению культуры югославских народов. Идеологическая комиссия Центрального комитета Союза коммунистов Югославии использовала для этого косвенные методы воздействия на творческую интеллигенцию и не афишировала свои цели напрямую. Однако этот курс натолкнулся на сопротивление в Словении, которое вылилось в литературную полемику о едином югославском критерии в культуре. На стороне руководителей Югославии выступил сербский литературный критик Зоран Мишич, а его оппонентом стал словенский литературный критик Драго Шега. Общественное мнение не придало полемике большого значения, однако ведущие югославские политики обратили на нее внимание. Они отказались от единого югославского критерия в культуре, а также начали уделять больше внимания национальным проблемам в стране.

Ключевые слова: Югославия, Словения, культура, литература, этнические процессы, общественное мнение, идеологическая борьба

Annotation: In 1956 the leadership of Yugoslavia made an attempt to strengthen cultural rapprochement tendencies among Yugoslavian peoples. The new course was implemented by indirect methods, without setting direct party directives. The Ideological Commission of the Central Committee of the Union of Communists of Yugoslavia used indirect methods for influence on intelligentsia and didn't proclaim its aims in public way. But this course faced with resistance in Slovenia, which took on the character of a literary polemic over a unified Yugoslav criterion in culture. Serbian literary critic Zoran Mišić, and his opponent was Slovenian literary critic Drago Šega. Public opinion did not give the polemic much importance, however leading Yugoslav politicians paid attention to it. They refused the unified Yugoslav criterion in culture, and also began to pay more attention to national problems in the country.

Mishich acted at the side of Yugoslavian leaders, and his opponent was the Slovenian literary critic Drago Shega. The public opinion didn't see the polemics as something significant one, but the leading Yugoslav politicians drew attention to it. They abandoned a unified Yugoslavian criterion in culture and began to pay more attention to national problems in the country.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, culture, literature, ethnic processes, public opinion, ideological struggle

Середина 1950-х – начало 1960-х годов стали временем трансформации национальной политики Югославии и формирования официальной доктрины социалистического югославизма, лишенной этнического содержания. На изменения в его концепции повлияли две литературные полемики: между словенскими и сербскими писателями Зораном Мишичем и Драго Шегой в 1956–1957 гг. и между Добрицей Чосичем и Душаном Пирьевцем в 1961–1962 гг. Как в первом, так и во втором случае сербские авторы призывали к культурному сближению народов Югославии, а словенские пытались обозначить предел на пути сближения. Вторая полемика вызвала большой общественный резонанс, а первая прошла малозамеченной, поэтому историки уделяют ей меньше внимания, что является, на наш взгляд, несправедливым. Polemica З. Мишича и Д. Шегги имела значительные последствия и заслуживает пристального изучения.

Проблема культурного сближения народов Югославии возникла не на пустом месте. В 1950-е годы смешение народов Югославии стало распространенным явлением, поскольку в стране шли процессы индустриализации, урбанизации и секуляризации культуры. Внутренняя миграция усилилась, что привело к росту межнациональных браков¹. При этом в некоторых районах страны у населения еще не сложилось развитое национальное самосознание, а важным маркером выступала религия. Речь в первую очередь идет о зоне распространения сербскохорватских диалектов, в центре которой находились Босния и Герцеговина. Эти факторы благоприятствовали фор-

¹ Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 85–88, 105.

мированию единой югославской нации, по крайней мере, в этот процесс включилась часть граждан Югославии.

Архивные материалы подтверждают, что данный процесс находил отражение в общественном сознании. Больше всего свидетельств об этом мы обнаружили в документах Идеологической комиссии Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Так, в Боснии на местном уровне уже в 1956 г. появились некий югославский национализм и неофициальное мнение о ненужности республик как отжившей формы². В декабре 1961 г. председатель комиссии Петр Стамболич отметил, что за образование югославской нации выступало большинство участников дискуссии, прошедшей в Центральном комитете Народной молодежи Югославии, аналогичные взгляды проскальзывали «в дискуссиях о национальном самоопределении мусульман, в разговорах с активистами на местах, в текстах и концепциях ряда культурных и научных работников». В качестве примеров, иллюстрирующих этот тезис, он упомянул мнение хорватского писателя Густава Крклеца о культурной интеграции, югославский критерий в искусстве, «некоторые позиции и трактовки в “Истории народов Югославии”»³. А писатели модернисты, группировавшиеся вокруг журнала *Delo*, как выразился Стамболич, вообще отрицали «республиканскую национальность»⁴.

Многие деятели культуры не придерживались таких крайних позиций и выступали за сближение народов Югославии без слияния в новую нацию. Особенной активностью отличались филологи и писатели. В 1954 г. было заключено Новосадское соглашение о едином сербскохорватском языке, увенчавшееся изданием правил правописания в 1959 г.⁵. В 1952–1953 гг.

² Архив Југославије (далее – АЈ). Ф. 507. ЦК СКЈ. VIII: Идеолошка комисија. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. Л. 97, 100.

³ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 9. Предмет II/2-b-161: Zapisnik sa sastanka komisije za ideološki rad CK SKJ sa predsednicima komisija CK republika, koji je održan 26.XII.1961. Л. 6.

⁴ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. Л. 47–48.

⁵ *Doknić B.* Kulturna politika Jugoslavije: 1946–1963. Beograd, 2013. S. 201.

знаменитый хорватский писатель Мирослав Крлежа пытался преодолеть культурную замкнутость в национальных границах и утвердить концепт «югославской социалистической литературы», однако его усилия тогда не получили поддержки, отчасти из-за конфликта с сербскими писателями⁶. В ноябре 1954 г. в Союзе писателей Югославии прошел дискуссионный пленум по проблемам единства и универсальности в югославской литературе⁷. В 1955 г. на четвертом съезде в г. Охрид часть членов Союза писателей высказалась за введение единого югославского критерия в литературе⁸.

Эти процессы закономерно порождали настороженность и враждебность не только у культурных деятелей республик, стоявших в стороне от этих процессов, как, например, в случае со Словенией, но и у тех, чьи республики были в них плотно вовлечены. Так, в стенограмме заседания идеологической комиссии ЦК СКЮ в мае 1956 г. отмечено, что к школьной реформе не все относятся однозначно, есть пребывающие в меньшинстве деятели культуры и политики, которые полагают, что различия в образовательной системе республик должны сохраняться. В боснийских СМИ выражалась тревога, что появился югославский национализм, а на почве местничества и неравномерности экономического развития возник некий шовинизм, который «захватывает все больше наших кадров»⁹. А в выписке того же заседания отмечалось, что боязнь шагов по сближению встречается даже у коммунистов¹⁰. Добавим к этому постоянные призывы Стамболича воздерживаться от искусственного форсирования культурных процессов. В Хорватии

⁶ Пековић П. Паралелна страна историје. Београд, 2009. С. 25, 27.

⁷ Gabrič A. Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962. Ljubljana, 1995. S. 320.

⁸ Režek M. «Jugoslovanstvo» in mednacionalni odnosi v Jugoslaviji v petdesetih letih 20 stoletja // Prispevki za novejšo zgodovino. 2005. № 2. S. 136.

⁹ А.Л. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 38–39, 44, 97, 100.

¹⁰ А.Л. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Izvod iz zapisnika sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ. Л. 110.

старое поколение гуманитарной интеллигенции, прежде всего историки и музыканты из Академии наук, негативно воспринимало попытки выстраивания общегославских связей¹¹. А в Словении член республиканского ЦК Вида Томшич в качестве общеизвестного факта отмечала самовлюбленность словенцев и нежелание перенимать опыт у других жителей Югославии: «Наша самовлюбленность, [представление], что у нас [все] самое лучшее, это для всех общеизвестная истина, и это распространенное мнение о Словении. Это заходит так далеко, что не получает признания даже то, чему мы могли бы поучиться у представителей других регионов»¹².

Обозначенные этнокультурные тенденции в первой половине 1950-х годов во многом развивались стихийно. Для этого периода известны лишь единичные партийные инициативы, направленные на углубление интеграционных процессов: в 1954 г. были учреждены межуниверситетская конференция и Вече культурно-просветительских обществ Югославии, а также развернулась подготовка к школьной реформе. С 1956 г. югославская национальная политика стала более системной и активной.

Этому предшествовал любопытный разговор президента Югославии Йосипа Броза Тито и лидеров автономного края Воеводина, запись о котором сохранилась в личном архиве секретаря крайкома Воеводины Стевана Дороньского. 1–2 мая 1955 г. Тито, заместитель председателя Союзного исполнительного веча Александр Ранкович, первый секретарь ЦК Союза коммунистов Сербии Стамболич и председатель Исполнительного веча Сербии Йован Веселинов отдыхали в Воеводине. В неформальном разговоре с ними партийные руководители края затронули проблему национализма и югославизма, призвав к укреплению единства страны. Это очень вдохновило Тито. Он признался, что уже целый год об этом думает и поделился своими мыслями «о процессе создания югославской нации». Как записал в дневнике Дороньский, «он мне раза три задал вопрос, поймут

¹¹ А.1. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 75.

¹² Ibid. Л. 78.

ли наши кадры и одобряют ли более сильный югославский курс во внутренней политике и нашу внешнюю политику. Я ответил: «Наверняка!»». Однако Тито отметил, что о национальных проблемах нельзя дискутировать публично, чтобы не подорвать международный престиж Югославии, которую воспринимают как страну, правильно решившую национальный вопрос¹³.

Последующую тактику высшего партийного руководства определила не только личная позиция Тито, но и новые методы управления, которые провозгласил в 1952 г. VI съезд СКЮ. Партия отныне должна была действовать не путем приказов, а путем убеждения в своей правоте. В связи с этим изменилось отношение к литературным дискуссиям: «В эти дискуссии партия больше не вмешивалась напрямую, а влияла на работу журналов через своих людей и всегда реагировала, если было нужно»¹⁴. Особенно удачно новый подход применил Стамболич в Сербии. Сербские писатели разделились на две группы – модернистов и реалистов. Стамболич обеим оказал покровительство и помог основать собственные литературные журналы: у модернистов *Delo*, а у реалистов *Савременик*. Историк Венцеслав Глишич считает, что это было ловкое изобретение, позволившее партии вмешиваться в литературные дискуссии, оставаясь в тени, и одновременно держать литературную полемику в партийных рамках, потому что обе группировки писателей состояли из членов партии¹⁵. Эти закулисные методы Стамболич попытался применить, когда на него возложили функции председателя идеологической комиссии.

Зимой 1955–1956 гг. в Югославии наблюдался социально-экономический кризис, вызванный противоречиями форсированной индустриализации, который обострил центробежные тенденции. Чтобы их преодолеть, ЦК СКЮ взял курс на централизацию

¹³ Memoarske i dnevničke beleške u notesima Stevana Doronjskog // *Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine*. Novi Sad, 2011. S. 618–619.

¹⁴ *Doknić B.* Op. cit. S. 200.

¹⁵ *Glišić V. Susreti i razgovori: prilozi za biografiju Petra Stambolića*. Beograd, 2010. S. 29–30, 143.

экономики, науки и культуры – литературы, в частности. Новый курс закрепил VI пленум, состоявшийся 13–14 марта 1956 г. После пленума в начале апреля была реорганизована идеологическая комиссия ЦК СКЮ. Ее возглавил Стамболич, и она энергично приступила к работе. Комиссия провела консультации с партийными писателями и художниками¹⁶, а 8–9 мая Стамболич созвал ее заседание, где выступил с докладом «О дальнейшем укреплении единства народов Югославии», в котором призвал усилить имеющиеся тенденции к взаимному сближению.

В докладе Стамболич сформулировал принципы югославской культурной политики и изложил концепцию социалистического югославизма. В своих основных чертах она мало отличалась от формулировок, закрепленных в программе СКЮ 1958 г. Стамболич напомнил, что народы Югославии объединились в единое государство из-за общих интересов, суть которых в обеспечении национальной независимости. Равноправие в их отношениях – главное обстоятельство, а изначальная культурная близость – второстепенное. Сближение народов Югославии происходит на основе социалистических общественных отношений, но оно не увенчается созданием югославской нации, так как все нации в стране уже сложились, а дальнейшее развитие социализма приведет к отмиранию наций. В то же время, по мере сближения народов в образовании и культуре будет все больше явлений общегославского характера. Стамболич многократно подчеркивал, что сближение народов Югославии не нужно искусственно подталкивать, нельзя предпринимать шаги, для которых не созрела почва¹⁷.

Стамболич пытался объяснить перемены в культурной политике реакцией на инициативы снизу: «Сейчас существуют тенденция и настрой к культурному сближению наших народов. Появляется реакция на регионализм и республиканскую заукленность у различных обществ и организаций и появляется без

¹⁶ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 47–49, 98; *Doknić B.* Op. cit. S. 266; *Šega D.* Kriterij in resničnost // *Naša sodobnost.* 1956. № 10. S. 958.

¹⁷ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 35–36, 53; *Izvod iz zapisnika...* Л. 110.

какого-либо нашего вмешательства»¹⁸. Хотя Стамболич всячески подчеркивал значение центростремительных инициатив снизу, при критическом рассмотрении их оказывается совсем немного. Отдельные инициативы были у писателей, художников и музыкантов, но они носили спорадический характер и, как выше отмечено, испытали партийное влияние. Между тем, доклад Стамболича наоборот носил всеохватывающий характер. Это значит, что инициатива исходила сверху, от партии, хотя и опиралась на известную поддержку снизу, от интеллигенции.

В докладе и итоговых документах Стамболич обозначил основные направления новой культурной политики. Сотрудничество и сближение нужно было проводить с учетом возможностей республик, отдельно координируя работу в четырех республиках, входящих в зону распространения сербскохорватского языка. Идеологическая комиссия это обстоятельство не поясняла, но вероятно, общее языковое пространство открывало дополнительные возможности для углубления интеграции. Предполагалось за счет ослабления республиканских укрепить центральные органы массовых политических и общественных организаций (профсоюзы, молодежные и творческие объединения, спортивные общества), усилить координацию республиканских союзов и объединений, в том числе на общегославском уровне, в целях экономии средств объединить усилия нескольких радиостанций и создать общую программу вещания и централизовать производство фильмов¹⁹. Были поставлены и другие задачи, выходящие за рамки культурной политики. Одним из главных проводников нового курса стала комиссия общественных организаций Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии, созданная еще в 1953 г.

На заседании идеологической комиссии Стамболич бросил замечание: «Велика роль печати в создании широкого югославского критерия»²⁰. Он не дал никаких дополнительных по-

¹⁸ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Ј. 46.

¹⁹ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Ј. 50–52, 54, 104; Izvod iz zapisnika... Ј. 112; *Gabrič A.* Op. cit. S. 318.

²⁰ АЈ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Ј. 50.

яснений, по-видимому, вопрос создания такого критерия уже обсуждался до заседания комиссии и был понятен участникам. Действительно, эти слова стали руководством к действию для проюгославски настроенных писателей. Руководство Союза писателей Югославии незамедлительно постановило провести осенью 1956 г. очередной пленум, где первым пунктом повестки дня предусматривалось обсуждение «национально-югославского единства в нашей литературе»²¹, а в июле 1956 г., сразу после этого решения, сербский литературный критик Зоран Мишич призвал разработать обоснования, согласно которым литературное произведение можно будет считать югославским, и написал тезисы о едином югославском критерии в литературе. Их опубликовал на первых страницах модернистский журнал *Delo*, в котором сотрудничали такие авторы, как Добрица Чосич и Оскар Давичо. Хотя Мишич выражал собственные убеждения, нет сомнения, что за ним стояли Стамболич и идеологическая комиссия ЦК СКЮ. С этой публикации и началась публичная дискуссия о едином югославском критерии.

Из всех опубликованных в литературных изданиях материалов дискуссии нам сейчас доступна только статья Драго Шеги. Однако в архивном фонде Йосипа Броза Тито хранится реферативный обзор этой полемики, подготовленный специально для президента Югославии и раскрывающий позиции всех ее участников. Из сопоставления со статьей Шеги видно, что обзор лишен тенденциозности и вполне применим для целей нашего исследования. Он взят за основу дальнейшего изложения позиций полемистов.

Мишич не просто выполнял задание партии, он попутно решал задачи профессионального характера, пытаясь утвердить превосходство модернистского направления над реалистическим. Основные тезисы Мишича выглядят так:

1) в литературе ощущается дефицит современной проблематики, в частности, за двенадцать лет после войны не появилось ни одного романа о современной югославской жизни;

---

²¹ *Šega D.* Op. cit. S. 958.

2) имеется дефицит городской тематики: «Неестественно, что страна, которая индустриализуется и строит социализм, не имеет литературы о городе»²². Среди писателей, разрабатывающих сельскую тематику, преобладает враждебное отношение к городу;

3) в «консервативно-региональной литературе» преобладает мелкобуржуазное мировоззрение, а патриархальную этику она пытается выдать за коммунистическую (этим тенденциям Мишич противопоставляет югославизм, основу которого он в полном соответствии с высказываниями Стамболича видит в социалистической идеологии: «Социалистическая идеология и этика представляют единственный долговременный залог югославизма и единственную надежную защиту от узкореспубликанских, местнических и шовинистических тенденций»)²³;

4) отсутствует единый литературный язык, в сербскохорватском языке низкая унификация норм, процветают регионализм и провинциализм;

5) писатели игнорируют достижения психологической науки, шаблонно применяют учение о типичном образе и т. п.;

6) существует консерватизм в идеях и средствах выражения, который неизбежно подпитывает республиканскую замкнутость и партикуляризм;

7) средний культурный уровень югославских писателей довольно низок, и нужно работать над его повышением (в этой связи Мишич отмечает: «Истинный югославский писатель тот, кто обращается ко всему человечеству, а не только к соседям и ближайшей родне, как это имеет место в нашей региональной литературе»)²⁴. Нужно воспринимать все веяния в мире, откуда бы они не шли, не бояться культурных контактов, преодолеть так называемую искусственную непереводаемость «нашей литературы», поэтому борьба писателей реалистов за национальную чистоту литературы носит ошибочный характер);

²² АЛ. Ф. 837. Кабинет председателя републике. Предмет П-4-а/4: Informacija o napisu književnog kritičara Zorana Mišića «Za jedinstveni jugoslovenski kriterij». Л. 2.

²³ Ibid. Л. 2–3.

²⁴ Ibid. Л. 4.

8) необходим критический пересмотр существующего культурного наследия, включая фольклор, для поиска в нем прогрессивной линии и ее творческого развития, выявления там универсальных, общегославских качеств.

Свои тезисы Мишич завершает утверждением, вполне отвечающим тактическим установкам партии. К созданию «интегральной югославской культуры» нельзя прийти никакими административно-организационными мерами, а только за счет спонтанной активности писателей единомышленников²⁵.

Провозглашенный Мишичем курс на культурное сближение не случайно получил наиболее жесткий ответ от словенских литераторов. Во-первых, как мы уже отмечали, словенцы находились в стороне от стихийных процессов сближения югославянских народов, а во-вторых, когда идеологическая комиссия анализировала национальный вопрос через призму сближения народов страны, представители республик описали свои национальные проблемы, и самая плохая ситуация была отмечена в Словении и среди албанцев Македонии.

С публичной критикой Мишича выступил в октябре 1956 г. литературный и театральный критик Драго Шега, занимавший должность главного редактора журнала *Naša sodobnost*. Ответ Шеги назывался «Критерий и действительность». Этот небольшой текст был опубликован не в качестве передовицы, а в конце номера – среди заметок и комментариев. Тем не менее, он выражал не личное мнение автора, а общую позицию редакции²⁶. У нас нет прямых данных, действовал ли журнал на свое усмотрение или же предварительно заручился поддержкой кого-то из словенских политических деятелей. Косвенные данные позволяют утверждать, что Шега выступил, опираясь на поддержку руководства Словении. Во-первых, в 1961 г., когда Шега вновь предоставил страницы своего журнала для полемики по вопросам югославизма, он предварительно проконсультировался с главой правительства Словении Борисом Крайгером²⁷.

---

²⁵ Ibid. Л. 6.

²⁶ Ibid. Л. 7.

²⁷ *Gabrič A.* Op. cit. S. 346.

Во-вторых, практика партийного контроля над литературной жизнью в 1950-е годы была похожей во всех республиках, и мы можем вполне оправданно экстраполировать на Словению отношения Стамболича и Мишича. В-третьих, открыто нападая на единый югославский критерий, Шега либо не знал, что эта идея одобрена председателем идеологической комиссии ЦК СКЮ, либо имел достаточно прочную политическую поддержку на республиканском уровне, чтобы не опасаться последствий.

Наконец, выступление Шеги произошло на фоне целенаправленного саботажа по объединению и централизации культурных, научных и просветительских обществ со стороны Словении. Историк Алеш Габрич отмечает, что в 1956–1957 гг. словенские представители выступили против централизации Совета культурно-просветительских обществ Югославии; создания единого союзного совета по просвещению; унификации школьных учебных планов; централизации средств, выделяемых на кинематограф; наделения Общества югославских университетов административными полномочиями; централизации кинематографического совета и против централизации радиовещания²⁸.

Этот внушительный перечень можно дополнить. В декабре 1956 г. республиканский секретарь по культуре, образованию и науке Бено Зупанчич призвал бороться за более широкое использование словенских титров в кинопрокате²⁹. В Архиве Югославии хранится любопытное дело о сопротивлении централизации Союза геологических обществ ФНРЮ, которое показывает, как внедрялись и саботировались установки идеологической комиссии ЦК СКЮ. После разъяснительной работы со стороны Социалистического союза трудового народа Югославии члены Союза геологических обществ с сентября 1956 г. пытались изменить устав и ввести у себя в Союзе руководящие органы. В Словении на эту инициативу ответили отказом, а в Хорватии поддержали с оговорками. Остальные республики были «за». Комиссия общественных организаций Союзного коми-

²⁸ Ibid. S. 320–322, 325–326, 327.

²⁹ *Zupančič B. Zapisek o filmski distribuciji // Naša sodobnost. 1956. № 12. S. 1149–1150.*

тета Социалистического союза трудового народа Югославии потребовала у соответствующей словенской комиссии пояснений. Ее ответ, составленный 14 ноября, был написан в таком стиле, что понять отношение словенской стороны к позиции геологов было невозможно: осуждает она саботаж союзной линии или же ей все равно³⁰. Трудно представить, что вся эта кампания не координировалась руководством Словении, а редакция ведущего словенского литературного журнала выступила на свой страх и риск.

Многочисленные проблемы развития югославской литературы, поднятые Мишичем, Шегу не заинтересовали. Все свое внимание он сосредоточил на угрозах словенской национальной культуре. Мишич несколько раз упомянул интегральную югославскую культуру, и на этом основании Шега написал, что его тезисы происходят «из обветшалого идейного гардероба режимов, правивших после шестого января», имея в виду политику интегрального югославизма, которая проводилась после государственного переворота 6 января 1929 г.³¹. Нападая на региональные критерии, Мишич, по мнению Шеги, предлагает им региональную замену, так как югославский критерий тоже региональный. Прогрессивный писатель, по словам Шеги, должен руководствоваться только общечеловеческими критериями. Поэтому не должно быть ни югославского, ни словенского, ни хорватского, ни сербского критерия, а югославский критерий – выдумка узкой группы литературных единомышленников Мишича.

Далее Шега упрекнул Мишича, что он игнорирует исторически сложившиеся в Югославии культуры (словенскую, сербскую, хорватскую, македонскую), потому что ни разу не упомянул, что Югославия – многонациональное государство, и ни один из ее народов не назвал по имени, а ставя проблему единого литературного языка, Мишич отождествляет его с сербскохорватским, тем самым отрицая словенский и македонский языки, что лишь

³⁰ А.Ј. Ф. 142. Социјалистички савез радног народа Југославије. Фасцикла 88. Јед. 378. Л. 133–135, 140–141, 144, 146–147.

³¹ Šega D. Op. cit. S. 957.

подтверждает его приверженность интегральному югославизму. «Словенская, хорватская, сербская и также македонская культура существуют и, как и все другие национальные культуры в мире, в своих высших достижениях являются универсальными и общечеловеческими», – напомнил Шега³². Наконец Шега уточнил трактовку югославизма. Соглашаясь, что теперь в его основе лежат социалистическая идеология и этика, он заявил, что современный югославизм – это нечто большее, чем югославская идея. В связи с борьбой за социализм, гуманизм и демократию он приобрел универсальный общечеловеческий характер.

В ответной статье Мишич возмутился, что его взгляды приравнивают к интегральному югославизму, потому что «всякому, кто умеет читать, ясно, что большинство “инкриминируемых” [мне] позиций (о едином литературном языке, регионализме, неравенстве культурных уровней и т. д.) относятся в первую очередь к острым проблемам сербскохорватского литературного и языкового пространства», а словенский и македонский языки он не упомянул просто потому, что плохо знает проблематику этих языковых сред³³. Справедливости ради нужно отметить, что политическое руководство Словении знало, что идеологическая комиссия хочет проводить культурную политику с учетом местного языка. В решениях идеологической комиссии ЦК СКЮ, которые были направлены в Любляну, специально подчеркивалось, что нужно учитывать три языковых пространства (словенское, сербскохорватское и македонское) и осуществлять отдельную координацию для Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории³⁴.

Возражая Шега, Мишич изменил свою позицию, в частности заявил, что не считает югославский критерий ни эстетическим, ни национальным – это лишь средство преодолеть регионализм и сделать югославскую литературу современной. Далее он перешел в наступление и указал, что нужно выяснить «является ли югославизм «прогрессивным общественно-политическим понятием», как его мыслит Шега, или же одновременно ли-

³² Ibid. S. 960.

³³ АЈ. Ф. 837. Предмет П-4-а/4: Informacija o napisu... Л. 8.

³⁴ *Gabrič A.* Op. cit. S. 318.

тературно-культурным»; нужно ли строить отношения между национальными литературами исключительно в духе интернационализма и социалистического равноправия или также и в духе братства и единства; нужно ли единое общегославское культурное движение или же движение к обособлению, изоляции и замыканию национальных литератур.

Затем Мишич показал, что, прикрываясь защитой словенского культурного пространства, Шега на практике ведет к ориентации на все другие культурные пространства, кроме югославского. Мишич заявил, что нельзя принципы федеративного устройства Югославии механически переносить в область литературы и культуры, которая не позволяет строго размежеваться по государственным границам. Если не существует югославский критерий, то нет югославской культуры и югославской литературы. «Следовательно, можно довольно хорошо вести духовное общение с миром напрямую из Любляны, Белграда или Цетинья и без югославского посредничества, поскольку югославизм – «общественно-политическое понятие», а не культурное. Нужно, однако, заметить, – делает вывод Мишич, – что значение имеет не только государственная, но и духовная легитимация, и они не должны противопоставляться»³⁵. Далее, универсальное и общечеловеческое должно быть наполнено каким-нибудь содержанием, иначе это будет голая абстракция. Югославизм и выступает таким содержанием в «наших условиях». Ответ завершается язвительным замечанием по поводу югославизма: «Мне неясно, как то название, которое обозначает совокупность нашего общественного и духовного прогресса, может поставить под угрозу язык, культуру и национальное равноправие того самого народа, границы которого оно охраняет и чье существование обеспечивает»³⁶.

В ноябре 1956 – январе 1957 г. тезисы Мишича обсуждались на страницах других литературных изданий, но не нашли поддержки у югославских писателей. Среди видных участников полемики Густав Крклец и Душан Матич поддержали универсальный критерий в противовес югославскому, а писатель-

³⁵ АЛ. Ф. 837. Предмет П-4-а/4: Informacija o napisu... Л. 12.

³⁶ Ibid.

реалист Эрх Кош сочувственно отнесся к идее сближения и даже интеграции национальных культур Югославии, но отверг единый югославский критерий, увидев в нем угрозу административного навязывания литературных вкусов модернистов всем остальным писателям³⁷. Финальную точку в дискуссии поставила подборка высказываний из различных журналов на счет единого югославского критерия, опубликованная в февральском номере журнала *Современник*. Подборка завершалась словами словенского писателя и партийно-государственного деятеля Йосипа Видмара, который был в тот момент председателем Союза писателей Югославии, «что в искусстве должен иметь силу критерий качества и ничего более»³⁸. Таким образом, словенская контратака на попытку углубить югославскую интеграцию в сфере культуры увенчалась успехом, и это была первая неудача союзного партийного руководства в реализации политики социалистического югославизма.

Прежде чем Видмар публично подвел черту под спором о едином югославском критерии, его итоги в узком кругу обсудили политики. В конце 1956 г. им было не до того: вспыхнула революция в Венгрии, разразился Суэцкий кризис, вновь ухудшились отношения с Советским Союзом, а в самой Югославии резко усилилось недовольство трудящихся классов. Но как только обстановка немного разрядилась, они проявили интерес к полемике Э. Мишича и Д. Шеги. Специально для Тито 21 января 1957 г. был подготовлен ее реферативный обзор. Из дневников Добрицы Чосича, который был в то время не только литературным единомышленником Мишича, но и членом ЦК СКЮ, мы знаем, что три недели спустя, 11 февраля 1957 г., состоялось совещание членов ЦК с Тито по поводу подготовки новой партийной программы, и с подачи Чосича возникла идея включить в нее национальный вопрос. В тот же день Чосич обсуждал национальный вопрос и концепцию югославизма с Карделем³⁹. Именно в это время Кардель решил переиздать свою

³⁷ Ibid. Л. 13–14.

³⁸ *Režek M.* Op. cit. S. 136.

³⁹ *Тосић Д.* Пишчеви записи, 1951–1968. Београд – Нови Сад, 2000. С. 123.

старую работу «Развитие словенского национального вопроса» и написал ко второму изданию обширное предисловие, где уточнил официальное видение социалистического югославизма⁴⁰.

В документах и мемуарной литературе мы пока не нашли прямых упоминаний, как отнеслись Тито и его окружение к полемике о едином югославском критерии, но косвенные данные позволяют говорить, что в январе–феврале 1957 г. он был отвергнут. Видмар поддерживал дружеские отношения с Э. Карделем⁴¹, поэтому представляется, что, отвергая югославский критерий, он не проявлял самостоятельность, а действовал согласованно с высшим руководством Югославии, которое прислушалось к словенской позиции. Затем, в предисловии Карделя к «Развитию словенского национального вопроса», которое он дописал в апреле 1957 г., для единого югославского критерия места не нашлось. Наконец, в последующие годы высшие руководители Югославии неизменно подвергали эту идею критике. Спустя пять лет, в декабре 1961 г., Стамболич отмежевывался от единого югославского критерия как от ошибочной централизаторской идеи, хотя ранее сам же ее и продвигал⁴², а Кардель в апреле 1962 г. возмущался, как и Шега: «Что такое югославские критерии? Существуют общечеловеческие критерии, не существует никакого отдельного югославского критерия в культуре»⁴³.

Новая линия партии не предполагала отказа от культурного сближения народов Югославии и от централизации культурной, научной и просветительской деятельности, усилия в этом направлении предпринимались и дальше, но их темп замедлился. Историк Бранка Докнич полагает, что в 1970-е годы общая югославская культура все-таки сформировалась, но по описанным ею составляющим хорошо видно, что этот результат был достигнут исключительно путем стихийного развития⁴⁴. Значит, таким же путем формировался и единый культурный критерий.

⁴⁰ *Kardelj E. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja.* Beograd, 1958. S. 37–54.

⁴¹ *Glišić V.* Op. cit. S. 99.

⁴² АЛ. Ф. 507. VIII. Кутија 9. Предмет II/2-b-161: Zapisnik sa sastanka... Л. 6.

⁴³ *Точух Д.* Наведено дело. С. 221.

⁴⁴ *Doknić B.* Op. cit. S. 258.

Почему же литературная полемика 1956–1957 гг. сорвала сознательные усилия по формированию единого критерия и сближению народов Югославии вплоть до слияния в новую общность, о которой мечтал Тито? Прежде всего, в силу исторических обстоятельств, они были ограничены. VI съезд СКЮ провозгласил, что коммунисты должны действовать не методами принуждения, а методами убеждения. Этот принцип и был применен для воздействия на творческую интеллигенцию. Партия не пошла по пути прямых директивных указаний, итоги заседания идеологической комиссии ЦК СКЮ не были опубликованы. Для реализации своих планов она предпочла использовать косвенные методы воздействия на культурные процессы, действуя через сторонников своей линии в массовых организациях и творческих союзах. Они должны были спровоцировать общественную дискуссию и убедить большинство в правоте своей точки зрения. В рамках такой тактики воззвать к партийной дисциплине в случае несогласия идеологическая комиссия не могла, и поскольку противники культурного сближения не были нейтрализованы публичной партийной установкой, они могли открыто саботировать этот курс. Тот же Шега в своей полемической заметке «Критерий и действительность» рассуждал о Мишиче так, словно тот озвучивает исключительно свои частные идеи. Наконец, выступление Шеги против Мишича стало частью более широкой кампании, которую проводило руководство Словении в целях противодействия культурному сближению народов Югославии. Словенская интеллигенция, несогласная с линией идеологической комиссии ЦК СКЮ, обладала точкой опоры в руководстве республики.

В этой связи ключевое значение имеет вопрос о причинах, определивших позицию словенского партийного руководства в 1956 г. Судя по выступлению Виды Томшич на заседании идеологической комиссии ЦК СКЮ 8 мая 1956 г., со стороны Словении противодействие союзному курсу не ожидалось. Томшич поддерживала не только идею формирования югославского сообщества, но и «укрепление политического центра, понимая под этим разрушение упомянутых республиканских границ в трактовке проблем, относящихся ко всей территории

Югославии»⁴⁵. Но потом в отношении словенских партийных лидеров к курсу на культурную интеграцию произошел перелом. Нам представляется, что он явился следствием социально-экономического кризиса 1955–1956 гг., который поставил словенское руководство в трудные условия. Как сам кризис, так и меры по его преодолению вызвали широкое недовольство в среде технической интеллигенции и в управленческом аппарате республики. Это недовольство зачастую принимало националистический характер, причем националисты объясняли проблемы Словении тем, что она кормит Югославию⁴⁶. Как утверждает историк Йоже Принчич, в 1955–1956 гг. руководство Словении «потеряло поддержку влиятельной технической интеллигенции и так называемых хозяйственных кругов»⁴⁷. В. Томшич отмечала, что националистические настроения проникли также в рабочую среду, при этом акции партийного руководства по противодействию национализму носят оборонительный характер⁴⁸. В этих условиях начинать кампанию по культурному сближению с народами Югославии было затруднительно. Она могла дать дополнительный импульс словенскому национализму и привести к внутривнутриполитической изоляции ЦК Союза коммунистов Словении. А вот поддержка национальной культурной самобытности позволяла заработать политические дивиденды, не ставя под вопрос экономические обязательства Словении перед союзным центром. По всей видимости, по этой причине ЦК СКС изменил свою позицию и поддержал творческую интеллигенцию, опасавшуюся югославской культурной интеграции.

В советское время считалось общепринятым, что литература – зеркало эпохи, и литературное творчество в преломленном

⁴⁵ АЛ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 79.

⁴⁶ Ibid. Л. 77–78; *Prinčič J. V začaranem krogu: slovensko gospodarstvo od nove ekonomske politike do velike reforme: 1955–1970*. Ljubljana, 1999. S. 56–58.

⁴⁷ *Prinčič J.* Op. cit. S. 32.

⁴⁸ АЛ. Ф. 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 38, 77–78; *Томшић В.* Улога комуниста у изградњи нашег друштвеног и државног система // *Комунист*, 1956. № 1–2. С. 46.

виде отражает классовые тенденции. В современных условиях этот подход утратил популярность, но нам представляется, что он верен и актуален. Эмпирический материал, представленный в данной статье, его вполне подтверждает. Социально-экономическое развитие порождало в Югославии 1950-х годов противоречивые этнические тенденции. Одна из них была направлена на слияние народов Югославии, она соответствовала интересам союзной партийно-государственной бюрократии и была взята ею на вооружение. Однако у нее возник конфликт интересов с партийно-государственной бюрократией Словении, которой было выгодно поддерживать иную тенденцию этнического развития. Поскольку в ряде своих предшествующих работ автор доказывал, что югославская бюрократия – это господствующий класс, мы можем определить этот конфликт как внутриклассовый. В публичной плоскости он проявился как спор литературных критиков о будущем югославских литератур. На этом уровне конфликт осложнился наличием в Югославии конкурирующих литературных групп. В силу исторических обстоятельств партия после VI съезда обладала ограниченными возможностями для прямого навязывания своей линии, а профессиональные разногласия среди писателей дополнительно сузили эти возможности. Все это благоприятствовало словенской стороне и позволило словенской партийно-государственной бюрократии добиться частичных уступок от союзной бюрократии в области культурной политики.

Ж. Осет

**Словенская академия наук и искусств
и ее сотрудничество с югославскими
академиями наук и искусств (1938–1992)**

Zh. Oset

**Slovenian Academy of Sciences and Arts
and its cooperation with Yugoslavian Academies
of Sciences and Arts (1938–1992)**

Аннотация: В статье рассмотрен процесс образования Словенской академии наук и искусств и отношение ведущих словенских ученых к югославской политике в области культуры. Словенские ученые защищали независимое положение своих учреждений, включая также Словенскую академию наук и искусств, и поэтому противились политике объединения в единые югославские институты. Непосредственное сотрудничество между югославскими академиями началось после Второй мировой войны, когда академии образовали свои исследовательские институты. Сначала сотрудничество финансировала союзная власть, а после введения системы самоуправления академии перешли на самофинансирование. В конце 1980-х годов общественный кризис нашел свое отражение в отношениях между академиями, поэтому сохранились формальные связи, которые были разорваны после распада Югославии.

Ключевые слова: наука, культура, Югославия, политика, сотрудничество

Annotation: The paper presents a brief overlook of the Slovenian Academy of Sciences and Arts and stance of Slovenian researchers towards Yugoslavian cultural policy. Slovenian scientists defended the independent status of their institutions, including the Slovenian Academy of Sciences and Arts, and therefore opposed policies that would lead to the unification of Yugoslav institutions. In-depth coope-

ration between Yugoslav academies began after the Second World War, when the academies had their own research institutes. Initially, the cooperation was financed by the federal government, whereas with introduction of self-management financial burden was placed on academies themselves. In the late 1980s, the social crisis consumed the relations between the academies, which retained only formal contacts that were suspended after the breakup of Yugoslavia.

Keywords: science, culture, Yugoslavia, politics, cooperation

Образование Академии наук и искусств в Любляне в 1938 г.

Словенская академия наук и искусств (САНИ)¹ как общественное учреждение была создана в 1938 г., учредительный документ был издан в августе, а 18 членов академии министр просвещения назначил только в октябре 1938 г. С образованием Академии произошло институциональное оформление словенской науки, закончилась эпоха борьбы за создание ее фундамента. Это событие в значительной степени имело важное значение и для словенской культуры. Борьба за создание Академии перед Первой мировой войной являлась составной частью общих усилий, направленных на достижение равноправия словенского языка и словенской культуры в общественной жизни и прежде всего в школьном образовании. После Первой мировой войны и образования Университета в Любляне, осенью 1919 г., началась разработка плана по организации учреждения, которое бы занималось изданием научных трудов и реализовывало бы национальные проекты, среди которых особую важность имело создание словаря словенского литературного языка. Начиная с 1925 г., когда впервые был представлен проект закона о создании Академии наук и искусств в Любляне, он не получил поддержки ни у одной правительственной коалиции, прежде

---

¹ Ее первое официальное название было Академия наук и искусств в Любляне. Во время итальянской оккупации, в апреле 1941 г., помимо словенского она получила итальянское название, во время немецкой – ее переименовали в Словенскую академию наук и искусств в Любляне, также с переводом на немецкий язык. После войны ей вернули прежнее наименование. Ее современное название утверждено в 1948 г.

всего по политическим причинам – появление нового научного образования означало бы ослабление напора в создании единого югославского народа². Академия сыграла важную роль как в развитии словенской науки, так и в создании естественнонаучных и гуманитарных институтов после Второй мировой войны, в осуществлении важных национальных проектов, как, например, издание Словаря словенского литературного языка (и других словарей) и разработка словенского правописания. Она заботилась о сотрудничестве с другими академиями в Югославии и за ее пределами при помощи книгообмена, международных проектов. Это сотрудничество Академия стремилась укрепить путем привлечения иностранных ученых и деятелей искусства в качестве своих почетных членов.

Сотрудничество САНИ с югославскими академиями

Сотрудничество между югославскими академиями наук описано в воспоминаниях двух бывших президентов Академии: Милана Видмара (1942–1945) и Янеза Милчински (1976–1992). Они рассматривали Югославию в качестве коммуникационного поля и государственно-правового базиса для развития словенской культуры и международного сотрудничества. Словенские ученые не противились укреплению научного сотрудничества между югославскими учреждениями, но относились недоверчиво к исследовательской и культурной политике, несшей в себе зерна (югославского) централизма, что не способствовало успешному развитию коммуникации. М. Видмар в апреле 1929 г., спустя несколько месяцев после введения королевской диктатуры, дипломатично сказал королю Александру, что «югославская интеллигенция <...> гетерогенна и, как таковая, в своих действиях чужда друг другу»³.

Семьдесят лет спустя похожее ощущение отчужденности охватило и Я. Милчински. Когда он писал свои воспомина-

² *Oset Ž. Zgodovina Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Prizadevanja za ustanovitev Akademije, ustanovitev in njena prva leta. Ljubljana, 2014. S. 69–76.*

³ *Vidmar M. Spomini. Maribor, 1962. Prva knjiga. S. 79–80.*

ния весной 1990 г., из-за общественного и экономического кризиса и укрепления национализма значительно снизилось сотрудничество между югославскими академиями, что его особо печалило⁴. Сотрудничество прекратилось после распада Югославии и получения Словенией независимости. Частично этому содействовала смена научного поколения (следствием стала реализация проекта 2 тыс. молодых исследователей⁵). Стремление к налаживанию связей, которое уже после 1990 г. переживало настоящий кризис, конечно же, существовало. Но не хватало политической воли, иногда имела место и озлобленность, поскольку некоторые учреждения вину за распад государства приписывали Словении, да и средств для поддержания подобных связей было мало. Неудачной оказалась попытка Европейской академии наук и искусств с штаб-квартирой в Зальцбурге установить контакты с бывшими югославскими академиями⁶. Милчински надеялся, «что наша Академия – это мост, который позволит решать проблемы, и что не всегда этим будут заниматься футболисты»⁷.

Национальный академический союз Королевства СХС / Югославия (1927–1941)

В марте 1927 г. был создан Национальный академический союз Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС) в качестве представительского органа загребской и белградской академий, основной задачей которого было укрепление международного академического сотрудничества, строящееся на основе личных знакомств и связей ученых, и косвенно также для укрепления контактов в проектных группах, из которых после

⁴ *Milčinski J.* Leta za pet drugih. Ljubljana, 1990. S. 208.

⁵ Речь идет о плановой замене ученых старшего поколения более молодыми. Было запланировано набрать 2 тыс. молодых ученых, поэтому и проект носил соответствующее название. Он начал осуществляться в 1986 г. и продолжился после 1992 г., но с меньшей интенсивностью.

⁶ Arhiv Slovenske akademije znanosti in umetnosti (далее – Arhiv SAZU). Predsedstvo 1990–1992.

⁷ *Milčinski J.* Leta za pet drugih... S. 208.

Второй мировой войны развились так называемые межакадемические комитеты. Представительский орган вынашивал идею создания единой государственной академии, т. е. речь шла об объединении загребской и белградской академий. Сначала это предложение выдвигалось под предлогом снижения административных расходов, а после введения королевской диктатуры все больше в контексте культурной политики объединенного югославянства. Объединение двух академий наук стало бы демонстрацией стремления к объединению и прекращению национальных распрей, что, по сути, было предлогом для введения диктатуры⁸. Наиболее оптимистичные словенские ученые ожидали, что, возможно, и в Любляне будет создан филиал единой академии⁹.

Хотя пути интегрального югославянства несколько ослабили и усилилась деятельность, направленная на достижение национального договора, прежде всего между сербами и хорватами, увеличились шансы на реализацию идеи словенских ученых создать академию в Любляне¹⁰. Идеи о единой государственной академии витали и после Второй мировой войны. Основой для нее была советская концепция единой государственной академии с президиумом в Москве и представительствами в советских республиках. Подобная тенденция была актуальной в 1947–1948 гг., когда с проектом создания единой организации югославских академий было связано возрождение загребской Академии. Руководство Академии, хорошо помнившее довоенные события, остро противилось объединению. Из-за этого, но главным образом из-за постепенного отхода от так называемой советской политики в области науки, где центральную роль в научно-исследовательской деятельности играла Академия наук, после 1952 г. давление ослабло¹¹. В качестве главной причины

⁸ Arhiv Jugoslavije (далее – AJ). 66–318–535, 1927–1931.

⁹ AJ. 66–318–535. Prošnja JAZU za beskatatni zajm, 1929; AJ. 66–318–535, 1927; AJ. 66–536–803. Proračun 1930–1931; *Rotar J.* Korespondenca med Franom Ramovšem in Aleksandrom Belićem. Ljubljana, 1990. S. 29–30.

¹⁰ Arhiv Republike Slovenije (далее – ARS). AS 1660, f. 4. Št. 447.

¹¹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 9–13.

нежелания создать единый академический представительский орган чаще всего приводили его административную неэффективность. Эти обвинения, очевидно, имели под собой почву, поскольку в Словенской академии неоднократно сталкивались с жалобами своих членов на трудности, связанные со служебными поездками за рубеж¹². Но организационных изменений, вопреки этому, не требовали, а критика только укрепляла существующее децентрализованное положение.

Реформа научно-исследовательской политики после 1952 г. по образцу белградской Академии, которая до 1960 г. была Академией наук, а не наук и искусств, помимо всего прочего, рассматривала проект институционального преобразования люблянкой и загребской Академий. При подготовке союзного закона об Академиях в 1955 г. было предложено создание двух категорий общегосударственных академий – одной для науки, другой для искусства. Проекту сопротивлялись все три научных учреждения, которые утверждали, что это означает уменьшение их значения и обесценивание положения. Проект был снят с обсуждения, взамен им порекомендовали укреплять сотрудничество с научными обществами в республиках, где не было академий¹³.

Люблянская академия присоединилась к Национальному академическому союзу Королевства СХС только в декабре 1940 г., незадолго до нападения стран Оси на Югославию¹⁴.

Академический мир Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) (1948–1959)

После освобождения переговоры о межакадемическом сотрудничестве начались с поездки представителя Словенской академии наук Франца Кидрича и председателя сербской Академии Александра Белича в июне – июле 1945 г. в Советский Союз. Хотя институциональное сотрудничество еще не было

¹² Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 11.

¹³ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1953–1963, mapa 1–7.

¹⁴ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 2.

установлено, функционеры люблянской Академии внимательно следили за событиями в Белграде¹⁵, в то время как Академия в Загребе после окончания войны была распущена¹⁶. Сам проект создания новой Академии наук в Загребе означал начало деятельности в направлении налаживания сотрудничества югославских академий. Альберт Базала в качестве «прародителя» заградской Академии в отчете о посещении Любляны в декабре 1946 г. поставил вопрос об институциональном сотрудничестве¹⁷. Дальше договора о предстоящем визите, который должен был состояться в июне 1947 г., дело не пошло, но и он был перенесен на январь 1948 г. из-за событий в белградской Академии весной 1947 г., когда власти хотели, чтобы Академия сама исключила тех, кто подозревался или обвинялся в связях с оккупантами или был антикоммунистически настроен. Это же касалось принятия законов о заградской и люблянской Академиях¹⁸.

Позиция членов САНИ была довольно сдержанной, они опасались, что создание нового представительского органа югославских академий может означать первый шаг к единой югославской академии или попытку ограничить автономию Словенской академии. Перед встречей в Загребе в январе 1948 г. они поставили делегацию в особые условия: она не имела полномочий для заключения долгосрочных договоренностей. Отмечалось, что Словенская академия готова сотрудничать с заградской и белградской в формате регулярных ежегодных заседаний, где академии будут обмениваться взглядами и анализировать условия для научной работы и разрабатывать общие позиции, которые будут представлены союзным властям, а также их

---

¹⁵ *Rotar J.* Korespondenca med Franom Ramovšem in Aleksandrom Beličem... S. 106–107; *Kidrič F.* Znanost v Sovjetski zvezi // Slovenski zbornik. Ljubljana, 1945. S. 33–40.

¹⁶ Академия несколько раз вмешивалась в дела заградских ученых, в том числе Степана Ивши Каста и члена-корреспондента Людмила Хауптманна. См.: Biblioteka SAZU. R 46/III–66:13, R 46/III–155:2; ARS. AS 1402. Št. 157, Hauptmann Ljudmil.

¹⁷ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1938–1951. Zapisnik redne seje glavne skupščine AZU (21.12.1946).

¹⁸ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 10.

можно будет использовать для подкрепления требований, выдвинутых республиканским властям¹⁹.

В начале 1948 г. предложение создать единый представительский орган выдвинула белградская Академия, которая хотела науку всей страны сосредоточить под своим крылом (институты союзного значения, членство академиков в научных советах институтов других академий)²⁰. Это было продемонстрировано избранием Ф. Кидрича (9 апреля 1947 г.) и Отона Жупанчича (2 марта 1948 г.) постоянными членами²¹.

При защите своей автономии Академия пыталась заручиться поддержкой республиканской власти. Президент Академии Кидрич, при обсуждении проекта закона о Словенской академии в разговоре с председателем словенского правительства Михо Маринко и министром просвещения Йоже Потрчем отметил, что не согласен с проектом постановления об Академическом совете в том виде, в котором его подготовила Сербская академия наук. Словенцы хотели убедить загребскую Академию воспротивиться намерениям белградских коллег и таким образом создать коалицию против централизации²². В целом в Любляне деятельностью Совета академий были недовольны, и главный советник Словенской академии Фран Рамовш жаловался на его недостаточную эффективность: «В целом я могу сказать, что работа Академического совета заключается в оформлении малозначительных документов, что касается важных дел, то его канцелярия не дорабатывает, например, поздно оповещает наших делегатов о международных конгрессах или плохо организует прием иностранных гостей»²³.

В Словенской академии были весьма чувствительны к каждому предложению, которое так или иначе было направлено на расширение полномочий Совета. Письмо Сербской академии

¹⁹ Ibid.

²⁰ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1938–1951. Zapisnik izredne seje glavne skupščine AZU (10.02.1948).

²¹ *Albijić A.* Ljudi intelektualne vrline. 170. godina SANU. Beograd, 2011.

²² Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 10.

²³ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 11.

от марта 1950 г., в котором она предлагала увеличение своего участия при выстраивании исследовательской политики и надзоре над институтами, которые финансировались из союзных средств, было расценено как стремление к созданию союзной академии, что привело бы к девальвации республиканских академий, которые приобрели бы «местное значение». Во время обсуждения преобразований исследовательской деятельности масла в огонь подлили слухи из Белграда о планах создания «суперакадемии»²⁴. Из-за этого САНИ проявила большую осторожность при обсуждении весной 1950 г. меморандума нобелевского лауреата Лавослава (Леопольда) Ружички, который, помимо всего прочего, считал, что исследовательская работа слишком раздроблена. Подобную осторожность в отношении предложения Югославской академии избирать действительными членами тех членов-корреспондентов, которые работали в Хорватии, проявили и ученые из Загреба²⁵. Словенская академия отстаивала мнение, что все вопросы перед обсуждением на Совете академий, должны обсуждаться в самих академиях. Что касается центральной задачи Совета по сотрудничеству с зарубежными странами, Словенская академия ожидала, что будет установлено автоматическое подтверждение участия в конгрессах и стажировках за рубежом²⁶.

На июньском заседании Академического совета в 1951 г. научное сотрудничество между югославскими академиями получило конкретный организационный облик. Были созданы национальные комитеты для отдельных научных отраслей²⁷. Большинство национальных комитетов было образовано, но до осуществления научных проектов дело не дошло. В качестве исключения можно выделить медиков, занимавшихся фундаментальной медициной, которые были весьма активны. Поскольку не был решен основной вопрос, кто будет предоставлять средства для научного сотрудничества и для издания общего научного

²⁴ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 12.

²⁵ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 12, 13.

²⁶ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 13.

²⁷ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 14.

журнала *Znanstveni bilten*, работа Академического совета ФНРЮ уже в 1951 г. оказалась под угрозой²⁸. Открытым остался вопрос и о том, какое учреждение возьмет на себя ответственность за развитие науки в республиках, в которых не было академий. Первым шагом в решении этой проблемы было рассмотрение кандидатур ученых из Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии во время избрания делегатов на международные конференции²⁹.

Обсуждение изменений в конституции на заседании Академического совета ФНРЮ в октябре 1952 г. в Белграде послужило предлогом для дискуссии о делопроизводстве и компетенции Академического совета. Представленные предложения были направлены на укрепление национальных комитетов и введение общественного управления в Академическом совете; членами исполнительного органа стали бы представители научных обществ, военных, университетов, экономистов и республиканских властей. Президент Академического совета ФНРЮ Синиша Станкович ожидал, что при таком раскладе Совет получит часть административных полномочий Союзного министерства просвещения и культуры, которое, согласно конституционной реформе, должно было быть ликвидировано. В Словенской академии наук изменениям полномочий в области административного управления противились из-за страха, что Белград может начать играть доминирующую роль.

Поэтому было принято решение применить проверенную тактику: на встречах они не высказывали мнения о предлагаемых решениях. Словенские представители в Академическом совете ФНРЮ решение о такой далекоидущей реформе переложили на новоизбранного президента, тем самым они тактически выжидали, что официальную позицию сперва озвучит Югославская академия наук и искусств (ЮАНИ), которая противилась расширению полномочий Академического совета на административную территорию. Решение заседания в президиуме Словенской академии наук изучили только 8 декабря 1952 г. Так же, как и в

²⁸ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 13, 14.

²⁹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 14.

ЮАНИ, в Любляне не приняли расширение административных функций Академического совета ФНРЮ. Таким образом, было отвергнуто предложение о введении общественного управления в Академический совет³⁰. Иными словами, предложения о расширении административных функций Академического совета и создании общих научных институтов в период деятельности Академического совета ФНРЮ с 1948 по 1959 гг. были обречены на острое сопротивление Любляны и Загреба³¹ из-за их страха перед созданием единой государственной академии.

Совет академий наук и искусств ФНРЮ / СФРЮ (1960–1991)

В конце 1959 г. Академический совет был распущен, союзное правительство прекратило его финансирование. Югославские академии приняли решение, что необходима новая организация, поэтому создали Совет академий наук и искусств ФНРЮ в качестве своего представительского органа. Новую организацию частично финансировали академии, прежде всего представительскую часть, в то время как научное сотрудничество в межакадемических комитетах финансировал Союзный совет по науке. Главное отличие новой организации заключалось в том, что она отказалась от амбиций относительно какого-либо объединения академий и от постоянно функционирующего административного аппарата, который из-за своей административной некомпетентности вызвал широкое недовольство. Признание институциональной автономии и отсутствие постоянной штаб-квартиры Совета академий действовало успокаивающе на отношения между югославскими академиками, таким образом, при наличии культурной и политической воли, были созданы условия для проектного сотрудничества³².

Основной задачей Совета академий, который был создан по образцу Союза югославских университетов, была координация научной работы, которая под контролем Академического совета

³⁰ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 14.

³¹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1953–1963, mapa 1.

³² Arhiv SAZU. Predsedstvo 1953–1963, mapa 8.

ФНРЮ в так называемых национальных комитетах не получила развития. На втором заседании в мае 1960 г., когда также был подтвержден статут Совета академий, были основаны межакадемические комитеты, проектные группы, в рамках которых должны были реализовываться пятилетние исследовательские проекты. Каждая академия получила в управление несколько межакадемических комитетов. Важными проектами было издание журнала *Znanstveni bilten* и научное сотрудничество, которое в 1960-е годы значительно окрепло³³.

Важным переломным моментом в научном сотрудничестве югославских академий явилось заседание Совета академий наук и искусств СФРЮ в июне 1970 г., где была представлена новая форма финансирования науки на уровне государства и научных учреждений, она была единогласно принята. На самом же деле речь шла о введении самоуправления. Его сутью был лозунг о деэтизации и децентрализации, что стало главными новшествами научной политики³⁴. Деэтизация означала преобразование модели финансирования науки, теперь она финансировалась не из бюджета, а из фондов для финансирования исследовательской работы, которые распределяли деньги для проектной научной деятельности (для Словенской академии наук и искусств были важны Исследовательское объединение Словении и Культурное объединение Словении, которые взяли на себя задачи Фонда по субсидированию печати). Это значительно укрепило фонды. С введением децентрализации были устранены союзные (научные) фонды, на работу которых поступали претензии относительно дискриминации Словении (что вызывает сомнения), значительно выросли республиканские средства на исследовательскую деятельность. Слабой стороной работы союзных фондов было прекращение финансирования деятельности межакадемических комитетов, что вызвало сложности в осуществлении подписанных договоров о международном научном сотрудничестве³⁵.

³³ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1953–1963, mapa 9.

³⁴ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1964–1971, mapa 7.

³⁵ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1964–1971, mapa 7, 8.

Из-за ликвидации Союзного фонда по науке сотрудничество перешло в сферу налаживания связей и заключения договоренностей между академиями на основе самоуправления, большой проблемой при этом стали финансовые вложения для их реализации³⁶. Показательным примером было то, что главным секретарям югославских академий потребовалось четыре года, чтобы добиться заключения договора о дальнейшем сотрудничестве в рамках межакадемических комитетов и издания журнала *Znanstveni bilten*³⁷. Они достигли соглашения только к 1976 г., когда было принято решение, что сотрудничество в межакадемических комитетах может осуществляться как минимум тремя академиями, которые обязаны сами финансировать работу этих комитетов. Снижение финансирования журнала *Znanstveni bilten* стало еще более сложной проблемой, которую не разрешило даже существенное сокращение его объема. Финансовая составляющая выпуска общего журнала югославских академий наук оставалась открытой³⁸.

Гораздо большего успеха академии достигли в установлении международного сотрудничества. Совет академий был наделен полномочиями от их имени заключать международные договора. В этом ключе было важно решение Совета академий от февраля 1977 г., согласно которому югославская сторона подготовила план сотрудничества как с европейскими академиями, так и с академиями неприсоединившихся стран. САНИ отставала от Сербской академии наук и искусств, ЮАНИ и Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины в области международного сотрудничества, это касалось выборов иностранных членов-корреспондентов и заключения договоров³⁹.

В укреплении международного сотрудничества югославских академий в рамках Совета академий была заинтересована и власть. На САНИ сильное влияние оказывал председатель

³⁶ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1964–1971, mapa 7, 8.

³⁷ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1972–1975, mapa 2.

³⁸ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1976–1978, mapa 4.

³⁹ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1977–1984. Zapisnik skupščine SAZU (23.03.1978); ARS. AS 293. Št. 4. Govor ob štiridesetletnici.

словенского правительства Антон Вратуша, который предложил президенту Милчинскому установить связи с академиями неприсоединившихся стран, что и было сделано, хотя возможности для научного сотрудничества из-за высоких расходов были весьма ограничены. В целом члены Словенской академии не особо были воодушевлены сотрудничеством с этими странами, поэтому Вратуша взял на себя эту функцию, став в марте 1978 г. членом-корреспондентом, а в мае 1985 г. – академиком⁴⁰.

Президиум САНИ в 1980-е годы, с одной стороны, стремился активно участвовать в политических событиях в Словении, но с другой – не хотел терять связи с югославскими академиями и продолжал работать над их углублением. Например, на это указывает решение от имени Совета академий организовать акцию по выбору подарка к 120-летию ЮАНИ, все югославские академии сделали одинаковый взнос. Им стала работа академика Зденка Калины⁴¹.

«Нет!» – сказал я, и товарищи из Президиума согласились, что мы не будем полемизировать с подпольным памфлетом, от которого отказалась только Сербская академия». С этими словами президент (по крайней мере, так он сказал в интервью газете *Nedeljski dnevnik* в начале 1989 г.) отклонил общественную полемику САНИ с так называемым Меморандумом Сербской академии наук и искусств⁴². Хотя документ белградской Академии не был нигде официально обнародован, из-за изложенных взглядов относительно причин общественного кризиса и предложений для его решения, он способствовал углублению противоречий и послужил катализатором для озвучивания позиций остальных югославских народов. Словенский ответ был объявлен в 57 номере журнала *Nova revija*, который вышел под названи-

⁴⁰ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1977–1984. Zapisnik redne letne skupščine SAZU (24.04.1981); SAZU. Glavna skupščina 1977–1984. Zapisnik redne letne skupščine SAZU (06.06.1983); Člani SAZU // SAZU. URL: <http://www.sazu.si/o-sazu/clani.html> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴¹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1984–1986, mapa 17.

⁴² ARS. AS 293. Št. 10. Intervju za *Nedeljski dnevnik*.

ем «Предложения для словенской национальной программы» (Prispevki za slovenski nacionalni program)⁴³.

В Словенской академии официально не отреагировали на упомянутый Меморандум, но восприняли рабочую позицию Сербской академии как черновик, как внутренний акт братской академии наук. Впервые и единожды вопрос о Меморандуме был поднят на заседании Президиума 13 ноября 1986 г. (отрывок документа, который обозначили как «незаконченный документ», был опубликован 24 и 25 сентября в газете *Večernje novosti*, когда его члены ознакомились с меморандумом главного секретаря Сербской академии наук и искусств Деяна Медаковича, который прислал официальные выводы Сербской академии об этом документе. В протоколе возможная полемика о Меморандуме не содержится⁴⁴. Упоминание Меморандума не встречается и позднее. О нем вспомнили только в сентябре 1991 г., в контексте обращения Сербской академии наук по поводу войны в Хорватии⁴⁵.

Президент Милчински был весьма расположен к сотрудничеству между югославскими академиями, что особо имело значение для медиков из югославских академий. Это сотрудничество он рассматривал как мост для будущего объединения югославских народов, когда будет снята национальная напряженность, которую он приписывал последствиям экономического кризиса. Президент Словенской академии был особенно горд, что Черногорская академия единогласно избрала его, единственным из президентов югославских академий, своим внешним членом-корреспондентом⁴⁶.

Академии обсуждали вопросы относительно статуса и развития научно-исследовательской работы в рамках межакадемических комитетов и на международной арене. По словам Милчинского, «Совет академий пытался избегать тем, которые могли бы привести к разногласиям»⁴⁷. В этом контексте

⁴³ Nova revija. 1987. Št. 57.

⁴⁴ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1984–1986, mapa 22.

⁴⁵ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1990–1992, mapa 12.

⁴⁶ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1984–1986, mapa 9.

⁴⁷ *Milčinski J. Leta za pet drugih... S. 191–194.*

интересны события, последовавшие после бурной реакции Сербской академии на участие Словенской академии в создании резолюции по итогам заседания в Цанкарьевом доме (Доме Цанкара) 27 февраля 1989 г. Президиум Словенской академии принял решение не начинать открытой полемики, поскольку считал, что это может повредить отношениям между академиями, которые должны являться мостом для налаживания разобщенных межреспубликанских отношений. Президиум согласился с мнением президента, что они должны в этих условиях «остаться на сцене и, по возможности, связать между собой все югославские академии». Сообщение Милчински о заседании было кратким: «Заседание проходило корректно и спокойно»⁴⁸.

Вопреки попыткам сохранить хорошие отношения и научное сотрудничество, межакадемические связи уже в 1990 г. переживали кризис. Словенская академия в 1990 г. на межакадемическое сотрудничество потратила только 35 % выделенных средств. Еще меньше средств было затрачено на международное сотрудничество – всего 26 %. Это снижение произошло из-за проблем, связанных с получением валюты, и запрета принимать иностранных деятелей науки и культуры в Словении⁴⁹.

Вехой в сотрудничестве югославских академий стало получение Словенией независимости и принятие закона об организации и работе республиканского управления в июле 1991 г. в словенской скупщине, благодаря чему Управление по международному научному, просветительско-культурному и техническому сотрудничеству было лишено полномочий на территории Словении.

Официально САНИ вышла из Совета академий в октябре 1991 г., хотя ее члены и дальше продолжали научное сотрудничество в межакадемических комитетах. Ее Президиум попытался получить в «наследство» от Совета академий наук и искусств СФРЮ квоту в договорах о международном сотрудничестве, которые уже были заключены. Существовала надежда прийти

⁴⁸ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1987–1989, mapa 15.

⁴⁹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1987–1989, mapa 13.

к соглашению в этом вопросе, поэтому было принято решение участвовать в совещании, которое созвал в январе 1992 г. президент Хорватской академии Иван Супек как последний председатель Совета академий⁵⁰. Соглашение так и не было достигнуто.

Словенская академия неоднократно выражала готовность к сотрудничеству с другими югославскими академиями, одновременно направляя свои усилия на установление контактов с Западной Европой. Члены Академии поясняли своим западным коллегам позицию словенцев относительно своей независимости, лоббировали международное признание Словении, поскольку от этого, помимо всего прочего, зависело заключение договоров о международном сотрудничестве⁵¹.

Своеобразным миротворцем во время событий в Югославии пыталась выступить Европейская академия наук и искусств в Зальцбурге, которая в октябре 1991 г. пригласила президентов академий бывшей Югославии. За исключением Академии наук и искусств Воеводины, встречу посетили представители всех академий. Обсуждалась сложившаяся на территории бывшей Югославии ситуация и возможности для ее нивелирования. Президент Я. Милчински заявил: «С удовлетворением констатирую, что САНИ до сих пор, вопреки всем потрясениям, сохранила свою достойную, толерантную и примирительную позицию и корректные отношения с другими академиями». На встрече была принята Зальцбургская декларация, предусматривавшая перечень мер, которые должны были предпринять академии для прекращения войны в Хорватии и для снижения напряжения между республиками. Договорились встретиться в следующий раз весной 1992 г. в Сараево, но из-за начавшейся войны встреча не состоялась⁵². Президиум САНИ в качестве первоочередной задачи решил выборочно установить связи с академиями бывшей Югославии⁵³.

⁵⁰ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1990–1992, mapa 13.

⁵¹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1990–1992.

⁵² Arhiv SAZU. Predsedstvo 1990–1992, mapa 16, 18.

⁵³ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1990–1992, mapa 16.

Выборы (внешних) членов-корреспондентов в Словенскую академию наук и искусств

Согласно уставу, существовало три категории членства: постоянное, член-корреспондентское и почетное. Закон о Словенской академии наук и искусств (1971) ввел еще одну категорию: внешние члены-корреспонденты. Они не жили в Словении, не могли стать постоянными членами и не имели членских прав и привилегий, которыми пользовались постоянные и почетные члены⁵⁴. Изменение категорий членства ввел Закон о САНИ 1994 г., когда категория «внешний член-корреспондент» была переименована в «члена-корреспондента», а «член-корреспондент» в «особого члена»⁵⁵.

На первых выборах в 1940 г. была обнародована позиция, что членами-корреспондентами в первую очередь нужно избирать представителей культуры словенского происхождения⁵⁶. Это неписанное правило впервые было нарушено уже в ноябре 1947 г.⁵⁷. По предложению словенского правительства, по примеру сербской, болгарской и советской академий наук, к годовщине Октябрьской революции членами-корреспондентами вне состава членов академий были избраны президенты всех славянских академий⁵⁸. Это, конечно же, был политический жест, по словам секретаря Академии, это был «акт награждения и братского единства», поэтому научная квалификация «кандидатов» не принималась в учет⁵⁹.

⁵⁴ Uradni list Socialistične republike Slovenije. Št. 42–71. S. 1053–1056.

⁵⁵ Službeni list Kraljeve banske uprave Dravske banovine. 07.09.1938. S. 783–785; Uradni list Socialistične republike Slovenije. Št. 42–71. S. 1053–1056; Zakon o SAZU // SAZU. URL: <http://www.sazu.si/o-sazu/zakon.html> (дата обращения: 13.11.2022).

⁵⁶ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 2.

⁵⁷ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1938–1952. Zapisnik slavnostne glavne skupščine AZU (07.11.1947).

⁵⁸ Letopis Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani. Ljubljana, 1947. Knj. 2. 1943–1947. S. 27–31.

⁵⁹ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1938–1951. Zapisnik slavnostne glavne skupščine AZU (07.11.1947).

За исключением этих выборов и избрания почетным членом президента страны Иосипа Броз Тито в ноябре 1948 г., за первые пятнадцать лет членом Академии не был избран ни один ученый или деятель искусства, который не работал бы в Словении или не был тесно связан со словенскими культурными учреждениями. От этой политики хотели отказаться на выборах в 1953 г. Президент Рамовш летом 1951 г. сообщил, что «на выборах новых членов будет невозможно игнорировать заслуженных югославских ученых»⁶⁰.

Процент внешних членов-корреспондентов значительно возрос во время руководства Я. Милчински. В Академии в начале его руководства (1976) было только пять внешних членов-корреспондентов, проживающих за рубежом. Трое из них были словенцами. Еще 15 внешних членов-корреспондентов проживали в Югославии⁶¹. К концу его деятельности в Академии числилось 83 внешних членов-корреспондентов.

Увеличившееся количество внешних членов-корреспондентов отражало окрепшее международное сотрудничество Академии. Президент Милчински уже в ноябре 1977 г. предлагал уделить этому вопросу больше внимания⁶². На праздновании 40-летия Академии он сказал, что Академия в прошлом была «чрезмерно сдержана в выборе видных зарубежных ученых и деятелей культуры»⁶³. Вопреки этому, на выборах в марте 1978 г. в качестве члена-корреспондента был избран только президент Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины Алойз Бенац, что не выходило за рамки установившейся практики, согласно которой президенты отдельных югославских академий являлись бы также членами-корреспондентами других⁶⁴. В остальном же внешнее заочное членство иностранцев отражало, с кем у членов Академии было больше всего научных и культурных контактов.

⁶⁰ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1938–1952, mapa 14.

⁶¹ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1975–1978, mapa 9.

⁶² Ibid.

⁶³ ARS. AS 293. Št. 4. Govor ob štiridesetletnici.

⁶⁴ Arhiv SAZU. Glavna skupščina 1977–1984. Zapisnik skupščine SAZU (23.03.1978).

Более критично к избранию иностранных членов Милчински отнесся в 1988 г., в год празднования 50-летия САНИ, когда он констатировал, что большинство из них даже не получило еще дипломов, не говоря уже о том, чтобы они были в состоянии наладить международное сотрудничество, как это задумывалось⁶⁵. При этом, вероятно, нужно учитывать слишком большие ожидания и незначительный уровень сотрудничества между Академией и избранными членами-корреспондентами⁶⁶. Воодушевление, связанное с выбором внешних членов-корреспондентов, «прошло» после 1990 г., когда посчитали, что их избрали слишком много. Также по этой причине в Закон о САНИ, который был принят в 1994 г., было введено ограничение числа (внешних) членов-корреспондентов до 90 человек⁶⁷. Если до 1980 г. половина внешних членов-корреспондентов происходила из Югославии, то в 1980-е годы их число стало постепенно снижаться, а после распада Югославии быстро и резко сократилось.

Перевод Н. С. Пилько

---

⁶⁵ ARS. AS 293. Št. 4. Intervju za Naše razglede ob petdesetletnici.

⁶⁶ Arhiv SAZU. Predsedstvo 1979–1980, mapa 3.

⁶⁷ Zakon o SAZU // SAZU. URL: <http://www.sazu.si/o-sazu/zakon.html> (дата обращения: 12.11.2022).

Н. С. Пилько

Республика Словения – 30 лет независимости

N. S. Pilko

Republic of Slovenia – 30 years of independence

Аннотация: Путь Словении к созданию собственного государства был долгим и упорным. Идея независимости в той или иной форме присутствовала в словенском национальном сознании начиная с 1848 г. После Первой мировой войны словенцы стали частью Королевства сербов, хорватов и словенцев, но и в новом государственном образовании, которое спасло их от австрийских и итальянских поповзновений, они не чувствовали себя достаточно самостоятельными, ощущая диктат со стороны Белграда. После Второй мировой войны словенские земли вошли в состав Федеративной Народной Республики Югославия (впоследствии Социалистическая Федеративная Республика Югославия) в качестве республики. Но и здесь они продолжили отстаивать свои национальные интересы и в итоге стали независимым государством. За 30 лет независимости Словения смогла построить полноценное государство. Стать равноправным членом Европейского союза. Построить современную экономику, которая позволяет продвигать словенские товары на мировом рынке. В плане международной политики Словения стремится стать центральным актором в регионе так называемых Западных Балкан.

Ключевые слова: Республика Словения, независимость, выборы, парламент, партии, экономика

Annotation: Slovenia's path to creating its own state was long and hard. The idea of independence in one form or another has been present in Slovenian national consciousness since 1848. After the First World War Slovenes became part of the Kingdom of Yugoslavia, but even in the new state formation, which saved them from Austrian and Italian

capture, they did not feel sufficiently independent, feeling dictate of Belgrade. After the Second World War Slovenian lands became part of the Federal People's Republic of Yugoslavia (and later Socialist Federal Republic of Yugoslavia) as a republic. But even here they continued to defend their national interests and eventually became an independent state. For 30 years of independence, Slovenia was able to build a full-fledged state. Become an equal member of the European Union. Build a modern economy that allows to promote Slovenian goods on the world market. In terms of international politics, Slovenia strives to become a central actor in the region of the so-called Western Balkans.

Keywords: Republic of Slovenia, independence, elections, parliament, parties, economy

Конец 1980-х годов явился для Словении отправной точкой в сторону независимости. Толчком стал проект Союзного веча Скупщины СФРЮ по изменению Конституции Югославии, представленный для всенародного обсуждения в декабре 1987 г. Предложенные поправки вызвали недовольство словенской стороны, представители культурных и политических слоев Республики усмотрели в предлагавшихся поправках тенденцию на укрепление централистской власти, что противоречило интересам словенского народа.

В ноябре 1988 г., несмотря на недовольство некоторых республик, Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к основному закону. Большинство из них касалось хозяйственных аспектов. Однако центральное правительство получило право вмешиваться в деятельность республик и краев в случае невыполнения ими союзных законов¹.

Словения всегда считала себя самой развитой республикой Югославии, поэтому поправки к основному закону придали новое звучание старым тезисам. Опасаясь, что новая политика Центра приведет к ущемлению политических прав Республики и пагубно скажется на ее экономическом благосостоянии и развитии, Словения возложила на себя роль борца за справедливость, обратившись к другим республикам за поддержкой. С этого момента пропасть, разделявшая центральную власть в Белграде и республиканскую власть, начала расширяться, хотя следует особо

¹ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 66.

подчеркнуть, что в «центре» были представители всех республик, в том числе и словенцы, которые имели равное право голоса.

Масла в огонь подлила и тяжелая ситуация в Косово, сложившаяся после принятия Республикой Сербия поправок к своей конституции, согласно которым автономные края лишались большей части привилегий. Это вызвало демонстрации и голодовку 1 300 шахтеров в Косове. Для обсуждения сложившейся ситуации 27 февраля 1989 г. в Центре Цанкара в Любляне впервые собрались вместе словенские власти, новоявленные союзы и другие оппозиционные группы. На собрании свое несогласие с политикой центра и Сербией выразили как члены Союза коммунистов Словении, так и члены Союза социалистической молодежи, они поддержали бастующих шахтеров Косова. В то же время так называемый «митинг правды», который сербы и черногорцы, проживавшие в Косове, попросили разрешить провести в Любляне 1 декабря 1989 г., был запрещен. Цель митинга заключалась в стремлении рассказать общественности о ситуации, сложившейся в крае. Руководство Республики, отказав сербам, предоставило возможность высказаться косовским албанцам, причем позиция сербских властей была проигнорирована. Белград отреагировал на это собрание весьма болезненно, обвинив албанцев и словенцев в разрушении Югославии. Словения объяснила свое нежелание участвовать на стороне Белграда в конфликтной ситуации тем, что средства, затрачивавшиеся на ее урегулирование, поступали не из бюджета Сербии, а из общенационального, который состоял из средств всех республик, и, следовательно, это напрямую затрагивало интересы Словении. Решение о запрете митинга в Любляне привело к бойкоту словенских товаров в Сербии. Постепенно с прилавков стали исчезать привычные словенские молочные продукты, техника, кожгалантерея и др.

В конце 1980-х годов словенская оппозиция перестала прятаться и начала обретать плоть и кровь. 8 мая 1989 г. была обнаружена так называемая Майская декларация. Ее название переносит нас в 1917 г., когда лидер Словенской народной партии Антон Корошек представил в австрийском рейхсрате заявление о необходимости объединения всех словенских, хорватских и сербских земель Австро-Венгрии под властью

Габсбургской династии. Но на этот раз речь шла об обратном. В декларации 1989 г. говорилось, что «открытая враждебность, которую в настоящее время испытывают словенцы в Югославии, убеждает <...> в наступлении переломного момента в истории и обязывает <...> в ясной форме высказать свою позицию <...>. Мы хотим жить в суверенном государстве словенского народа <...>. Будучи суверенным государством, мы будем самостоятельно решать вопросы о связях с югославскими и другими народами в рамках обновленной Европы»². В декларации также отмечалось, что самостоятельное словенское государство будет базироваться на уважении прав и свобод человека, демократии и на общественном строе, который гарантирует духовное и материальное благосостояние в соответствии с естественными потребностями и человеческим потенциалом граждан Словении. Под декларацией подписались Общество словенских писателей, Словенский демократический союз, Словенский крестьянский союз, Словенское христианско-социальное движение, Социал-демократический союз Словении³. Начавшийся процесс уже нельзя было остановить, хотя, откровенно говоря, никто и не пытался.

Уже в сентябре 1989 г. Скупщина Республики приняла ряд дополнений к новой словенской конституции⁴. В этих дополнениях отмечалось, что Социалистическая Республика Словения находится в составе СФРЮ на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения, особо подчеркивалось, что впредь Словения будет сама решать вопрос о количестве отчислений в государственную казну. Оговаривалось и то, что государственные власти не имеют права вводить чрезвычайное положение в республике или применять чрезвычайные меры без разрешения словенского парламента. Кроме того, отмечалось, что Скупщина Социалистической Республики Словения сама будет определять курс международной политики; само-

² Майская декларация // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 106.

³ Там же. С. 106–107.

⁴ *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к самостоятельности... С. 73.

стоятельно решать вопросы, касающиеся интересов Республики в отношениях с иностранными государствами, регулировать деятельность службы государственной безопасности и осуществлять контроль за ее деятельностью, регулировать вопросы и процедуры, связанные с реализацией права на самоопределение⁵. Последний тезис особо оговаривался в поправке 71, которая предусматривала возможность проведения референдума трудящихся и граждан по вопросу о суверенитете Социалистической Республики Словения⁶.

Одновременно начинается формирование новых политических партий Словении. В ноябре 1989 г. оппозиционные организации и течения подписали соглашение об образовании оппозиционной коалиции, получившей название «Демократическая оппозиция Словении» или ДЕМОС. Она состояла из шести партий: Словенских христианских демократов, Словенской народной партии, Словенского демократического союза, Либеральной партии Словении, Социал-демократической партии Словении и партии Зеленых Словении⁷. Для того чтобы укрепить свое положение, оппозиция стремилась к созданию избирательной системы, которая позволила бы построить в Республике парламентскую демократию. Закон о новой системе выборов был принят 27 декабря 1989 г. Новая избирательная система предусматривала проведение непосредственных и тайных выборов по комбинированной избирательной системе⁸. Последний, XIV съезд Союза коммунистов Югославии, состоялся 20 января 1990 г., после него он практически перестал существовать. Делегации Словении и Хорватии заявили о своем нежелании участвовать и покинули его. Союз коммунистов Словении трансформировался в Партию демократических преобразований. Бывший Социалистический

⁵ Из конституционных поправок к Конституции Социалистической Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности... С. 137–138.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Габрич А., Четич З. Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг.. С. 72–73.

⁸ Čepič Z. Volitve aprila 1990 // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1283.

союз Трудового народа Словении стал Социалистической партией Словении, а Союз социалистической молодежи Словении – партией Либеральная демократия Словении.

Страна менялась на глазах, и не заметить этого было невозможно. В своем дневнике Милован Джилас в июне 1990 г. написал: «Словения фактически провозгласила независимость – еще немного и она провозгласит отделение. Хорватия тоже на этом пути, еще немного и она переступит порог»⁹.

Выборы в Словении состоялись в апреле 1990 г. Всего в них приняло участие 34 партии. Победу одержал оппозиционный блок Демократическая оппозиция Словении. Он получил 55 % голосов и большинство мест в парламенте. Оставшиеся 114 мест поделили между собой бывшие коммунисты, которые назывались теперь Партией демократического обновления, Либерально-демократическая (Союз социалистической молодежи Словении) и Социалистическая партии. Что касается программных положений партий, то они не отличались оригинальностью. Каждая из них строилась на готовности защищать интересы Словении, главным из которых была независимость. Премьер-министром Словении стал представитель Словенского христианско-социального движения Лойзе Петерле. Пост Председателя Президиума Словении занял представитель Партии демократического обновления Милан Кучан.

Следует сказать несколько слов о программе этой партии, которая так резко поменяла свою окраску. Ее лозунгом было: «За европейское качество жизни». Своим избирателям она обещала разработку новой конституции, «за которую не стыдно было бы ни одному европейскому государству»¹⁰. Что касается будущего устройства Словении, то Партия демократического обновления не отрицала возможности участия Республики в создании конфедеративной Югославии с рыночной экономикой, демократией и правами человека, при условии, что она будет «содружеством добровольно объединившихся и равноправных

⁹ *Dilas M. Raspad i rat. Dnevnik, 1989–1995. Beograd, 2022. S. 165.*

¹⁰ Из предвыборной программы СК Словении – Партии демократического обновления // Югославия в огне. М., 1992. С. 41.

народов, на основе их прав на самоопределение и отделение»¹¹. В своей речи на первой сессии Скупщины Республики Словения 9 мая 1990 г. Кучан, апеллируя к истории социалистической Югославии, отметил, что Словения не должна помнить ущемление своих прав и обиды в югославский период. Она должна начать строить новое общество. В частности, он сказал: «<...> цель примирения, <...> которое является нашим долгом перед культурой и цивилизацией, состоит в том, чтобы положить конец нашей болезненной одержимости прошлым, ведь мы должны жить дальше; народ, который излишне отягощает себя прошлым, угрожает своему настоящему и отказывается от своего будущего. Те, кого переполняет ненависть, не могут достичь примирения. Мы сможем его достичь только в том случае, если откажемся от разжигания новой вражды на старых пепелищах»¹². Своего рода это было упреждение от развязывания вооруженного конфликта, к которому могло привести провозглашение независимости. Далее в своем выступлении Кучан указал на причины, толкавшие Словению к столь решительному шагу. Он отметил, что «мы можем с большой степенью уверенности сказать, что нам, после стольких лет пребывания в едином югославянском государстве с другими народами, совершенно ясно, что невозможна ни Югославия, основанная на гегемонии одного народа, ни Югославия, которая основывалась на гегемонии одной политической партии»¹³. Председатель президиума заметил, что главной причиной кризиса, в который скатилась страна за последнее десятилетие, является централизм.

После обнародования Закона об исполнении основополагающей конституционной хартии о самостоятельности и независимости Словении произошло то, чего так надеялось избежать руководство республики: на территорию Словении были введены войска. Что это было? Дань прошлому? Вялая попытка силой со-

---

¹¹ Там же.

¹² Речь председателя Президиума Республики Словения Милана Кучана на первой сессии Скупщины Республики Словения // Словения. Путь к самостоятельности... С. 149.

¹³ Там же. С. 151.

хранить целостность страны, которая у всех на глазах трещала по швам уже больше года? Американский посол в Югославии У. Циммерман писал, что «отношения между республиками начали ухудшаться в 1989 г., и самыми плохими они были между Сербией и Словенией, хотя у Словении было много причин быть благодарной Югославии. После Второй мировой войны Югославская армия отвоевала для Словении земли, про которые словенцы говорили, что после Первой мировой войны они несправедливо отошли к Италии. Нынешняя независимая Словения третью своей территории обязана военным действиям ЮНА¹⁴ против Италии. Югославия для Словении была гарантированным рынком для ее товаров, которые вряд ли выдержали бы конкуренцию на западном рынке. Но поскольку Словения считала свою республику зародышем западной демократии, она решила напасть на Милошевича, не дожидаясь, что он нападет на них»¹⁵.

За десять лет, с 1980 по 1990 г., словенская политическая элита прошла серьезную трансформацию, приведя страну к независимости. Возможно, процесс отделения начался бы и раньше, если бы была уверенность в поддержке международного сообщества¹⁶.

Словенское руководство понимало, что Центр не сможет добровольно отпустить Республику, поэтому оно заблаговременно начало готовиться к вооруженному столкновению. 25 июня, когда была провозглашена независимость Словении, словенское руководство взяло под свой контроль границы Республики, воздушное пространство, порты. На КПП югославские государственные символы были заменены словенскими. Союзный парламент выступил с осуждением отделения Словении, признав эти действия незаконными, поскольку независимость была провозглашена

---

¹⁴ Югославская народная армия.

¹⁵ *Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe. Zagreb, 1996. С. 312 (цит. по: Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса... С. 107).*

¹⁶ *Пилько Н. С. Трансформация словенской культурной и политической элиты в 80-е гг. XX в.: от социализма к демократии // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019. М.; СПб., 2021. С. 330.*

в одностороннем порядке. Для того чтобы закрепить акт провозглашения независимости и привлечь внимание международной общественности, глава Словении Кучан оповестил всех руководителей государств и генерального секретаря ООН о том, что Словения вышла из состава Югославии. Это стало главной причиной срыва назначенной на 27 июня встречи Кучана и премьер-министра СФРЮ Анте Марковича, на которой планировалось обсудить возможное разрешение сложившейся ситуации. На заседании правительства, проходившем в ночь с 25 на 26 июня, большинство федеральных министров высказались за сохранение единства страны. Однако это могло привести к военным столкновениям, что повлекло бы за собой нежелательные последствия, главным из которых была негативная реакция международного сообщества. По свидетельству министра иностранных дел СФРЮ Будимира Лончара, ему звонили министры иностранных дел Италии и Германии – Джанни де Микелис и Ганс-Дитрих Геншер, которые предупредили, что если дойдет до военных столкновений, то единство югославской федерации больше не будет поддерживаться международным сообществом¹⁷.

Такая позиция международного сообщества была обеспечена во многом стараниями министра иностранных дел Словении Димитрия Рупела, который в преддверии провозглашения независимости посетил многие европейские страны, где вел переговоры со своими коллегами по внешнеполитической линии¹⁸. В воспоминаниях он писал: «<...> нас очень волновало отношение заграницы к стремлению обрести независимость, но мы видели хороший знак в поведении сенатора Боба Дола, который предложил США поддерживать только демократические республики, т. е. Словению и Хорватию»¹⁹. Словения пыталась

---

¹⁷ См. подробнее: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса... С. 113.

¹⁸ См. подробнее: *Пилько Н. С.* Димитрий Рупел. Путь в политику и его деятельность в качестве первого министра иностранных дел Республики Словения в переходный период (1990–1992) // Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. М.; СПб., 2022. С. 442–468.

¹⁹ *Rupel D.* Srečanja in razhajanja. Ljubljana, 2001. S. 118.

заручиться поддержкой Венгрии и Австрии, стран Бенилюкса, Бельгии. На всех встречах словенские представители указывали на тот факт, что Республика смогла установить демократию сама, без иностранной помощи. Однако именно это, по словам Рупела, и пугало, поскольку «западные друзья не чувствовали той ответственности за Словению, которую несли за Восточную Германию, Польшу и Венгрию»²⁰.

Тем не менее, рано утром 27 июня к границам Словении выдвинулись танки ЮНА. Однако тогда осталось непонятным, кто именно отдал приказ об их наступлении. В одном из интервью Маркович отметил: «<...> что касается отделения Словении и так называемой войны, у меня сложилось очень ясное мнение. Прежде всего, Словения заняла пограничные пункты суверенного государства Югославии, и поэтому интервенция ЮНА была оправдана. Другое дело, как и каким образом дошло до интервенции. Думаю даже, что речь шла о договоре между руководством Словении и Сербии об инсценировке нападения. <...> О походе танков ЮНА в Словению я узнал только в четверг, 27 июня 1991 г., около пяти часов утра, когда мне, единственному в Белграде, позвонил по телефону Кучан»²¹. Сейчас уже можно достоверно утверждать, что приказ взять под контроль аэродром Брник, порт Копер отдавался командованием ЮНА в соответствии с решениями правительства. Для этих целей было выделено 1990 военнослужащих, из которых 400 – из подразделений Министерства внутренних дел, и 270 таможенников²². По свидетельству очевидцев, начавшая наступление армия была плохо подготовлена и вооружена. Ряд исследователей считает, что это было сделано намеренно с целью дискредитировать ЮНА. М. Джилас 27 июня записал в дневнике: «Кризис в Юге (Югославии. – Н. П.), с отделением Хрв. (Хорватии. – Н. П.) и Сл. (Словении. – Н. П.) пробудился. Союзное правительство недостаточно энергично <...>»²³.

²⁰ Ibid. S. 128.

²¹ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса... С. 112.

²² Там же. С. 113.

²³ Dilas M. Raspad i rat... S. 253.

По свидетельству министра обороны Словении Янеза Янши, «в июне 1991 г., благодаря скрупулезному анализу ситуации в Югославии и благодаря хорошим разведывательным данным, мы были уверены в том, что части ЮНА не смогут осуществить нападение с привлечением большого количества сил в тот момент, когда Словения и Хорватия провозгласят независимость, и что это будет интервенция и давление на ключевые посты, которое впоследствии может быть обострено путем привлечения резервных сил ЮНА»²⁴. Судя по воспоминаниям министра обороны, Словения не была полностью подготовлена в вооруженном плане к провозглашению независимости. Еще в десятых числах июня у руководства не было уверенности в том, что заказанное им вооружение поступит в срок. Военный заказ состоял из 5 тыс. автоматических винтовок и 5 млн комплектов боеприпасов, более 1 тыс. противотанковых снарядов, включая несколько ракет для пусковых установок типа Фагот и несколько десятков противовоздушных ракет типа Стрела 2М²⁵. Вооружение прибыло 21 июня. «Я до сих пор спрашиваю себя, – пишет Я. Янша, – приняла бы служба президента Республики решение о вооруженном сопротивлении 27 июня с чистой совестью, если бы мы не получили вооружения, которое увеличило наши возможности противостоять танковому натиску более чем на 100 %»²⁶.

Для обсуждения сложившейся ситуации состоялось совещание Президиума Словении. На нем было принято решение оказать сопротивление югославской армии и довести процесс провозглашения независимости до конца. Все население Словении встало на защиту своей свободы. Причем в некоторых случаях именно словенская сторона первая открывала огонь по ЮНА, которая, судя по всему, не собиралась вести активных боевых действий. С каждым днем становилось все очевиднее, что сохранить целостность страны не удастся. Чтобы избежать настоящей войны, следовало отпустить Словению. Одним из

²⁴ *Janša J.* The making of the Slovenian state. 1988–1992. Ljubljana, 1994. P. 139.

²⁵ *Ibid.* P. 142.

²⁶ *Ibid.*

самых напряженных дней стало 2 июля. Вероятность усиления давления военной мощи ЮНА оставалась реальностью, ожидалось, что югославская армия начнет атаку с воздуха. Вернувшись из поездки в Германию, Кучан сообщил, что переговоры с Геншером прошли успешно, последний настаивал на том, чтобы немедленно были прекращены военные действия и начался переговорный процесс с югославской стороной²⁷.

Руководство Словении смогло мобилизовать 35 тыс. добровольцев и силы так называемой «территориальной обороны». В длившихся 10 дней боевых столкновениях погибло 44 военнослужащих ЮНА. Со стороны Словении убитых было трое и 66 раненых. По мнению словенских историков и политиков, эту войну нельзя было считать гражданской, поскольку это не была война внутри одного народа, а интервенция, направленная на подавление стремления к свободе и демократии.

Стороны заключили перемирие 3 июля, а 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал возвращения всех пленных и прекращения огня. Большую роль в разрешении конфликта сыграла Германия. Выступая по радио 5 июля, Геншер заявил, что «в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА нужно будет поставить вопрос о признании европейским сообществом независимости Словении и Хорватии». При этом он подчеркнул, что необходимо принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить сотрудничество в области финансов²⁸. Интересна запись Джиласа относительно событий в Словении: «Месич поступил правильно, решив навести порядок в Словении, но словенцы, ободренные Австрией и Германией – опять немцы! – но словенцы этого не понимают, намечаются новые столкновения. Я за жесткую позицию относительно Запада в его стремлении признать Хорватию, ведь это ведет к гражд. (гражданской. – *Н. П.*) войне»²⁹.

²⁷ См. подробнее: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса... С. 117.

²⁸ Там же. С. 116.

²⁹ *Dilas M. Raspad i rat...* S. 255.

7 июля состоялась встреча министерской тройки Европейского сообщества, состоявшей из представителей Нидерландов, Италии и Люксембурга, с членами Президиума СФРЮ во главе с Стипе Месичем и представителями всех республик, кроме Сербии, на острове Брионии. Цель встречи заключалась в создании условий для мирных переговоров.

В состав словенской делегации вошли М. Кучан, Я. Дрновшек, Л. Петерле, Ф. Бучар и Д. Рупел. Всего состоялось четыре рабочие встречи. Кучан свое выступление начал с критики того, что до сих пор еще не была составлена комиссия для контроля за перемирием, хотя Маркович это обещал. Ханс Ван дер Брук, министр иностранных дел Нидерландов, настаивал на возвращении старых символов на пограничных пунктах, на восстановлении на границах прежнего режима. По мнению Рупела, наиболее конструктивное и обнадеживающее предложение сделал министр иностранных дел Люксембурга Жак Поос, оно впоследствии было использовано словенской стороной в свою пользу. Смысл заключался в том, чтобы на границах в трехмесячный срок были установлены три вида флагов: словенский, югославский и европейский. Что касается таможни, то предлагалось унифицировать ее работу согласно европейским стандартам. Деньги должны были поступать на какой-нибудь отдельный счет, а затем распределяться между другими республиками. У словенской делегации появились дурные предчувствия. Вот что об этом пишет Рупел: «Наши мрачные раздумья прервала Генриета Ван Ноттон (ассистентка Ван ден Брука). Она принесла написанный от руки листок, где содержались четыре пункта, и сказала, что министр хочет услышать наше мнение, прежде чем будет напечатан окончательный вариант. Первым прочел Кучан, потом Бучар, Дрновшек, Петерле. Все были в отчаянии. Они сочли, что это ультиматум, в котором требовалось, чтобы мы отказались от независимости. Мы сидели и молчали. Потом листок дошел и до меня. Мне очень жаль, что я его не переписал. Но я помню его содержание:

1. Пограничные переходы контролирует словенская полиция, которая действует в соответствии союзными предписаниями.

2. Таможня является союзной компетенцией.
3. На границах восстанавливается состояние, которое было до 25 июня.
4. Следует ликвидировать блокаду казарм ЮНА, армия должна вернуться в казармы.

Я посмотрел на лица своих друзей и на листок. Потом сказал: “Это условия! Скажем, что с некоторыми мы согласны, другие необходимо доработать”. “Смотрите”, – сказал я. – “Первый пункт может остаться. Главное, что полиция словенская. Второй пункт нужно поправить так, чтобы он включал в себя решение об отдельном счете, который не может находиться под союзным контролем, но должен быть под контролем иностранцев. Третий пункт вообще слабый. Здесь мы сошлемся на Пооса и на его предложение о европейском устройстве. В Европе границу охраняет полиция, а не армия. Четвертый пункт опасен, хотя и его можно интерпретировать. Главное то, что армия возвращается в казармы”³⁰. Ван ден Брук во время последующей встречи заявил, что никаких поправок не будет. «Примите или откажитесь», – сказал он. Однако заключительный текст составили так, что словенская сторона могла его интерпретировать в свою пользу. Это был компромисс между словенцами и Марковичем. Рупел отмечал, что Брионская декларация, по сути, содержала в себе большие риски. Но, по его словам, вся его внешняя политика строилась на искренней и непоколебимой вере европейцам. Рупел отмечал, что особо верил де Микелису, который сказал ему, что через три месяца словенцы будут свободны.

Скупщина Республики Словения приняла все положения Брионской декларации, выразив благодарность министерской тройке за оказанную помощь «в миролюбивом разрешении югославского кризиса», и подтвердила «полное доверие к добрым намерениям Европейского сообщества»³¹. Президиум СФРЮ 12 июля 1991 г. принял решение вывести войска из Словении. Окончательно они покинули ее территорию 29 июля. До 8 ок-

³⁰ *Rupel D. Srečanja in razhajanja... S. 193.*

³¹ Решение и заявление Скупщины РС по поводу Совместной декларации // Словения. Путь к самостоятельности... С. 251–152.

тября 1991 г. Словения практически приостановила процесс строительства суверенного государства. В ноябре был принят закон о денационализации, а в декабре – новая Конституция, в которой Словения провозглашалась независимым государством.

С принятием Брионской декларации европейские государства получили возможность вмешаться во внутренние дела суверенного государства и под предлогом восстановления справедливости и демократии поставить разгоравшийся с молниеносной скоростью пожар югославского кризиса под свой контроль. Изначально наблюдатели посылались только в Словению и Хорватию, однако особо оговаривалась возможность расширения ареала их деятельности. Состав миссии не был однородным, в него могли входить как гражданские, так и военные представители. Планировалось, что все они разместятся в Координационном центре, откуда в различные сектора будут посылаться небольшие группы, находящиеся под контролем Руководителя Миссии наблюдателей, который должен предоставлять ежедневный отчет о деятельности Миссии Комитету старших должностных лиц через Секретариат СБСЕ в Праге³².

Текст новой Конституции оказался значительно короче текста Конституции 1974 г. Словения провозглашалась демократической парламентской республикой, главой и верховным главнокомандующим государства становился президент.

Первые независимые выборы президента и депутатов в Государственное Собрание прошли 6 декабря 1992 г. На пост главы государства претендовало восемь человек, в итоге в первом туре президентом был избран М. Кучан. Что касается политических партий, то перед выборами они столкнулись с целым рядом проблем. Раскол Словенского демократического союза привел к тому, что правящая коалиция ДЕМОС потеряла большинство мест в Парламенте. Кроме того, возникшие в период борьбы за независимость партии в своих программах в большинстве своем говорили только о суверенитете. Но, столкнувшись с реальными проблемами новоиспеченного государства: падением

---

³² Там же. С. 247–248.

производства, ростом инфляции, снижением уровня жизни и безработицей, многие из них оказались в тупике, поскольку не знали, как их решить и что предложить гражданам.

По итогам выборов в Парламент прошло восемь партий. Победителем стала Либеральная демократия Словении (ЛДС), получившая 23 % голосов и 22 места в Парламенте, ее глава Янез Дрновшек стал премьер-министром. На втором месте оказались Словенские христианские демократы (СХД) Л. Петерле, им досталось 15 мест, далее шел «Объединенный список» (14 мест). Четвертое место заняла Словенская национальная партия (10 мест). Словенская народная партия (СНП), возглавляемая Марьяном Подобником, получила 12 мест, партия Зеленых 5 мест, 6 мест досталось Словенской демократической партии Словении (СДПС). Социал-демократическая партия (СДП) – 4 места. Между представителями венгерского и итальянского национальных меньшинств были распределены 2 места.

Первое заседание Государственного Собрания Республики Словения состоялось 23 декабря 1992 г. Главой Парламента стал депутат от ЛДС Герман Ригелник.

После первых выборов в Государственное Собрание была образована так называемая «большая коалиция», которая объединила ЛДС, «Объединенный список», СХД и СДПС. При этом следует отметить, что партии объединял не общий договор, а отдельные межпартийные договора, которые глава Парламента заключил с христианскими демократами и СДПС, а также с «Объединенным списком»³³. Новое правительство было создано 12 января 1993 г. и просуществовало до 14 марта 1994 г. В марте 1994 г. ЛДС объединилась с Зелеными Словении, с социалистами и с большинством демократов, что позволило ей диктовать свои условия членам коалиции. К весне 1994 г. ситуация в правительстве становилась все более напряженной. Главные противоречия развернулись между премьером Дрновшеком и президентом Кучаном с одной стороны, и министром обороны Я. Яншей (СДПС) – с другой. Камнем преткновения стал военный бюджет и закон об обороне. В итоге министр обороны был от-

³³ *Vasle V. Dr. Janez Drnovšek sestavil novo vlado // Delo. 21.01.1993.*

правлен в отставку, его место занял Елка Качин. Позже, 14 сентября 1994 г. в отставку подал спикер Парламента Ригелник. Его сменил Йожеф Школц, депутат от СХД.

Основные проблемы, с которыми столкнулось правительство и Парламент, имели в основном экономический характер. В стране шла приватизация, росла безработица, уровень экономического роста был крайне низким. Период перехода к рыночной экономике протекал довольно болезненно для Словении, особенно в первые три года. Во-первых, был потерян главный потребитель словенской продукции – югославский рынок, а словенский был слишком мал для ее реализации. Многие словенские товары не выдерживали западной конкуренции. Во-вторых, высокий процент инфляции привел к резкому падению уровня жизни населения страны. Из-за изменений в системе оплаты труда значительная часть населения оказалась за чертой бедности. По некоторым статистическим данным самые низкие зарплаты в 1992 г. были у рабочих металлургической, строительной и перерабатывающей промышленности. В 1990 г. число занятых на предприятиях и в других организациях составляло 786 036 чел., в 1992 г. их число снизилось до 656 966 чел., в 1996 г. – до 581 651 чел.³⁴. Тяжелым бременем на экономике страны лежала выплата членам Лондонского клуба 18 % долга СФРЮ³⁵.

Правительство поставило перед собой задачу как можно быстрее обуздать инфляцию, сократить безработицу и выйти на мировой рынок. В стране была проведена денационализация, приватизация, банковская реформа. В соответствии с Законом о преобразовании формы собственности предприятий от 11 ноября 1992 г. в целях бесплатного распределения общественного капитала предприятий среди граждан Словении выдавались приватизационные чеки. Чек мог быть использован владельцем для получения акций либо пая на предприятии, где он

³⁴ *Natek K., Natek M.* Slovenija. Geografska, zgodovinska, pravna, politična, ekonomska in kulturna podoba Slovenije. Ljubljana, 1998. S. 163.

³⁵ *Пилько Н. С.* Республика Словения // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Историко-политологический справочник. М., 2015. С. 337.

работает, для приобретения акций предприятий, которые преобразовывали свою форму собственности. При этом стоимость приватизационных чеков различалась и зависела от стажа гражданина, получавшего чек. Самый маленький номинал составлял 200 тыс. толаров и выдавался лицам, не имевшим стажа, самый высокий номинал составлял 400 тыс. толаров и выдавался тем, кто имел свыше 30 лет трудового стажа³⁶.

Закон о денационализации был принят в декабре 1992 г. К концу марта 1997 г. было денационализировано более 23 тыс. га крестьянских земель, около 69 тыс. га лесов, 245 тыс. кв. м жилой площади, 312 тыс. кв. м нежилой площади, около 6 млн кв. м земель, находящихся под постройками³⁷. Кроме того, в процессе денационализации предусматривался возврат физическим лицам имущества, национализированного в годы существования социалистической Югославии.

После провозглашения независимости Словения ввела временную денежную единицу, на которую обменивали в банках югославские деньги по курсу 1:1³⁸. Но уже в октябре 1991 г. Банк Словении ввел государственную постоянную валюту – толар и провозгласил его единственной действующей денежной единицей на территории Словении.

Некоторый перелом экономической ситуации произошел в 1994 г. Внутренний валовой продукт вырос более чем на 5 %, была несколько снижена инфляция: с 22,9 % в 1993 г. до 18,3 %. А в последнем квартале 1995 г. инфляция впервые не превысила 10 %. Увеличился и экспорт товаров. Объем торговли со странами ЕС достиг 14 млрд долларов, а в 1995 г. он составил 69 % от всей торговли Словении. Более 30 % общего объема торговли приходилось на Германию. Главными торговыми партнерами Словении стали Италия, Греция, Франция и Австрия³⁹.

³⁶ Закон о преобразовании формы собственности предприятий // Словения. Путь к самостоятельности... С. 522–523.

³⁷ Natek K., Natek M. Slovenija. Geografska, zgodovinska, pravna, politična... S. 169–170.

³⁸ Ibid. S. 187.

³⁹ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса... С. 626.

10 ноября 1996 г. в Республике состоялись вторые парламентские выборы. Всего в них приняли участие 23 партии. Большинство голосов получила Либеральная демократия Словении Я. Дрновшека, которая выступила с оптимистическим лозунгом «2000. Идем вместе!». Партия получила 27,1 % голосов и 25 депутатских мест. Далее следовала Словенская народная партия и ее лидер М. Подобник. С лозунгом «За Словению с любовью» они сумели получить 19 % голосов и 19 мест. СДП Я. Янши с лозунгом «Время для перемен» достигла 16 % голосов и 16 мест, Словенские христианские демократы с лозунгом «Мы отвечаем за свои слова» Л. Петерле получили 9 % и 10 мест, Объединенный список социал-демократов (ОССД) – 9,03 % и 9 мест. Кроме того, в Парламент прошли Демократическая партия пенсионеров Словении (ДППС) – 4 % и 5 мест и Словенская национальная партия – 3 % и 4 места. Демократы и Зеленые в Парламент не прошли. Выборы практически не изменили расстановку политических сил, оставив у власти левоцентристскую коалицию. Возглавил Парламент Янез Подобник, его заместителями были выбраны Зоран Талер, Борут Пахор и Хелена Хрэн-Венцель.

В 1997 г. состоялись президентские выборы. Президентом Словении был вновь избран М. Кучан. После парламентских выборов в Государственном Собрании установилось равновесие. Объединившиеся партии СНП, СХД и СДП получили 45 мест, сумев перетянуть на свою сторону двух депутатов от национальных меньшинств⁴⁰. В сложившихся условиях развернулись дебаты относительно того, кто станет премьер-министром. Рассматривались две кандидатуры: Я. Дрновшек (ЛДС) и М. Подобник (СНП). Учитывая результаты выборов, на которых ЛДС получила большинство голосов, президент республики доверил право на формирование правительства Дрновшеку, но здесь возник ряд трудностей. Изначально популярностью пользовалась идея создать правительство так называемого «народного единства», т. е. в нем должны были быть

⁴⁰ *Brezovšek M., Haček M. Politični sistem Republike Slovenije. Ljubljana, 2012. S. 275.*

представлены представители всех партий, но после заявления правых о нежелании участвовать в «этой затее», возникла идея о левоцентристском правительстве, куда вошли бы ЛДС, ОССД, ДППС и Словенские националисты⁴¹. Это правительство проработало до 7 июня 2000 г.

В конце 1990-х годов правительство Словении начинает активную работу по присоединению к основным европейским экономическим структурам и структурам по обеспечению безопасности. В ООН республика вступила в мае 1992 г. и стала членом Совета Европы в мае 1993 г. Словения также стремилась стать членом Североатлантического альянса. В марте 1994 г. она присоединилась к программе «Партнерство во имя мира» и стала постоянным участником учений, проводимых в ее рамках. Летом 1996 г. она получила статус ассоциированного члена Европейского союза. Правительство Словении рассчитывало присоединиться к ЕС в 2003 г. Но для этого необходимо было подогнать экономику страны под евростандарты. Для молодого государства, которое только-только начинало вставать на ноги, это было весьма сложной задачей.

Весна 2000 г. ознаменовалась бурными политическими событиями. В апреле объединились две консервативные христианские партии СНП и СХД. Представители СНП вышли из правительства. Дрновшек подал в отставку, его место занял Андрей Баюк, чья кандидатура была предложена коалицией СНП и СХД. Новое правительство просуществовало с 7 июня до 30 ноября 2000 г. В это время особо острая ситуация складывается вокруг обсуждения вопроса об избирательной системе. Я. Янша (СДП) выступил за ее пересмотр. 13 июля 2000 г. правительство Баюка заявило, что государство не имеет действенной избирательной системы. Глава коалиции СНП + СХД Франц Загожен не согласился с подобным заявлением, трактуя его как оказание давления и отметив, что СДП пытается вызвать правительственный кризис⁴². Вскоре относительно вопроса об избирательной системе в партиях разгорелась полемика, и в

⁴¹ Ibidem.

⁴² *Gašparič J. Državni Zbor 1992–2012. Ljubljana, 2012. S. 90.*

итоге коалиция СНП + СХД поддержала предложение о реформе. Следствием этого стал выход из нее двух заместителей председателя партии: А. Баюка и Л. Петерле, которые в конце июля 2000 г. создали новую партию, получившую название Новая Словения – Христианско-народная партия (НСи). Вскоре в эту новую партию стали переходить члены СХД⁴³.

Третьи по счету парламентские выборы прошли 15 октября 2000 г. На них убедительную победу одержала Либеральная демократия Словении, партия Дрновшека, получив 36 % голосов избирателей и 34 места в Парламенте. ОССД получил 12 % голосов и 11 мест. В Парламент также прошли Словенская национальная партия и ДППС, каждой из них досталось по четыре мандата. СДП получила 15 % голосов и 14 мест, Коалиция СНП + СХД – 9 % голосов и 9 мест, НСи Баюка – 8 % голосов и 8 мест. Главой Парламента стал Б. Пахор, лидер ОССД. Правительство возглавил Я. Дрновшек. 15 ноября Дрновшек подписал коалиционный договор четырех партий: ЛДС, ОССД, СНП + СКД и ДППС. Он сумел создать коалиционное правительство. Большинство его членов являлись представителями ЛДС. Шесть министерских постов получили ее партнеры: Объединенный список социал-демократов Б. Пахора и Словенская народная партия Ф. Загожена. Д. Рупел в третий раз занял пост министра иностранных дел. Его однопартиец А. Гризолд возглавил военное ведомство. Представителю объединенных социал-демократов Р. Бохинцу было поручено руководить министерством внутренних дел, а министерство финансов оказалось в руках Антона Роба⁴⁴. В 2004 г. Парламент возглавил Фэри Хорват (ОССД).

В ноябре 2002 г. в Словении прошли президентские выборы. Во второй круг вышли два кандидата: Я. Дрновшек – 44 % голосов и единственная женщина из девяти претендентов Барбара Брезигар – 31 %. Второй тур состоялся 1 декабря. На нем уверенную победу одержал премьер-министр Словении Я. Дрновшек, получивший 55 % голосов избирателей. Новым премьер-мини-

⁴³ *Brezovšek M., Haček M. Politični sistem Republike Slovenije...* S. 277.

⁴⁴ Центрально-европейские страны на рубеже XX–XXI веков. М., 2003. С. 186–187.

стром стал представитель Либерально-демократической партии А. Роп, которого в ноябре 2004 г. сменил Я. Янша.

Ощущая себя всегда частью Европы, Словения всеми силами стремилась как можно быстрее вступить в Европейский Союз. Референдум по вопросу о присоединении к ЕС состоялся 23 марта 2003 г. В референдуме приняли участие более 60,4 % населения, 89,6 % из них проголосовали за вступление в ЕС. Договор о присоединении был подписан в Афинах 16 апреля 2003 г., а 28 января 2004 г. ратифицирован Государственным собранием Республики Словения. Словения стала членом ЕС 1 мая 2004 г., а в 2007 г. присоединилась к Европейскому монетарному союзу. Для этого Словении необходимо было выполнить ряд требований. 21 декабря 2008 г. Словения вошла в Шенгенскую зону свободного передвижения. В первой половине 2008 г. возглавила Совет Евросоюза.

По прошествии времени можно смело утверждать, что переходный период Словения пережила наиболее благополучно по сравнению с другими странами региона, так же, как и она, менявшими свое государственное, политическое и экономическое устройство. По официальным данным Республика в то время стремительно приближалась к уровню развития стран Европейского Союза. В 2004 г. этот уровень достиг 79,5 % от среднего ВВП на душу населения с учетом покупательной способности. Первое место в экономике заняли промышленность, сфера услуг и бытового обслуживания. При этом роль сельского хозяйства значительно снизилась, что, по сути, является естественным процессом для новых членов ЕС. Республика Словения смогла восстановить торговые связи со своими естественными партнерами – бывшими республиками Югославии. Наиболее активное сотрудничество ведется с Хорватией. В 2001 г. возобновлена торговля с Сербией, Македонией, Боснией и Герцеговиной.

Четвертые выборы в Парламент состоялись 3 октября 2004 г. В расстановке политических сил произошли некоторые изменения. Впервые с 1992 г. ЛДС потерпела поражение, получив всего 22 % голосов и 23 мандата. Победительницей стала СДП – 29 % голосов и 29 мест в Парламенте. НСи получила 9 %

и 9 мандатов. ОССД – 10 % и 10 мест, СНП – 6 % и 7 мандатов, ДППС с 4 % голосов – 4 места, Словенская национальная партия – 6 % и 6 мест. Правительство 9 ноября 2004 г. возглавил Я. Янша. Главой Парламента был избран Франце Цукати. Характерной чертой четвертого парламента было то, что после 12 лет главенства ЛДС правительство Янши начало проводить серьезные кадровые изменения, которые получили название «кадровое цунами»⁴⁵. За четыре года ЛДС погрузилась в глубокий кризис, партию покидали видные политики. Четверо из них присоединились к Социальным демократам (СД), семеро образовали новую парламентскую группу «Зарес» (как партия оформилась 6 октября 2007 г. По составу и программе она явилась наследницей ЛДС). Представители Словенской национальной партии в Парламенте также раскололись, три депутата образовали депутатскую группу «Липа».

Осенью 2005 г. по стране прокатилась волна демонстраций против правительственных реформ. Самым тяжелым испытанием стало повышение налогов и введение системы, основанной на сложном фиксированном пропорциональном налоге. Профсоюзы выступили против упрощения процесса увольнения рабочих, а также сокращения выплат во время болезни (ранее они составляли 80 % от зарплаты).

Осенью 2007 г. состоялись президентские выборы, на которых победил кандидат от оппозиции Данило Тюрк, его главным оппонентом был Л. Петерле. Очередные парламентские выборы состоялись в сентябре 2008 г. Оппозицию возглавили Социальные демократы, которые вместе с партией «Зарес» и ЛДС образовали союз, получивший название «левоцентристская тройка». Большинство голосов собрали СД – 30 % и 29 депутатских мест. СДП – 29 % и 28 мест. Третье место заняла партия «Зарес» – 9 % голосов и 9 депутатских мест. ДППС – 7 % голосов и 7 мест, Словенская национальная партия – 5 % голосов и 5 мест. Столько же голосов досталось и СНП (заклучившей перед выборами коалицию со Словенской молодежной партией [СМП])⁴⁶.

⁴⁵ *Gašparič J. Državni Zbor 1992–2012... S. 115.*

⁴⁶ *Ibid. S. 125.*

Парламент возглавил Павел Гантар (один из основателей партии «Зарес»). В качестве главы правительства президент Тюрк предложил Б. Пахора. Глава оппозиции Янша пообещал новому правительству «сто дней мира», чтобы новое правительство могло разобраться, что к чему⁴⁷. Пахор осознавал, что мир стоит на пороге финансового кризиса, который непременно затронет Словению. Первая папка антикризисных мер была предложена Парламенту уже в конце года.

Ситуация обострилась в 2009 г. Но все шло не так, как следовало. Начались забастовки, росло недовольство. Споры между коалицией и оппозицией стали приобретать вид неприкрытых конфликтов, кроме того, коалиция производила сама по себе впечатление несыгранного оркестра⁴⁸. Первая конфликтная ситуация сложилась в начале 2009 г. из-за голосования о ратификации договора о вступлении Албании и Хорватии в НАТО. Коалиция проголосовала «за», оппозиция объявила обструкцию. И это произошло тогда, когда правительство сумело договориться с Хорватией об окончательном установлении границ. Другим вопросом, вокруг которого разгорелись острые дебаты, стала пенсионная реформа. Коалиция предлагала повысить пенсионный возраст на три года. Наиболее открыто это предложение отвергали в СДП и Словенской национальной партии. Однако новый закон о пенсионном и инвалидном страховании в конце 2010 г. был принят. Отличительной чертой Парламента стали постоянные конфликты и бесконечные споры. Новым поводом для противостояния стало обсуждение семейного кодекса в марте 2010 г. В целом предыдущий кодекс работал, но, по словам министра его необходимо было доработать в соответствии со временем и «местом». Обсуждение нового кодекса превратилось в фарс.

Все это вело к тому, что доверие к Парламенту и правительству падало. Первой коалицию покинула ДППС, что привело к потере парламентского большинства. Через месяц из нее ушла «Зарес», а ее лидер П. Гантар оставил пост главы Парламента.

---

⁴⁷ Ibid. S. 131.

⁴⁸ Ibid. S. 135.

В итоге в коалиции осталось только две партии – Словенские демократы и ЛДС. Новым главой Парламента стал Любо Гермич. Кроме того, пустовало пять министерских мест. Премьер предложил свои кандидатуры, но они не были приняты, это привело к падению правительства. Новую кандидатуру премьер-министра никто не выдвинул, и президент был вынужден впервые за всю историю существования словенского Парламента распустить его. Досрочные выборы состоялись 4 декабря 2011 г.

Многие партии оказались не в состоянии за столь короткое время подготовиться к новым выборам. Их исход виделся предсказуемым. Однако вскоре политическая арена стала пополняться новыми людьми и партиями. За два месяца до выборов появились две партии, которые неожиданно получили самые высокие рейтинги. Первую создал люблянский жупан Зоран Янкович – «Позитивная Словения», другую – бывший министр правительства Янши Грегор Вирант – «Гражданский список Григория Виранта» (ГСГВ). Кроме того, появились еще две партии – «Партия за стабильное развитие Словении» во главе с Матьяжем Ханжиком и партия независимых жупанов малых общин «Движение за Словению». При этом две новые партии: «Позитивная Словения» и ГСГВ сумели обойти крупнейшие на тот момент партии СД и СДП. «Позитивная Словения» позиционировала себя как левую, ГСГВ – как центристскую партию.

В итоге победительницей на выборах стала «Позитивная Словения» Янковича, получившая 28 % голосов и 28 мандатов. На втором месте оказалась СДП – 26 % голосов и 26 мандатов, на третьем – СД Пахора 10 % голосов и 10 мест в Парламенте. На четвертом – ГСГВ с 8 % голосов и 8 мест. На пятом – ДППС с 6 % голосов и 6 депутатскими местами. Кроме того, в Парламент прошла НСи, получив 4 % голосов и 4 места. Характерно то, что в Парламент не попала ЛДС, которая до 2004 г. занимала большую часть политического пространства.

Первое заседание шестого Парламента началось 21 декабря 2011 г. На пост председателя правительства были выдвинуты две кандидатуры: Б. Пахор из СД и Маша Коципер из ПС. Однако после голосования голоса распределились практически

одинаково. Пахор получил 31 голос, Коципер – 28 голосов. Пахор вскоре снял свою кандидатуру, его место неожиданно занял Грегор Вирант. В ходе повторного голосования Коципер получила 38 голосов (ПС + СД), Вирант – 52 голоса, в итоге он стал новым главой Парламента. Право на составление правительства президент предоставил победителю выборов З. Янковичу, который сотрудничал с СД, ДППС и ГСГВ. С первыми двумя он сумел заключить договор о коалиции, а также парафировал его с партией Виранта (ГСГВ). Однако вскоре ГСГВ отказалась участвовать в коалиции, таким образом, Янкович лишился одной из опор. Начались спекуляции о том, что Янкович во время голосования не получил большинства голосов, что выборы не были тайными, что он заранее договорился с представителями партий. Впервые в истории словенского Парламента победитель выборов и тот, кого предложил президент республики, не стал главой правительства. Я. Янша сумел договориться с СНП и НСи, поддержку ему обещали ДППС и ГСГВ. Президент новой кандидатуры не предложил. В итоге Янша получил 51 голос «за», «против» проголосовало 39. Так он снова стал премьером. 10 февраля было выбрано его правительство. ГСГВ стала коалиционной партией. Говоря о предстоящей работе правительства, Янша подчеркнул, что в первую очередь необходимо сосредоточиться на решении экономических проблем. Янша также пообещал сократить государственный аппарат и стимулировать инвесторов и частный сектор для создания новых рабочих мест. Он отметил важность сокращения бюрократической волокиты при выдаче разрешения на строительство, обещал сократить сроки рассмотрения судами экономических споров и снизить налог на прибыль для предприятий. Кроме того, он призвал поменять «словенский менталитет» и перестать противодействовать зарубежным инвесторам. Реформы, проводимые правительством Янши, включали в себя такие непопулярные меры, как либерализация рынка труда, под которой подразумевается найм компаниями работников по краткосрочным договорам и увольнение без социального пособия, сокращение социальных пособий и зарплат бюджетникам, увеличение пенсионного возраста. К тому же были закрыты словенские посольства в

Ирландии⁴⁹, Португалии, Швеции и Финляндии⁵⁰, а также генконсульства в Нью-Йорке и Дюссельдорфе. В стране начались демонстрации. Так, в декабре 2012 г. на улицы Любляны неоднократно выходили протестующие с требованием отставки правительства.

В 2012 г. состоялись президентские выборы. Свою кандидатуру на президентский пост выдвинул Б. Пахор. В первом туре он занял первое место с небольшим отрывом, набрав 41 %, в то время как действующий президент Д. Тюрк набрал 37 %. Был проведен второй тур голосования, по результатам которого Б. Пахор одержал убедительную победу, набрав 67 % голосов избирателей⁵¹.

Пахор оказался неконфликтным президентом. Общественность обвиняла его в том, что он больше увлечен ведением своей страницы в Instagram, нежели управлением государством. В то время как проблем в стране накопилось немало.

Далее, 8 января 2013 г. антикоррупционная комиссия сообщила, что Я. Янша не задекларировал свой доход на сумму около 210 тыс. евро, а мэр Любляны и лидер «Позитивной Словении» З. Янкович – на сумму 2,4 млн евро. Глава Парламента Словении Г. Вирант призвал премьера уйти в отставку. 11 января 2013 г. на улицы столицы вышли около 10 тыс. протестующих с требованием отставки премьера. Наряду с Любляной протестные демонстрации прокатились и по другим городам Словении. 23 января 2013 г. состоялась забастовка работников социального сектора против урезания зарплат (в 2012 г. зарплаты сократились на 3 %). Это привело к закрытию школ, детских садов. Больницы и поликлиники работали только для оказания первой помощи. Одновременно проходила забастовка металлистов и работников электронной промышленности. Янша до последнего отказывал-

---

⁴⁹ URL: <https://www.irishtimes.com/news/slovenia-to-close-embassy-in-dublin-1.1065527> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵⁰ URL: https://1prime.ru/politics_economy/20120609/757521727.html (дата обращения: 12.05.2023).

⁵¹ URL: <https://archive.is/20121224234232/volitve.gov.si/vp2012/> (дата обращения: 12.05.2023).

ся уйти в отставку, но в итоге ему пришлось пойти на этот шаг 28 февраля 2013 г.

Новое правительство возглавила председатель партии «Позитивная Словения» Аленка Братушек. Ее поддержали Социальные демократы, «Гражданский список Грегора Виранта», Демократическая партия пенсионеров Словении и Словенская народная партия. Новому правительству предстояло, прежде всего, решить экономические проблемы. Банки Словении были отягощены плохими кредитами на сумму в 7 млрд евро, а это составляло 20 % от ВВП страны. Другая проблема заключалась в выплате платежей по текущим кредитам в размере 2 млрд евро. Кроме того, ВВП в 2012 г. сократился на 2,3 %. Безработица превысила 12 %. Братушек выступала против проведения политики жесткой экономии. Новый кабинет сосредоточился на рекапитализации банков и повышении эффективности управления финансовыми активами, консолидации государственных финансов для экономического роста. Премьер планировала быстро оздоровить кризисные банки, а затем приватизировать государственные активы в них. Следует отметить, что большая часть невозвратных кредитов была выдана тремя крупнейшими банками Словении – Новый люблянский банк, Новый кредитный банк Марибор и АБанк. Характерным являлось и то, что из всех стран Евросоюза в Словении был самый большой банковский государственный сектор. После вступления в 2004 г. в ЕС банковский сектор на 60 % оставался государственной собственностью.

Конгресс партии «Позитивная Словения» состоялся 26 апреля 2014 г. Ее главой снова был избран основатель партии З. Янкович, год назад уступивший свое место А. Братушек в связи с обвинениями в коррупции. А. Братушек была вынуждена покинуть пост премьер-министра. К 21 мая 2014 г. она собрала достаточно голосов для создания собственной партии⁵². В стране были назначены досрочные выборы на 13 июля. Это решение вызвало неодобрение со стороны христианских соци-

---

⁵² URL: http://volitve.gov.si/dz2014/rezultati/rezultati_slo.html (дата обращения: 15.05.2023).

алистов, которые посчитали, что дата выбрана с нарушением конституционного права⁵³. Однако Конституционный суд постановил, что нарушений не было.

В выборах приняли участие несколько новых политических сил, в том числе партия Миро Церара, официально учрежденная 2 июня, и Альянс А. Братушек, отколовшийся от «Позитивной Словении» и созданный 31 мая. По словам Церара, в его партию вступили люди различных профессий, среди них были академики, бизнесмены, специалисты из различных областей, некоторые из них уже являлись в свое время членами других партий, но ничем себя не скомпрометировали⁵⁴.

Объединенные Левые, Солидарность и Пиратская партия впервые выразили желание участвовать в национальных выборах. Согласно данным Республиканской избирательной комиссии, после подсчета партия М. Церара получила 34 % голосов и 36 мест, Словенская демократическая партия – 20 % голосов и 21 место, Демократическая партия пенсионеров Словении – 10 % голосов и 10 мест, Объединенные левые – 5 % и 6 мест, Социал-демократы – 5 % и 6 мест, Новая Словения – 5 % и 5 мест, Альянс А. Братушек – 4 % и 4 места. Остальные 2 места зарезервированы для представителей национальных меньшинств – итальянцев и венгров⁵⁵. М. Церар отметил: «<...> это прекрасно, что избиратели осознали необходимость перемен в Словении; что она нуждается в переменах своей политической культуры. Именно такие изменения несет наша партия»⁵⁶.

Церар был утвержден в качестве главы правительства 25 августа. В своей речи он отметил, что планирует сократить дефицит бюджета Словении, а также освободить экономику страны от согласованного с Европейским Союзом плана, из-за которого

⁵³ URL: <https://archive.is/20140711063337/http://nov.vecer.com/clanek.aspx?id=201406036033467> (дата обращения: 15.05.2023).

⁵⁴ URL: <https://www.rtv slo.si/slovenija/cerar-s-svojo-stranko-na-predcasne-volitve/336445> (дата обращения: 15.05.2023).

⁵⁵ URL: <https://ria.ru/20140714/1015834278.html> (дата обращения: 15.05.2023).

⁵⁶ URL: <http://ru.euronews.com/2014/07/14/political-novice-to-become-slovenia-s-next-pm/> (дата обращения: 15.07.2014).

Словения с трудом избежала банкротства⁵⁷. Кроме того, он подчеркнул, что первоочередными задачами считает вывод государства из политического и экономического кризиса, возвращение доверия граждан к верховенству закона и органам власти. По всей вероятности, он был намерен строить новое политическое сообщество, доказательством тому служил его отказ от коалиции со Словенской демократической партией. По словам Церара, ядром кризиса являлось падение ценностей, которые отличали словенцев в прошлом и которые позабыты. Он, в частности, отметил: «Нашей общей целью должно быть возрождение наших ценностей и работа над тем, чтобы Словения создала общество, в котором мы работали бы сообща и где человек человеку – человек». Новое правительство Словении планировало повысить качество сбора налогов и сократить государственные расходы для снижения уровня дефицита бюджета. М. Церар заявил: «Наша фискальная политика будет ограничительной; нам придется сократить государственные расходы и повысить эффективность сбора налогов»⁵⁸. Однако и это правительство долго не продержалось. Самым значимым проектом премьерства Церара в итоге стало строительство железной дороги из Копера в Дивач.

Следующие президентские выборы состоялись 22 октября 2017 г. В выборах участвовали 9 кандидатов, включая действующего президента Б. Пахора. Во второй тур вышли Б. Пахор и Марьян Шарец, набравшие 47 и 25 % голосов, соответственно. Второй тур состоялся 12 ноября 2017 г. Пахор набрал около 53 % и сохранил за собой пост президента⁵⁹.

Парламентские выборы прошли в Словении 3 июня 2018 г. Выборы изначально планировались на 10 июня 2018 г., но после отставки премьер-министра М. Церара 14 марта 2018 г., все политические партии призвали Парламент к внеочередным выборам⁶⁰.

⁵⁷ URL: <https://www.euromag.ru/articles/miro-cerar-izbran-novym-premer-ministrom-slovenii/> (дата обращения: 28.08.2014).

⁵⁸ URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/09/13/v-slovenii-vsyo-chashche-vspominayut-o-yugoslavii-i-vozrozhdayut-kult-tito> (дата обращения: 13.09.2018).

⁵⁹ URL: <https://volitve.gov.si/vp2017/#/rezultati> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶⁰ URL: <http://volitve.gov.si/dz2018/#/rezultati> (дата обращения: 23.05.2023).

В это время на политической арене о себе заявляет новый молодой политик М. Шарец. Он родился в 1977 г. в г. Любляна. В 2001 г. окончил Академию театра, радио, кино и телевидения при Люблянском университете. Далее работал на RTV Slovenija. Выступал в комедийном амплуа, изображая вымышленного персонажа Ивана Серпентиншика, ворчливого деревенского жителя из Верхней Крайны, что принесло ему популярность и узнаваемость. Помимо этой деятельности Шарец занимался журналистикой. В 2010 г. он принял решение участвовать в выборах жупана г. Камник от левоцентристской партии «Позитивная Словения». Во втором туре он одержал победу. Спустя четыре года, в 2014 г., он выдвигает свою кандидатуру, но уже от собственной партии «Список Марьяна Шареца», и опять одерживает победу. В мае 2017 г. Шарец объявил о своем участии в президентских выборах, что вызвало неоднозначную реакцию граждан, поскольку Шарец не был профессиональным политиком.

В своей предвыборной программе Шарец подвергал критике действующего президента, ставя ему в вину то, что он слишком увлекся своей популяризаторской деятельностью, став «инстаграмным президентом». В октябре 2017 г. в 1-м туре президентских выборов Шарец получил 25 % голосов и вышел во 2-й тур. Во 2-м туре получил 47 % голосов, уступив Б. Пахору, который был переизбран на пост президента Словении.

По итогам парламентских выборов 2018 г. победу одержала СДП, получив 25 % голосов и 25 мест, далее шел Список Марьяна Шареца – 12 % и 13 мест. СД получив 10 % и 10 мест.

Новый кабинет министров Словении формировал победившей на выборах лидер Словенской демократической партии, бывший премьер-министр Я. Янша. Однако в конце июля он уведомил президента, что ему не удается собрать большинство в 46 голосов в Парламенте страны. Таким образом, было сформировано правительство меньшинства. М. Шарец, который получил 55 голосов из 90, был избран премьер-министром Словении. Он стал самым молодым премьером за всю современную историю страны. Его внутренняя политика не отличалась радикализмом, однако, согласно статистическим данным, в 2019 г. безработица

сократилась до 5,5 %, а уровень инфляции составил 2 %, что было на 0,3 % выше, чем в 2017 г. Наблюдался рост заработных плат. В 2019 г. он был наиболее высоким за последние 10 лет. Одной из тяжелейших потерь правительства Шареца стало банкротство единственной словенской авиакомпания Adrija в 2019 г.⁶¹.

Правительство Шареца вело довольно активную внешнюю политику. Одним из важнейших внешнеполитических партнеров стала Китайская Народная Республика. В конце декабря 2019 г. состоялась встреча министра иностранных дел М. Церара и Члена Госсовета, министра иностранных дел КНР Ван И. Стороны договорились о сотрудничестве в области научно-технических инноваций, высокотехнологичной промышленности, медицине и фармацевтике, а также в продвижении инфраструктуры, в частности в сферах портов и железных дорог⁶².

В сентябре 2019 г. М. Шарец побывал с официальным визитом в Российской Федерации и провел встречи с председателем правительства РФ Дмитрием Медведевым. Главы правительств обсудили такие темы, как общее историческое наследие, экономическое сотрудничество и культурные связи. Кроме того, Д. Медведев и М. Шарец открыли памятник словенцам, погибшим на российской земле в годы Первой и Второй мировых войн⁶³.

Однако в конце января 2020 г. М. Шарец подал в отставку из-за несогласия с деятельностью отдельных министров правительства. Главным спорным вопросом стала отмена дополнительного медицинского страхования. Уход Шареца был внезапным, о нем не подозревали даже партнеры по коалиции. Свое решение он прокомментировал так: «<...> я серьезный политик и никому ничего не объясняю»⁶⁴.

⁶¹ URL: <https://aviav.ru/chuda-ne-proizoshlo-adria-airways-obankrotilas.html> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶² URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/220546783> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶³ URL: <https://tass.ru/obschestvo/6870315> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶⁴ URL: <https://ogportal.com/2020/01/27/ostavka-slovenskog-premijera-sareca/> (дата обращения: 23.05.2023).

После его ухода в отставку председателем правительства стал непотопляемый Я. Янша. В коалицию вошли Словенская демократическая партия, Партия современного центра, Новая Словения и Демократическая партия пенсионеров Словении.

В последние годы Словения активизировала свою международную деятельность в регионе, получившим название Западные Балканы. Подобная позиция отвечает словенской внешнеполитической доктрине 2021 г., где, помимо прочего, отмечено, что Республика Словения действует в качестве связующего звена между ЕС и регионом⁶⁵. Словения, осознавая нереальность стать весомым актором в глобальной европейской политике, стремится занять лидирующее региональное положение, т. е. стать арбитром на данном геополитическом пространстве, осуществляя роль посредника между странами Западных Балкан и Европой. Эти стремления проявились в ходе состоявшегося в Любляне в октябре 2021 г. саммита ЕС-Западные Балканы. Словенский премьер выступил с инициативой установить 2030 г. как крайний срок для вхождения стран Западных Балкан в ЕС, его предложение нашло поддержку многих государств-членов, однако в декларации никаких дат так и не было обозначено⁶⁶.

О стремлении интегрировать Западные Балканы в ЕС говорил и председатель Государственного собрания Словении И. Зорчич, выступая с речью на состоявшейся 20–22 октября в Афинах Европейской конференции председателей парламентов. В частности, он отметил, что «Евросоюз не является единственным игроком на Балканах, но это единственная сторона, которая может предоставить гражданам лучшие стандарты жизни не только с экономической точки зрения, но и с точки зрения реализации общих европейских ценностей, которые воплощают самые важные достижения европейской цивилизации»⁶⁷.

⁶⁵ Slovenija: varna, uspešna in v svetu spoštovana. Ljubljana, 2021. S. 3.

⁶⁶ URL: <https://www.rtv.slo.si/evropska-unija/eu-2021/eu-namenja-30-milijard-evrova-za-zahodni-balkan-ki-pa-ostaja-brez-casovnice-za-vstop/596388> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶⁷ Slovenija: varna, uspešna in v svetu spoštovana // Ministerstvo za zunanje zadeve. URL: https://www.gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/strateski-in-programski-dokumenti/strategija_ZP.pdf (дата обращения: 23.05.2023).

Об опасности вмешательства в дела региона третьей стороны говорил и премьер Словении Я. Янша, он отметил, что если этим не займется ЕС, то «это сделает кто-то другой с другими ценностями и интересами»⁶⁸.

24 апреля 2021 г. в Республике Словения состоялись парламентские выборы. Лидировали две партии – левоцентристская партия «Движение Свобода» во главе с Робертом Голобом, оно получило 34 % голосов и 41 место, а также Словенская демократическая партия во главе Я. Яншей, она получила 23 % и 27 мест. Этих выборов ждала вся страна, поскольку политика предыдущего премьера Я. Янши вызывала неприятие и резкую критику со стороны населения.

Янша является одиозной политической фигурой. На протяжении всей своей политической карьеры он остается неприемлемым сторонником пересмотра словенской истории периода Второй мировой войны и реабилитации Словенской домобранской лиги, сотрудничавшей с германскими оккупантами. Он и его партия регулярно проводят мероприятия, нацеленные на героизацию домобранцев, которые в годы войны вели борьбу с Народно-освободительным движением⁶⁹. Подобными действиями Янша регулярно вносит раскол в общество. Все это вызывает неприятие большей части словенцев. Уход Янши с поста премьер-министра указывает на то, что словенские избиратели устали от агрессивной риторики и от антидемократических действий премьера, который посягнул на одну из главных демократических ценностей словенского общества – свободу слова.

Новому премьеру Роберту Голобу 55 лет. Он закончил факультет электроники Люблянского университета, имеет научную степень, которую получил в США в Технологическом институте Джорджии в Антланте.

Первое его появление на политической арене относится к 1999 г. Тогда он в течении года занимал пост государственного секретаря Республики Словения в министерстве эконо-

⁶⁸ URL: Премьер-министр Словении отметил важность расширения ЕС на Западные Балканы – ИА REGNUM (дата обращения: 23.05.2023).

⁶⁹ URL: <https://www.dnevnik.si/1042976236> (дата обращения: 23.05.2023).

мики. В 2011 г. он стал заместителем председателя партии «Позитивная Словения», затем занял тот же пост в партии А. Братушек. С 2006 по 2022 г. возглавлял правление словенской энергетической компании GEN-I. Компания позиционирует себя в качестве борца за экологичность, что отвечает настоящим политическим воззрениям Голоба, который вернулся в большую политику в качестве председателя Партии зеленых действий. 26 января партия была переименована, получив название «Движение Свобода».

Партия Голоба позиционирует себя левоцентристской, выступающей за идеи зеленой политики и либерализм. Однако не стоит забывать, что Словенская демократическая партия и Новая Словения также вошли в Парламент и, скорее всего, попытаются продолжить воплощать курс прежнего правительства, известного резкими антироссийскими выпадами.

Риторика Голоба относительно событий на мировой арене более умеренная по сравнению с его предшественником. Относительно украинского кризиса Голоб отметил, что выступает за помощь Украине и за обеспечение свободного перехода беженцами территории Словении в другие страны, выразив надежду, что Словения не является их конечной целью. В связи с этим он выступил за ликвидацию заграждений на границе с Хорватией с тем, чтобы не препятствовать естественным потокам беженцев⁷⁰.

Другая его цель – помощь словенским гражданам и предприятиям, которые столкнулись с трудностями из-за санкций, введенных против России. По его мнению, цены на энергоносители будут расти ближайшие два года, поэтому необходимо провести реорганизацию энергетики, которая больше не может опираться только на природный газ, она должна обратиться к возобновляемым источникам энергии и новым поколениям ядерных технологий. Напомним, что в Словении функционирует АЭС Кршко⁷¹. Кроме того, он отметил, что Словения должна

⁷⁰ URL: <https://naslovi.net/2022-06-16/al-jazeera/golob-zica-protiv-migranata-prema-hrvatskoj-ne-sluzi-svrsti-sklonit-cemo-je/30848014> (дата обращения: 23.05.2023).

⁷¹ URL: <https://www.gov.si/en/news/2022-10-28-prime-minister-robort-golob-visits-the-krsko-nuclear-power-plant/> (дата обращения: 23.05.2023).

задуматься о преобразованиях в области обороны и увеличить, в связи с этим, бюджет.

Очередные президентские выборы состоялись в октябре 2022 г. Пахор не имел права баллотироваться на пост президента, поскольку отбыл на этой должности два срока подряд. В первом туре приняли участие семь кандидатов, из которых наибольшее количество набрали два независимых кандидата: Наташа Пирц Мусар и Анже Логар (которого якобы поддерживал Я. Янша). Второй тур состоялся в ноябре. По его итогам победу одержала Н. Пирц Мусар, получив 53,89 % голосов.

В плане преобразований Пирц Мусар в первую очередь стремится провести реформу здравоохранения и пенсионной программы. Кроме того, она выступает за зеленую экономику, охрану водных ресурсов⁷².

В целом Словения за 30 лет своего существования достигла значительного прогресса. Она смогла создать полноценное государство с развитой политической системой. Преодолела немало экономических трудностей, сумела стабилизировать средний уровень жизни населения. Словения также стремится стать региональным лидером и посредником между Европейским Союзом и постюгославским пространством.

Таких результатов Словения добилась не на пустом месте. С момента создания ФНРЮ (впоследствии СФРЮ) она стремилась занять особое место, получить особые привилегии и права, объясняя это своей высокой экономической и культурной развитостью. При этом она не хотела играть по общим правилам, считая проводившуюся в стране политику пагубной для своей экономики. Несомненно, уравниловка не давала возможности республике развиваться так, как ей хотелось бы. Но не будь она частью Югославии в то время, смогла бы она достичь тех же успехов? Скорее всего, нет. Послевоенная Югославия являлась для Словении защитой от посягательств западноевропейских

---

⁷² URL: https://www.lemonde.fr/en/elections/article/2022/11/13/slovenia-elects-natasa-pirc-musar-to-become-first-female-president_6004144_84.html (дата обращения: 23.05.2023).

государств. Она позволила ей расширить свою территорию, защитила от традиционных поползновений со стороны Австрии и Италии. За 46 лет пребывания в составе Социалистической Югославии Словения, никогда не имевшая своего государства, созрела для получения политической независимости. Она оказалась в условиях, пусть и не всегда благоприятных, но давших ей исключительную возможность выработать свою национальную программу, сформулировать свои национальные интересы. За эти годы сложилась словенская политическая элита, получившая необходимые знания и управленческие навыки, позволившие Словении быстро и органично интегрироваться в Европейский союз.

II. Культура и литература

Т. И. Чепелевская

**Художественный взгляд на историю
словенцев и их будущее (на материале
прозы И. Цанкара)**

T. I. Chepelevskaya

**An artistic look at the history of Slovenians
and their future (on the material
of I. Cankar's prose)**

Аннотация: В статье выделяется несколько узловых тем в творчестве И. Цанкара (1876–1918) (в первую очередь, в его прозе начала XX в.), дающих представление о его видении исторического пути словенского народа, среди них – крестьянские восстания, тема эмиграции и Первая мировая война. Другой важной задачей исследования является выделение выраженных в художественной форме представлений писателя о будущем словенцев через составляющие Словенской модели мира (СММ), для характеристики особенностей которой избраны два концепта: дорога / путь и дом. Анализ прозы выдающегося словенского писателя, посвященной важным этапам исторического пути словенского народа, а также художественному воплощению центральных концептов Словенской модели мира, подводит к выводу, что И. Цанкар сумел, с опорой на мифопоэтические и религиозные традиции, выразить главные идеи, объединяющие словенцев и объясняющие их центростремительные тенденции, а также наметить вектор движения на будущее.

Ключевые слова: Иван Цанкар, история словенцев, художественный взгляд, словенская литература, Словенская модель мира

Annotation: In the article discusses the following several key themes in the works of I. Cankar (1876–1918) (primarily in his prose of the early 20th century), giving an idea of his vision of the historical path of the Slovenian people, among them are peasant uprisings, the problem of emigration and the First World War. Another important

task of the study is to identify the writer's ideas about the future of Slovenes, expressed in artistic form, through the components of the Slovenian World Model (SMM), to characterize the features of which two concepts are chosen: road / path and house. The analysis of the prose of the outstanding Slovenian writer, dedicated to the important stages of the historical path of the Slovenian people, as well as the artistic embodiment of the central concepts of the Slovenian model of the world, leads to the conclusion that I. Cankar, based on mythopoetic and religious traditions, was able to express the main ideas that unite the Slovenians and explain them centripetal tendencies, as well as to outline the vector of movement for the future.

Keywords: Ivan Cankar, history of Slovenes, artistic view, Slovenian literature, Slovenian model of the world

В основе представления о течении времени лежит не только индивидуальная, но и коллективная память, питаемая как хронологической (прошлое – настоящее – будущее), так и эмоциональной памятью о времени или его отдельных этапах, эпизодах, периодах.

В то время как хронологическая перспектива линейно выстраивает события прошлого, свидетель события или автор (художественного произведения), опираясь на собственное эмоциональное восприятие, выстраивает эти события по своей шкале значимости и актуальности.

Они становятся особыми маркерами текста, при этом в литературных текстах разных историко-культурных эпох и национальных традиций возникают самые разные образы художественного времени, формируются его концепты и символы, проявляются устойчивые мотивы, постепенно кристаллизуются общие принципы метафоризации времени в пространственных формах. Тем самым выявляются те особые отношения, в которые человек вступает со временем.

В творчестве Ивана Цанкара (1876–1918), в первую очередь, в его прозе, предметом пристального внимания становится проблема исторического времени; его также волнует вопрос о ходе и ритме исторического развития, он стремится проникнуть в суть тех процессов, которые неотделимы от судьбы его народа. Писатель, как правило, не дает развернутых описаний того или иного значимого события; время историческое присутствует в

его произведениях в виде экскурсов, в воспоминаниях героев; иногда он обращается к совсем недавней истории, прозорливо угадывая значимость того или иного явления для судеб как отдельных людей, так и целых народов, в первую очередь, словенцев. Подобные события образуют тематические узлы, мотивы, сюжетные линии его произведений.

Из целого комплекса исторических тем и мотивов, получивших отражение в словенской литературе, в прозе И. Цанкара доминируют три: крестьянские восстания (XV–XVI вв.)¹, тема эмиграции и Первая мировая война.

Итак, первая из них связана с периодом народных восстаний в словенских землях, начиная с XV в. Эти трагические события – борьба крестьян против нарушения «старого закона» («*stara pravda*») с целью сохранить традиционные крестьянские налоги и повинности – нашли отражение в словенском фольклоре (народных песнях, легендах). Впоследствии они становились мотивами или сюжетами литературных произведений разных авторов, в некоторых из которых особое место отводилось образу короля Матьяжа².

Так, в XIX в. писатель Янез Трдина (1830–1905) вводит тему народных волнений в одну из повестей своего цикла «Сказки и повести о горянцах» (1881–1888) под названием «Петер и Павел». Поэт Антон Ашкерц (1856–1912) создает цикл баллад «Старая правда» (1890), посвященных восстаниям XVI в., и включает в него балладу «Король Матьяж». В ней с опорой на народную поэзию он раскрывает образ короля-защитника. Драготин Кетте (1876–1899), один из молодых поэтов литературного направления

¹ Крупнейшими крестьянскими восстаниями стали бунт в Каринтии в 1478 г., общесловенские восстания 1515 г. и 1635 г., хорватско-словенское восстание 1573 г. Отдельные крестьянские бунты происходили даже в XIX в. – См.: *Гранда С.* Краткий очерк истории словенцев // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков). М., 2010. С. 30.

² Образ венгерского правителя Матьяша I Корвина (1443–1490) из рода Хуньяди, царствовавшего в XV в. (в том числе и над панонскими словенцами) и прославившегося своими подвигами в борьбе с турками, попадает в народные песни; они получают распространение в словенских землях с конца XV – начала XVI вв.

«Словенска модерна», в 1880-е годы задумав написать роман из истории крестьянских бунтов и турецкого нашествия XV–XVI вв., также наряду с историческими хрониками обращался к текстам народных преданий. В его архиве сохранилась запись варианта легенды о возвращении на землю короля Матьяжа, который принесет людям счастье и справедливость. Таким образом, уже начиная с XIX в. эта историческая эпоха получает художественное воплощение в целом ряде произведений, в некоторых из которых особое место отводится образу короля Матьяжа. И это не случайно: постепенно вокруг его фигуры складывается некий романтический ореол доброго и справедливого правителя, народного заступника. Этот образ начинает рассматриваться не в рамках реальных исторических событий, а подчас как средоточие черт и подвигов оставшихся неизвестными героев его времени, а период его правления в народной памяти воспринимается как «золотой век» словенской истории.

И. Цанкар не раз обращался к сюжетам и темам народной поэзии, но его взгляд на нее и на знаковые для словенской культуры мифопоэтические образы порой кардинально отличался от взглядов его современников. Это можно проследить и в его работе над драмой о крестьянских восстаниях, идея которой созрела еще в Любляне (до переезда в Вену) в 1895–1896 гг., о чем свидетельствует его письмо брату Карлу (от 19.03.1901 г.). В нем свое будущее произведение И. Цанкар назвал «великой трагедией словенского крестьянства»³. В этот период он начал работать с документами по истории словенских земель в разные эпохи, но его расстраивали неполнота и недостаточная сухость этих источников. В том же письме он признавался брату, «что все эти историки пишут историю мертвой земли, страны без народа, который жил на ней <...>, а как жил, работал и мыслил народ, что обитал здесь, этого ты не прочтешь нигде»⁴.

О своем замысле он писал и в письме Франчишеку Левецу (от 7.06.1901 г.), подчеркивая, что в крестьянских бунтах «масса нашего народа впервые и, возможно, в последний раз показала

³ Pisma I. Cankarja. T. I–III. Ljubljana, 1948. T. I. S. 120.

⁴ Ibidem.

свою реальную жизнь». Кроме того, писатель просил совета в поиске новых, более полных источников, чтобы он «смог узнать точнее о жизни и духе тех лет»⁵.

Однако то, что писатель не мог найти в сохранившихся документах, он старался почерпнуть из фольклора, народных песен и легенд о том времени, многие из которых воссоздавали символический образ короля Матьяжа.

Задуманная И. Цанкаром тема была реализована лишь спустя 10 лет: в 1905 г. вышла в свет его повесть «Бродяга Марко и король Матьяж» (*Potepuh Marko in kralj Matjaž*). Обозначенное уже в названии соединение двух пластов – реального и мифологического – реализуется в двух центральных образах произведения. С одной стороны, это реальный герой, сын зажиточного крестьянина Марко, ставший после смерти отца бродягой, поскольку за короткое время пропил и прогулял нажитое предками имущество. С другой – мифологический персонаж, имя которого в словенской духовной культуре ассоциировалось с образом народного заступника, способного восстановить справедливость на земле.

Эти сложившиеся в народной среде представления о далеком прошлом автор вкладывает в уста одного из персонажей – безымянного старика-батрака, который, ссылаясь на старые книги («и там это было записано»⁶), вспоминает, что король Матьяж правил всеми странами до моря, победив всех королей и императоров. Под защитой его короны крестьянин зажил хорошо: Матьяж отменил десятину и другие подати, а главное – вернул крестьянам их права. Но время всеобщего изобилия скоро закончилось, так как люди восстали против Бога и короля. И тогда наступила пора несчастий: нива не давала ни колоска, виноград, даже самый кислый, не родился; вернулись налоги, начался голод, и чума пришла на землю. И король умер, опечаленный такой неблагодарностью, а с ним умерла на земле и справедливость⁷.

⁵ Ibid. S. 273–274. И. Цанкар даже хотел посетить места, где проходили волнения, чтобы погрузиться в эпоху, но впоследствии оставил это намерение.

⁶ *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Ljubljana, 1952. Zv. IV. S. 373.*

⁷ Ibid. S. 120.

И. Цанкар, таким образом, истоки и причины реального исторического события пытается объяснить, исходя из закрепившегося в народном сознании представления, в основе которого – идея народного заступничества, персонифицированная в образе знаменитого короля. Саму картину народного восстания писатель развивает в рамках вставной Повести о грустном конце Али-паши, которую Марко, находящемуся в состоянии полубодрствования-полусна, рассказывает его герой-двойник Грегор. Для воссоздания сцен бунта писатель использует цветовой код: кровавая заря на востоке, предвещающая опасность; пожар, словно красным плащом накрывший замок Али-паши. Самих восставших он представляет как «черных сватов», пришедших на свадебный пир дочери Али-паши. Лейтмотивом звучит мысль, что люди «не могут себя спасти, если верят в избавителя»⁸. Следы этой веры он видит в опустевших деревнях и селах, в которых остались лишь старики. Символом обезлюдившей территории становится образ «мертвого» села с пустыми домами.

Если «народное» описание «золотого века» у Цанкара соотнесено с реальными событиями XVI в., то вставная повесть об Али-паше и его притеснениях, отмеченная всеми стилистическими признаками народного сказания, имеет двойной смысл. С одной стороны, писатель отсылает историческую память своих читателей к тяжелым годам господства Фридриха III, отвоевавшего эти земли у М. Корвина, с другой – очевидна отсылка к реалиям более позднего времени: начиная с послереволюционных событий XIX в. (с 1848 г.) вплоть до времени начала аграрного кризиса 1870-х годов. За достаточно короткий период времени всеобщая эйфория, связанная с полученными свободами и освобождением крестьян от многих повинностей (1848–1850), сменилась периодом разочарования в связи с ужесточением налогов, а начавшееся разорение крестьянских хозяйств вызвало первый вал массовой эмиграции⁹. Годы эйфории Цанкар определяет благодаря весьма емкому понятию «матьяжевание»,

---

⁸ Ibid. S. 416.

⁹ См. подробнее: *Merhar B. Opombe // Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Ljubljana, 1952. Zv. IV. S. 507.*

а их осуждение вкладывает в уста самих крестьян. И старик-крестьянин в корчме («не земля изменилась, а человек»), и старый корчмарь («разнузданность и пьянство тогда были в долине, падение нравов») с грустью подтверждают, что сами люди вершили свою судьбу, и миф о прекрасном времени обернулся трагедией всего народа.

Так, воспоминания о «золотом веке», когда правил король Матьяж, Цанкар делает ключом к пониманию царящих в словенском обществе настроений в годы экономического кризиса 1870-х годов. Одних это заставляет уезжать из родных мест на поиски лучшей и легкой жизни; других – оплакивать свою тяжелую жизнь на родине, погружаясь в пьянство; третьих – становиться бродягами, веселыми хозяевами бесконечных дорог, как герой повести Марко.

Здесь И. Цанкар отказывается от воссоздания хода исторического процесса, а старается передать его через ретроспективную рефлексию своих героев. Иными словами, само историческое событие, вычлененное из потока времени, оказывается не доминирующим, оно играет вспомогательную роль. Важным представляется то, что, соединяя сохранившиеся в памяти народа воспоминания о народных восстаниях («актуальное прошлое»¹⁰) и неизбывную веру в короля-заступника, вводя значимый для народной картины мира мифологический образ, писатель старается восстановить дух исторического времени. При этом он ставит перед собой задачу найти связующие нити с последующими этапами словенской истории.

Не менее значимым оказывается погружение Цанкара в прошлое «на дистанцию самого непосредственного ощущения исторического материала, на расстояние, как пишет российский исследователь А. В. Михайлов, «исторической “быстрой памяти”»¹¹.

¹⁰ Отрезок времени или историческое событие, которое может быть осмыслено с позиции героя или пережитого опыта близких ему поколений предков (родителей, дедов и прадедов). – См. подробнее: *Левкиевская Е. Е.* Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда.* М., 2009. С. 161.

¹¹ *Михайлов А. В.* Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // *Михайлов А. В.* Статьи по теории литературы. М., 2018. С. 338.

С необычайным даром провидения Цанкар выделяет и воссоздает в художественной форме еще одну важную для исторического развития словенцев тему – тему эмиграции, которая на рубеже XIX–XX вв. обрела массовый характер¹². Эта тема вошла во многие произведения И. Цанкара (помимо повести «Бродяга Марко и король Матьяж») можно выделить: роман «Крест на горе» (*Križ na gori*, 1904); повести «Курент» (*Kurent*, 1909), «Повесть о двух молодых людях» (*Zgodba o dveh mladih ljudeh*, 1911) и др.

Как уже отмечалось, в повести «Бродяга Марко и король Матьяж» писатель создает картину страшного запустения, последовавшего после массового исхода разорившихся крестьян в поисках лучшей доли, ядром которой становится описание опустевшей, «мертвой» деревни, а также образ покинутой сыновьями тетушки Агаты, в полусонных видениях героя преобразующийся в образ родной земли: «Ты земля, земляца, мать, которую я оставил некогда с веселым сердцем, ты протянула ко мне свои руки, чтобы прижать к своей груди навсегда!»¹³. А сама некогда полная жизни долина представляется герою мертвецом, распростершим свои руки от востока до запада¹⁴.

В романе «Крест на горе» И. Цанкар в рамках новой темы создает образ Тоне-американца, крестьянского парня, некогда уехавшего в Америку на заработки, который приезжает домой на побывку. Он рад встрече с родными, пытается найти невесту в родном селе, однако все его мысли и надежды на будущее уже связаны с чужбиной.

И. Цанкар и в более поздних произведениях возвращается к теме эмиграции, понимая историческую значимость про-

¹² Хотя эмиграция в Германию и Америку имела место и ранее, но, как отмечают словенские историки, на стыке столетий этот процесс вызвал огромные демографические потери. Уехало более 250 тыс. словенцев (примерно 6,5–7,5 % жителей, поэтому, несмотря на высокие показатели рождаемости, демографический прирост был скромным (1,8 % в последнее десятилетие XIX в. и 3,55 % – в первом десятилетии XX в.). – См.: Нечак Д., Пене Б. Перелом: 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Люблина, 2012. С. 22–23.

¹³ *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Ljubljana, 1952. Zv. IV. S. 436.*

¹⁴ *Ibid. S. 438.*

цесса, способного повлиять на будущее его народа. В повести «Курент» в яркой картине прощания с родиной (V глава) автор словно оказывается среди тех, кто в надежде сохранить жизнь и не умереть от голода устремляется в Америку, Германию и другие страны. Он слышит их общую песню-стон: «Улыбнись нам на прощанье, родина несчастная, превыше всех любимая! Улыбнись нам, мертвым без тебя, ибо что нам на чужбине веселье, юность и жизнь!»¹⁵.

В «Повести о двух молодых людях» тема вынужденной эмиграции становится сюжетообразующей. Молодые влюбленные – батрак Павле и дочь крестьянина Мара – решают разлучиться, надеясь, что, разбогатев в чужих краях, они смогут построить свое счастье. Она уезжает из родного села в Любляну, став служанкой в богатом доме; он по примеру своего друга Лойзе, некогда покинувшего родные места, отправляется в Америку. Их романтические ожидания счастливого будущего вскоре сменяются горьким разочарованием. Через судьбу простого словенского парня из Крайны, прошедшего путь от восторженного искателя счастья до почти потерявшего человеческий облик бездомного бродяги, пополнившего ряды многотысячной армии безработных, И. Цанкар раскрывает тему эмиграции рубежа веков. Героев Цанкара от полного разочарования и даже гибели спасает, как и во многих других его произведениях, любовь друг к другу: их рождающие мрачные предчувствия сны и помощь друзей заставляют героев вернуться домой. Это желание подпитывается и чувством неразрывной связи с родным домом и землей. В повести вновь возникает образ матери-земли, со слезами на глазах провожающей своих детей на чужбину. Вместе с тем здесь разворачивается и многоплановый образ далекой Америки: и как страны обетованной, и как, в глазах простых людей, крестьян, некоего чудовища, что поглощает многих, устремляющихся за океан молодых людей, лишая их сил и здоровья¹⁶.

Еще одной важной темой, раскрывающей взгляды писателя на ход истории, стала тема Первой мировой войны. Она

¹⁵ *Цанкар И.* Избранное: в 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 218–219.

¹⁶ Там же. С. 221, 222, 229.

принесла тяжелые испытания не только словенскому народу, о будущем которого в эти годы размышлял писатель, но и ему самому. В результате доноса он был обвинен в «сербофильстве»¹⁷, арестован и уже 23 августа 1914 г. на месяц заключен в люблянскую крепость. В конце 1915 г. его призвали в армию, и он провел около полутора месяцев в учебных лагерях в Юденбурге. «Годами ужаса» И. Цанкар назвал это время, а его размышления о событиях военной поры легли в основу рассказов и новелл, впоследствии объединенных им в книги «Моя нива» (Moja njiva, опублик. в 1935 г.) и «Видения» (Podobe iz sanj, 1917).

При этом писатель намеренно отходит от прямого обращения к описаниям ужасов войны, а выбирает свой путь: острое неприятие набирающей обороты бойни он сумел выразить с помощью символических и религиозных образов, иносказаний. Порой в форме страстной исповеди он сумел передать свою глубокую обеспокоенность судьбами народов и человека на войне. В книге «Видения», опираясь на христианскую мифологию, он вводит мотив Страшного суда, спасения и знамения судьбы, который проявляется уже в первом рассказе «Зеркало» (Ogledalo), когда человек Божий стоит перед зеркалом, поставленным Божьей десницей. Постепенно библейские образы у Цанкара трансформируются, и рождаются новые метафоры и символы. И все отчетливее звучит тема войны и смерти, раскрываемая через оппозицию жизнь / смерть.

Так, в рассказе «Леда» (цикл «Из чужой жизни» – Iz tujega življenja) перед нами будни лагерной жизни в Юденбурге с четко выверенным распорядком военных упражнений, почти автоматическими движениями рекрутов, выполняющих команды командиров. Все казалось неестественным и странным: «Резкими, будто деревянными шагами шеренги солдат двигались взад-вперед, направо и налево, сходились и расходились, внезапно, словно подкошенные, падали, тут же вскакивали, маршировали в одном направлении, в другом, пускались бе-

---

¹⁷ Характеристика политической обстановки в Австро-Венгрии и массовых судебных разбирательствах подобного толка в самом начале войны дана в: Нечак Д., Пене Б. Перелом: 1914–1918... С. 137–141.

жать и вдруг, как вкопанные, останавливались перед забором. По всему лагерю разносились громкие отрывистые выкрики на каком-то странном языке, а голос, может быть из-за густого тумана, звучал тоже странно и неестественно»¹⁸. Этому буквально загнипнотизированному войной миру автор противопоставляет мир естественный, природный, а марширующим, словно деревянные солдатики, рекрутам – собаку Леду, всем своим видом выражающую непонимание и осуждение происходящего: «В спокойных, вопрошающих глазах собаки было безжалостное презрение и то превосходство духа, разума и доброты, которое срывает в мгновение ока покровы тщеславия и суетности, подвергая их заслуженному позору»¹⁹. Как дополнительный «приговор» мировой бойне воспринимается символично-аллегорический образ перекалдин балок под крышей военного барака: «крестовина за крестовиной <...>»²⁰.

Еще более определенным становится стремление словенского писателя дать философское осмысление последствий войны в рассказе «Господин капитан» (*Gospod stotnik*), где в рамках оппозиции жизнь / смерть писатель создает образ огромной художественной силы. Капитаном в черной шинели, забирающим из строя лучших молодых солдат, видит он Смерть в эти годы. Так, в произведениях, посвященных войне, Цанкар формирует устойчивый мотив остановившегося, словно замершего времени, а созданная им аллегорическая фигура подчеркивает значимость оппозиции жизнь / смерть.

Таким образом, И. Цанкар воспринимает время как прошлое – настоящее – будущее и акцентирует тему судьбы словенского народа. Особое внимание он уделяет тем моментам национальной истории, которые в народном сознании подверглись своеобразной сакрализации («золотой век»). Излюбленный прием писателя – это воссоздание исторического эпизода или этапа через обращение к фольклору и народной мифологии, в том числе к ее героям. Для некоторых исторических процессов

¹⁸ Цанкар И. Избранное: в 2-х т. Т. 1. С. 423.

¹⁹ Там же. С. 425.

²⁰ Там же.

(эмиграция) он вводит тему разрыва человека с родиной. Вместе с тем, его творчество отражает живое и глубокое сознание историчности бытия человечества, неслучайности его пути и закономерной причинно-следственной связи настоящего с прошлым, которое вторгается в размышления о сегодняшнем дне.

* * *

Кратко обозначив доминирующие темы в творчестве И. Цанкара, отражающие его видение некоторых значимых этапов исторического пути словенского народа, обратимся к выделению выраженных в художественной форме представлений писателя (в первую очередь в его прозе начала XX в.) о будущем словенцев, которые мы постараемся передать через составляющие Словенской модели мира (СММ).

Опираясь на понятие модели мира (ММ) как универсальной системы, отражающей всю сумму представлений о мире в национальной традиции, разработанное в трудах В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян и используемое в качестве оперативного метода исследования конкретной модели мира, мы попытаемся приблизиться к пониманию особенностей Словенской модели мира или ментальности.

Как отмечает В. Н. Топоров, языковая картина мира реализуется в языковых единицах особый образ видения мира, определяемый культурной моделью. В нее входят представления о пространстве и времени, о причинно-следственных связях, о количественных параметрах мира, которые обычно описываются посредством набора бинарных оппозиций (как более общих: счастье / несчастье, жизнь / смерть, чет / нечет, так и локализованных в пространственном, временном, природном или социальном планах, например, наиболее важные для нашей темы: свой / чужой, близкий / далекий, внутренний / внешний и др.)²¹. Единицами культурно-языковой картины мира являются слова-концепты, или ключевые слова, или культурные смыслы, которые несут в себе дополнительную семантическую и

---

²¹ Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Сов. энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 162, 163.

аксиологическую нагрузку и дают возможность выявить специфику конкретной модели мира.

Период рубежа XIX–XX вв. отмечен тем, что общесловенская модель мира оказывается в состоянии своего активного, ускоренного формирования и развития. Этот процесс получил отражение в разных сферах культуры. Особенно ярко он был воплощен, на наш взгляд, в художественных текстах эпохи и, прежде всего, в произведениях И. Цанкара.

Одной из важнейших категорий, отражающих и формирующих ММ, является категория пространства, которое требует ориентации в нем, членения пространства, т. е. определения места как *своего*, так и *чужого*. Движение в пространстве – универсалия, которая отражается в любой ММ. Оно может быть как реальным, так и метафорическим. Для характеристики особенностей проявления этой категории в Словенской модели мира нами были избраны два концепта: *дорога / путь* и *дом*.

Как пишет в своем исследовании «Пространство и текст» В. Н. Топоров, путь всегда ведет к ожидаемому или желаемому центру. При этом во многих национальных традициях мифологема *путь* выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически – как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного). В этом случае целью пути оказывается не завершение пути, «а сам путь, вступление на него, приведение своего *Я*, своей жизни в соответствии с путем, с его внутренней структурой, логикой и ритмом»²².

К важнейшим особенностям словенской литературы рубежа XIX–XX вв., в отличие от литературы предшествующих периодов, следует отнести, на наш взгляд, заданность и тщательную художественную проработанность, с опорой на мифопоэтическую и религиозную традиции, идеи *пути*, как идеи возможных направлений развития общественной и духовной жизни словенского общества рубежа веков, как идеи будущего народа.

У Цанкара идея *пути*, многотрудного и сложного, наполненного преодолением все возрастающих препятствий, развивается

²² Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997. С. 487.

из произведения в произведение, начиная с ранних рассказов. Она реализуется в образах вязанки хвороста, непосильной ноши, бремени, креста Спасителя на его пути на Голгофу, имеющих выраженный символично-аллегорический подтекст.

Можно выделить несколько наиболее частотных вариантов или типов воплощения концепта *пути* в прозе И. Цанкара. Один – это крестный путь на Голгофу, который становится своеобразным лейтмотивом в разработке темы судьбы словенского народа (романы «На крутой дороге» – *Na klancu*, 1902; «Обитель Марии Заступницы» – *Hiša Marije Pomocnice*, 1904; повесть «Курент» – *Kurent*, 1909 и др.).

Второй тип пути – это лабиринт или движение в сжатом и одновременно открытом пространстве, иногда движение по кругу, где условными, знаковыми точками отсчета «являются *родина* и *чужбина*, каждая из которых может играть роль *начала* и *конца*»²³. Как отмечает исследовательница, мифологема *чужбина* с неотделимой от нее ностальгией порой приобретает в балканской традиции выраженные трагические ноты²⁴. Ту же особенность можно наблюдать и в словенской культурной традиции. Иллюстрацией этого типа пути может служить цикл романов И. Цанкара, посвященных судьбе словенского художника («Чужие – *Tujci*, 1901; «Крест на горе» – *Križ na gori*, 1904; «Новая жизнь» – *Novo življenje*, 1908), а также «Нина» (*Nina*, 1906) и др.

Третий тип пути – это образ *своего* пути, соединивший у Цанкара и идею «крестного пути» словенского художника (в широком значении), и мысль о своем истинном призвании (подспудно присутствующая у писателя идея создания «великого текста»). Данный тип *пути* нашел косвенное отражение в образах любимых героев писателя, но в большей степени выражен через «самоотчеты-исповеди» (письма, публицистика разных лет). В них перед нами предстает мечтатель, грезящий о всеобщем счастье людей, боец, вышедший на «арену жизни»,

²³ Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 17.

²⁴ См.: там же.

чтобы сокрушить во имя этого счастья все окружающее зло («Юбилей» – Jubilej, 1906), писатель-пророк, возвещающий несокрушимую веру в будущее своего народа («Белая хризантема», диалог рецензента и писателя – Bela krizantema, 1910): «Мрак видят мои глаза, но свет видит лишь мое сердце, что смотрит в будущее <...>. Разве я не пел о грусти, потому что в моем сердце была тоска по радости. Я изображал ночь, пустую, серую, полную стыда и горя, чтобы глаза тем сильнее затосковали по чистому свету. Поэтому мое слово, как оно ни твердо и жестоко – слово надежды и веры <...>»²⁵.

Для характеристики определенного художественного текста как пространства с разворачивающимся в нем движением героя из определенной точки, локуса особую роль приобретает концепт *дома*. При этом на первый план выступает образ дома не столько как жилища человека, сколько как «центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход во вне и контакты с внешним миром»²⁶.

В начале XX в. в творчестве И. Цанкара значительно повышается роль символично-аллегорических образов и мотивов. И образ *дома*, который автор детализирует, разворачывая пространство внутри и вне его, порой представляя горизонтальное (окна, дверь, порог, двор, ворота), а также вертикальное (комната, горница, чердак) членение, часто при этом опираясь на фольклорную традицию, обретает ключевой, концептуальный характер. Через него в творчестве писателя реализуются оппозиции: родина / чужбина, свой / чужой, внешний / внутренний, а также, более общая, жизнь / смерть.

Дом в произведениях словенского писателя – закрытое, отгороженное от мира пространство, призванное охранять человека от внешнего, часто враждебного, окружения. Эта отделенность от мира приводит к тому, что человек оказывается не просто в изоляции, он как бы умирает для мира, для внешней жизни. Так писатель включает в действие оппозицию жизнь / смерть. Он не боится назвать дом могилой, кладбищем, мертвецкой.

²⁵ *Cankar I.* Bela krizantema. Kritični in polemični spisi. Ljubljana, 1966. S. 124.

²⁶ *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 10.

Человек, не выходящий или не стремящийся выйти за его порог, становится мертвым духовно, не способным воспринимать мир, увидеть свет жизни. Наиболее ярко этот образ воссоздается в описании дома в Лешевье, за закрытыми дверями и окнами которого разбиваются романтические иллюзии юной Францки, главной героини романа «На крутой дороге»: «...> дом был пуст, как огромная могила»; «<...> все обходили его, как кладбище»²⁷.

От произведения к произведению Цанкар постепенно раздвигает границы этого отдельного дома-могилы, сначала до образа села, затем всей Словении и даже уносит читателя в беспредельное пространство мира. Иногда писатель делает попытку несколько смягчить этот метафорический ряд, обращаясь к известному топосу «мир – тюрьма» («mir – ješa»). Но для него не мир, а дом становится темницей, в которой человек так же, как в доме-могиле, мертв духовно, неспособен к активным действиям. Подобным образом воспринимает учитель-идеалист Мартин Качур (роман «Martin Kačur», 1906) свой дом, приехав в село Грязный Дол: «Холод охватил его, когда он вошел в свою комнату, мертво смотрели на него черные стены. Качуру показалось, что он заперт в тюрьму, и сердце его малодушно сжалось»²⁸. Даже вырвавшись из своей «тюрьмы» (оказавшись в селе Лазы), герой не избавляется от страха узника: «Солнечный день неприятно раздражал его, свет казался ему слишком резким, вызывающим. Он предпочел бы грязь, дождь, темноту»²⁹. Благодаря этой и подобным картинам писатель проводит важную мысль: не человек обживает пространство, а пространство поглощает человека.

Примечательно, что Цанкар не только прорабатывает внутреннее пространство дома, он «крутит» дом по вертикальной оси. И оказывается, что дом-тюрьма (и как отдельное обиталище человека, и как село) располагается в нижней части этой оси, что подтверждают и его говорящие топонимы: Грязный Дол («Мартин Качур»), Лощина (*слов.* «globel») в романе «Крест на

²⁷ Цанкар И. На улице бедняков. М., 1961. С. 29, 34.

²⁸ Цанкар И. Чужие. На улице бедняков. Мартин Качур. М., 1987. С. 340.

²⁹ Там же. С. 387.

горе»), указывающие не только на тесноту и узость этого типа пространства, но и на его глубину, как самой низкой части словенского ландшафта. Эти образы дома-тюрьмы дополняются и ассоциативным рядом, включенным благодаря световому коду в рамки оппозиции свет / тьма: мрак, грязь, сырость: «тьма непроглядная, такая, что и сотня солнц не разгонит ее»³⁰.

Одним из ключевых образов при разработке концепта *дом* у Цанкара оказывается образ дома-приюта, прибежища бедных, больных и отверженных. Это и старый полуразрушенный дом для потерявших заработок рабочих и ремесленников в ранней новелле «Счастье» (*Sreča*), и больница-приют Марии Заступницы («Обитель Марии Заступницы»), и бывшая люблянская сахарная фабрика (цукрарна – *слов.* *sukrarna*) в романе «Нина».

В романе «Нина» образ дома-приюта в здании бывшей сахарной фабрики приобретает новые пространственные измерения. Собрав под крышей этого дома не членов семьи, а в большинстве своем случайных людей, «гостей», образующих особое братство, Цанкар создает обобщенный образ человека как гостя на этой земле. Образ же самой фабрики становится моделью дома не только в словенских, но в общечеловеческих масштабах, как образ юдоли³¹ земной.

Среди трагических судеб здешних обитателей автор выделяет историю Прекрасной Виды (*слов.* *Lepa Vida*), что соотносит роман с мощным мифопоэтическим пластом народной культуры словенцев. Героиня Цанкара пытается пересечь порог этого дома, гонимая силой хрепененья (словен. *hrepnenje*), той неумиряющей устремленности к жизни и всему прекрасному в ней. Однако она вновь возвращается в этот дом-приют, в пространство, которое воспринимает как свое, но, не в силах смириться с его ограниченностью и замкнутостью от внешнего мира, она умирает. Здесь отчетливо выражен мотив возвращения, который приобретает в Словенской модели мира значение нравственного императива, то есть переходит в сферу духа и

---

³⁰ Там же. С. 353.

³¹ Юдоль – лог, дол, долина (*ст.-слав.*).

чувства. В словенском варианте этот мотив, неотделимый от ностальгии-страдания по возвращению домой (в рамках оппозиции родина / чужбина), значим и как возвращение к своему «Я».

Историю Прекрасной Виды следует рассматривать и как яркий пример неумолимого движения жизни по лабиринту, символом которого оказывается сахарная фабрика, с ее бесконечными пересекающимися коридорами и переходами, по которым блуждают герои Цанкара. Главная цель – в преодолении этого пути со всеми его трудностями и преградами. У некоторых из героев Цанкара это преодоление происходит ради возвращения к своему «Я» (учитель Лойзе в романе «На крутой дороге»). Другие конечной целью видят цельное пространство, с которым они должны пребывать в гармонии. Для героев цикла романов о художнике это образ родины, противопоставленный чужбине. Именно родина оказывается для них тем осознанным или только осознаваемым центром притяжения, начальной и конечной точкой пути-лабиринта, который, лишь оставаясь в сердце человека, в доме его души, придает силы и способность творить. Так в мотиве пути-лабиринта обыгрывается архетип вечного возвращения: путь к себе означает путь домой.

У И. Цанкара иногда происходит выравнивание пути: он приобретает очертания длинной крутой дороги вверх (мотив бега за повозкой в романе «На крутой дороге»). Однако важно, что все образы пути не следуют последовательно один за другим, а сливаются воедино. При этом писатель постоянно детализирует этот образ, как и трудности его прохождения, вызывая к жизни устойчивый мотив Крестного пути. Он не просто цитирует известный евангельский текст, а развивает сакральный мотив в терминах, свойственных евангельским текстам, опираясь на смысловой ряд оппозиции высокое / низкое. Цанкар намеренно снижает образ тяжелой ноши Христа, превращая крест в вязанку хвороста, ставя на место Спасителя обыкновенного человека, крестянина, ребенка. Это они идут по жизни с непосильной ношей на плечах, повторяя крестный путь великого образца. А вместе с ними и весь словенский народ, чья историческая судьба постоянно высвечивается в этих образах. Так происходит утроение образа путника с тяжелой ношей: Христос – человек – народ.

Дом и путь у Цанкара явно не противопоставлены. Тексты его произведений показывают, что человеку тяжело жить в *доме*: он воспринимается им как чуждое, а порой и враждебное пространство (тюрьма, мертвецкая, временный приют), которое постоянно побуждает к движению, к поиску своего пути. В то же время *путь* освоен или осваивается его героем, увлекаемым (гонимым) силой *hrepnenja*, этой тоски по недостижимому, мечты о светлой жизни: он может идти по прямой, в гору, по лабиринту, повторить крестный путь Спасителя. Только так он может достичь своей цели и познать на этом пути себя. Правда, писатель оставляет за *домом* и комплекс положительных значений, наделяя его открытостью, светом, уютом и окрашивая в элегические тона. Но подобный образ чаще остается в воспоминаниях и мечтах его героев. В реальной жизни им дан *чужой* дом и *свой* путь.

Сделанный нами акцент на художественном воплощении выдающимся словенским писателем концептов *дорога / путь* и *дом*, как центральных концептов в СММ, подводит к выводу о блестяще выполненной И. Цанкаром задаче: с опорой на мифопоэтическую и религиозную традиции выразить главные идеи, объединяющие словенцев и объясняющие их центростремительные тенденции, а также наметить вектор движения на последующий длительный исторический период. Движения, результаты которого мы наблюдаем сегодня и отмечаем как важную дату исторического пути словенцев к своей независимости, к своему ДОМУ.

А. Г. Бодрова

Национализм и космополитизм в словенской литературе XX в.

A. G. Bodrova

Nationalism and cosmopolitanism in Slovenian literature of the 20th century

Аннотация: В словенской литературе присутствует взаимодействие двух тенденций – «охранительно-национальной», связанной с конструированием национальной идентичности, и «космополитической», стремящейся к выходу за национальные границы. Соотношение этих тенденций прослеживается на примере нескольких авторов: Ивана Цанкара, Альмы М. Карлин, Полоны Главан. Указанная проблематика анализируется в русле теории национализма, разработанной британским ученым Бенедиктом Андерсоном. Соотношение этих двух направлений в будущем предлагается как тема для дискуссии.

Ключевые слова: конструирование национальной идентичности, национальная литература, канон, космополитизм, Словения

Annotation: Two tendencies are present in Slovene literature: the «defensive nationalist» one that is concerned with the construction of national identity and the «cosmopolitical» one that aims to transcend the national boundaries. The interplay of these tendencies may be found in the work of three authors: Ivan Cankar, Alma M. Karlin, Polona Glavan. These problems are considered within the framework of Benedict Anderson's theory of nationalism. The future correlation of these two currents is offered as a theme for discussion.

Keywords: national identity construction, national literature, canon, cosmopolitanism, Slovenia

В XX–XXI вв. многие культурологические феномены проблематизируются. Например, понятие национальной литературы, как и самой нации, все чаще рассматривается как дискурсивный конструкт, говорится об его условном характере.

Такие термины, как национализм и космополитизм, вызывают разночтения в исследовательской литературе разных стран. Когда мы используем синтагму «словенская культура», мы подразумеваем культуру национальную. В данной статье также рассматривается «национальный компонент», а для акцентирования некоторых аспектов употребляется термин «национализм», который, вслед за англоязычными исследователями Бенедиктом Андерсоном и Эрнестом Геллнером¹, используется нейтрально, без негативных коннотаций.

Тема нации, национальной идентичности и т.п. появляется у многих писателей. Поэтому анализ в данной статье неизбежно носит фрагментарный характер. В статье рассматриваются произведения Ивана Цанкара, Альмы М. Карлин, Полоны Главан, в творчестве которых тема соотношения национализма и космополитизма, на наш взгляд, особенно значима.

Проблеме национальной идентичности посвящена обширная научная литература², предлагающая множество определений понятия «нация». Исследовательница А. В. Лукина выделяет три основных подхода к национальной идентичности: примордиальный, модернистский и постнеклассический (или деконструктивистский)³, который представляется наиболее продуктивным. «Представители постнеклассического подхода (Б. Андерсон, К. Вердери, среди современных российских гуманитариев – В. Тишков, А. Миллер) рассматривают нацию как

---

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 5.

² См.: Нации и национализм. М., 2002; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

³ Лукина А. В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 238–246.

продукт воображения, как идею или проект, формирующиеся при помощи дискурсивных практик – научных, художественных, политических»⁴. Британский ученый Б. Андерсон ввел в научный обиход термин «воображаемые сообщества», который он использует в определении нации: «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁵.

Национальные воображаемые сообщества легли в основу многих современных государств как Европы, так и Америки, например, политических образований, созданных после распада Австро-Венгрии. Очень важной для Европы представляется роль языка в формировании нации. Идея связи языка и нации принадлежит, как известно, И. Г. Гердеру, «блаженно игнорирующему некоторые очевидные внеевропейские факты» (например, в Северной и Южной Америке были созданы национальные государства, принявшие языки других стран в качестве государственных и национальных)⁶. «Это надменно узкоевропейское представление о национальности, соединенной с ее собственным языком, оказало широкое влияние на Европу XIX в. и, в более узком смысле, на все последующее теоретизирование о природе национализма»⁷. Андерсон отмечает, что именно работа «лексикографов, грамматиков, филологов и литераторов <...> сыграла главную роль в формировании европейских национализмов XIX в.»⁸, он сводит феномен нации к дискурсу.

Национализм часто противопоставляют космополитизму. В словаре словенского литературного языка мы находим такое определение «Космополитизм – это мировоззрение, согласно

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30.

⁶ Там же. С. 89–90.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 93. Термин «национализм» англоязычные исследователи используют нейтрально, без негативных коннотаций, присущих русскому понятию. См.: Геллнер Э. Нации и национализм... С. 5.

которому человек принадлежит не отдельной нации, государству, а миру в целом»⁹.

Для литературы данное определение представляется утопическим, поскольку она неизбежно создается на конкретном языке. Предпочтительнее все-таки космополитизм связывать не с принадлежностью к миру в целом (это такая же утопия, как и принадлежность к нации), а с расширением границ, которое достигается, в частности, внесением в свою культуру новаторских элементов.

Такой новаторский подход очевиден в творчестве Ивана Цанкара (Ivan Sankar, 1876–1918), писателя, существенно изменившего ход развития словенской литературы. Цанкар занимает почетное место среди словенских литературных деятелей, оказавших решающее влияние на литературный процесс и на формирование национальной культурной идентичности. Среди них мы можем назвать:

- 1) Приможа Трубара (Primož Trubar, 1508–1586) – эпоха протестантизма;
- 2) Антона Томажа Линхарта (Anton Tomaž Linhart, 1756–1795) – эпоха Просвещения;
- 3) Франце Прешерна (France Prešeren, 1800–1849) – эпоха романтизма;
- 4) Сречко Косовела (Srečko Kosovel, 1904–1926) – период экспрессионизма.

По мнению словенского философа М. Долара, единственное, что объединяет этих столь разных писателей, это то, что в свое время каждый из них «радикально порвал с тем, что тогда считалось словенской идентичностью»¹⁰. С данным мнением нельзя не согласиться. Как известно, каждый из вышеуказанных литераторов, внося революционные изменения в культуру,

---

⁹ «Kozmopolitizem – nazor, po katerem človek ne pripada posameznemu narodu, državi, ampak svetu kot celoti». URL: <https://fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2/4488310/kozmpolitizem?View=1&Query=kozmpolitizem> (дата обращения: 1.09.2022).

¹⁰ Dolar M. Slovenska nacionalna identiteta in kultura – navodila za uporabo // Dolar M. Strel sredi koncerta. Ljubljana, 2012. S. 319–336.

полностью ее преобразовал. Например, протестант П. Трубар в середине XVI в. переводил на словенский язык богослужебную литературу и, главное, издавал ее, покончив с засильем латыни. Своим «реформаторским» шагом он обновил (практически заново создал) словенскую письменную традицию. Ф. Прешерн, писавший на словенском и немецком, был первым светским поэтом, кардинально преобразившим словенскую поэзию, обогатившим ее новыми поэтическими формами (он опирался на западноевропейскую, в том числе на античную, ренессансную, а также восточную традиции и использовал фольклорные образцы). Его роль для словенской словесности сопоставима с ролью А. С. Пушкина для русской литературы. Таким образом, во всех вышеприведенных случаях можно говорить о расширении или нарушении границ культуры.

М. Долар выделяет два подхода к проблеме национальной идентичности: один из них можно назвать «охранительным», другой – «реформаторским». Он считает, что в соответствии с первым подходом словенская национальная идентичность не несет в себе противоречий, она укоренена в языке, традиции, произведениях искусства. «<...> Все это необходимо подробно описывать, сохранять и продолжать», и если появляется какое-то противоречие, то оно является внешним по отношению к словенской идентичности, поэтому возникает борьба между «нашим» и «чужим»¹¹. Второй подход предполагает, что противоречие содержится как внутри синтагмы «словенская национальная идентичность и культура», так и внутри каждого из этих понятий. «Борьба всегда проходит между “нашим” и “нашим” <...> борьба является способом существования культуры, идентичности и словенства»¹². Аргументируя продуктивность «реформаторского» подхода, Долар утверждает, что «любая идентичность основывается на различии, содержит его как свой внутренний момент и производит его как свою истину, а различие, если мы к нему отнесемся всерьез, перейдет в свою противоположность

¹¹ Dolar M. Slovenska nacionalna identiteta in kultura... S. 323.

¹² Ibid.

и, в конце концов, в противоречие. Короче говоря, нет идентичности без различия и противоречия»¹³.

Биография и творчество И. Цанкара вместили в себя не одно противоречие¹⁴. С одной стороны, божественный образ жизни на чужбине, с другой – занятие политикой и патриотизм; интерес к родине, социальным проблемам («Батрак Ерней и его право», *Hlapec Jernej in njegova pravica*, 1907) сочетается в его творчестве с излюбленными темами модерна (смерть, детство, искусство и др.); символистская драма («Прекрасная Вида», *Lepa Vida*, 1912) и роман, где применяется техника «потока сознания» («Нина», *Nina*, 1906), соседствуют с политическими статьями.

В творчестве Цанкара универсалистские тенденции западноевропейского модерна сочетались с устремлениями, направленными на создание национальной литературы, оказавшей огромное влияние на формирование самосознания. Проблема идентичности занимала одно из важнейших мест в мировоззрении словенского писателя. И. Цанкар формировал национальную идентичность словенцев скорее «реформаторским» способом, хотя в его творчестве можно проследить и «охранительные» тенденции.

И. Цанкара можно считать тем самым представителем культурной элиты, который играл ведущую роль в создании воображаемого сообщества – «словенской нации». По мнению Б. Андерсона, филологи и литераторы принимали активное участие в процессе конструирования национального сознания¹⁵. При этом очень важное значение имела деятельность двуязычных писателей, переносивших уже существующие национальные модели на свою почву¹⁶.

Цанкар, в своих выступлениях и произведениях, прибегая к таким конструктам, как «словенский народ», «наш народ», «наша родина», несомненно, причислял и себя к данному воображаемому сообществу и, безусловно, активно участвовал в формировании этих понятий.

---

¹³ Ibid. S. 330.

¹⁴ Более подробно о биографии И. Цанкара и о его эпохе см.: Бодрова А. Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб., 2010.

¹⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 93.

¹⁶ Там же. С. 134.

Он с большим вниманием следил за развитием словенской культуры, о чем свидетельствуют его статьи, посвященные словенским писателям и художникам, высоко ценил национальную прессу: «Я ничуть не преувеличиваю значение газет. Широкие массы нашего народа черпают из них культурные и политические знания, газеты – отличное мерило уровня мысли и души, которого достиг народ. <...> И за эти последние два года словенские газеты так блестяще выросли, что их без опасений можно сравнивать с газетами старых культурных народов и что они являются честным и ревностным выразителем чаяний своего народа»¹⁷ («Словенская культура, война и рабочий класс», *Slovenska kultura, vojna in delavstvo*, 1918). Данное высказывание подтверждает мнение Б. Андерсона, полагавшего, что именно газетам отводилась одна из важнейших ролей в формировании национальных воображаемых сообществ, поскольку массы людей, каждый день, почти одновременно, читая одни и те же статьи на национальном языке, ощущали себя частью определенного сообщества¹⁸.

Тема словенской национальной идентичности присутствует не только в многочисленных статьях Цанкара, но и в его художественных произведениях. Следует сказать, что уже само употребление словенского литературного языка способствовало созданию словенской национальной матрицы (вспомним П. Трубара).

В многочисленных произведениях Цанкара нередко фигурируют понятия родина, словенский народ, неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Национальная тема тесно связана с его биографией. Цанкар через собственный опыт пытался осмыслить историю словенских земель. На протяжении всей жизни и творчества для словенского писателя была важна сопричастность своему народу. Например, в автобиографическом фрагменте «Оттакринг» (*Ottakring*, 1915), написанном за 3 года до смерти, автор размышляет о том, что происхождение и национальность играют существенную роль в понимании характера главного персонажа: «Павел Негода был словенцем; это значит, что он носил свою родину с собой. Не только во всех своих

¹⁷ Цанкар И. Избранное. В 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 479.

¹⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 67.

мыслях, но и в каждой капле крови, в каждом ударе сердца, в каждом взгляде, в каждом шаге <...>»¹⁹.

Присутствием национальных конструкторов в творчестве во многом объясняется высокий статус Цанкара в каноне национальной литературы.

Проблему соотношения национальной идентичности и национальной литературы рассматривал и ученый констанцской школы рецептивной эстетики Ханс Роберт Яусс, критикуя традиционные истории литературы²⁰. По его мнению, подобные труды в XIX в. выполняли задачу формирования национальной идентичности, что ныне, как считает Яусс, является архаичным²¹.

Как уже упоминалось, во второй половине XX в. и в XXI в. национализм подвергается критике, границы национально-релятивизируются. Обратимся к маргинальному примеру словенского культурного пространства. Имя немецкоязычной писательницы-путешественницы Альмы Карлин (Alma Karlin, 1889–1950), словенки по происхождению²², сейчас известно многим словенцам. Однако Карлин долгое время была исключена из канона словенской литературы. Гибридность ее культурной идентичности представляет в наше время большой интерес. Карлин родилась в Австро-Венгрии, в городе Целье, расположенном в Нижней Штирии. Ее отец Якоб Карлин, сын словенского крестьянина, майор австро-венгерской армии в

¹⁹ Перевод автора. «Pavel Negoda je bil Slovenec; to se pravi, da je nosil svojo domovino seboj. Ne samo v vseh svojih mislih, temveč v vsaki kapljici svoje krvi, v vsakem utripu svojega življenja, v vsakem pogledu, v vsakem koraku» (*Cankar I. Zbrani spisi*. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291).

²⁰ *Фомин К. А.* Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конституирования и динамики литературной традиции // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30).

²¹ *Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения / пер. с нем. и предисл. И. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

²² *Бодрова А. Г.* Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Бодрова А. Г., Бразговская Е. Е., Князькова В. С., Котова М. Ю., Раина О. В. и др.; отв. ред. Котова М. Ю. СПб., 2014. С. 49–64.

отставке, говорил, что у австрийского офицера нет национальности, что его жизнь принадлежит императору и родине²³, мать Вилибальда Карлин словенка по происхождению (ее девичья фамилия Михеляк) – учительница в женской немецкой школе. В доме Карлин всегда говорили по-немецки. На ее глазах менялись границы государств, многие люди были вынуждены задумываться о своей национальной идентичности. Так, жителям Целья приходилось делать выбор, к какой национальной группе они относятся. Родственники семьи Карлин были разделены на два враждующих лагеря – так называемых немцев и словенцев. Этот раскол усугубился в годы Второй мировой войны, когда большое распространение получили пангерманские теории, отвергавшие существование австрийской нации. Хотя сама Карлин никогда не соотносила свое творчество со словенской культурой, ее произведения рассматриваются иногда учеными в контексте словенской литературы (их включают в антологию путевых заметок²⁴), или в них видят образцы словенской автобиографической прозы XX в.²⁵ Существует также мнение, подсказанное самой А. Карлин, что она была «гражданкой мира»²⁶. Такая позиция представляется в свою очередь проблематичной, поскольку тексты писательницы изобилуют расовыми предрассудками и национальными стереотипами²⁷.

²³ *Karlin A. M. Sama: iz otroštva in mladosti*. Celje, 2010. S. 41.

²⁴ *Šmitek Z. Poti do obzorja: antologija slovenskega potopisa z neevropsko tematiko*. Ljubljana, 1988.

²⁵ *Grdina I. Avtobiografska književnost pri Slovencih v dvajsetem stoletju: doktorska disertacija*. Ljubljana, 1994.

²⁶ *Jezernik J. Alma M. Karlin, državljanka sveta: življenje in delo Alme Maximiliane Karlin (1889–1950)*. Ljubljana, 2009.

²⁷ К примеру, писательница не раз утверждает, что имперские немцы – самая трудолюбивая нация, а в travelogue «Одинокое путешествие» характеризует фотографа еврейского происхождения, встретившегося ей в Панаме, следующим образом: «Он был евреем, но был намного достойнее многих христиан» (*Karlin A. Einsame Weltreise*. Berlin, 1930. S. 114). Более подробно об этом см.: *Бодрова А. Г. «Одинокое путешествие» Альмы Карлин. Проблема гибридности культурного контекста // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов*. Москва–Нальчик, 2013. Спецвыпуск 6. С. 211–218.

Т. е. гибридная национальная идентичность Карлин не делает ее космополитичной.

Словенку по крови и немку по языку Карлин нельзя считать «в полной мере» ни словенкой, ни немкой, представительницей немцев Целя. Ее «мерцающая» идентичность не подлежит четкому определению. В первой половине жизни (в юности, во время поездок и путешествий²⁸ в период с 1908 по 1927 гг.) очевидно желание писательницы оторваться от корней и от родной почвы, о чем свидетельствуют ее перемещения, интерес к чужим культурам и ее произведения, посвященные экзотическим странам. В травелогах Карлин говорит о двух родинах – одной по паспорту (Югославии), другой по языку. На пике славы, в 30-е годы, она в большей мере осознает себя немецкой писательницей, хотя и не живет в Германии. К концу жизни ее взгляды эволюционируют, не теряя при этом двойственности. Немецкий ученый Оттмар Этте, исследуя литературу мигрантов, использует понятие литературы с размытыми границами, «без определенного места жительства» («ohne festen Wohnsitz»)²⁹, что, бесспорно, можно отнести и к А. Карлин.

В качестве «своего» идеального культурного пространства, где она хотела бы жить, она выбирает Англию. На исходе Второй мировой войны, находясь у партизан, писательница на вопрос, где бы она хотела жить, отвечает по-английски: «My heart is in England, my heart is not here» («Мое сердце в Англии, мое сердце не здесь»), перефразируя стихотворение шотландского поэта Роберта Бернса «My heart's in the Highlands, my heart is not here» [«В горах мое сердце... Доныне я там» (перевод С. Я. Маршака)]³⁰. Однако далее она комментирует свой ответ

²⁸ Отдельно стоит упомянуть о восьмилетнем кругосветном путешествии А. Карлин (с 1919 по 1927). За это время писательница побывала в Перу, Панаме, Мексике, США, на Гавайях, в Японии, Китае, Корее, Австралии, Новой Зеландии, на Фиджи, Новой Каледонии, Каролинских островах, Новой Гвинее, в Индонезии, Таиланде, Бирме, Индии и других странах.

²⁹ *Ette O. ZwischenWeltenSchreiben. Literaturen ohne festen Wohnsitz.* Berlin, 2005. S. 10.

³⁰ *Karlin A. M. Moji zgubljeni topoli: spomini na drugo svetovno vojno.* Ljubljana; Celje, 2007. S. 280.

следующим образом: «И все же мое сердце кровоточило, ведь горы, которые я люблю, здесь. Здесь тот мир, по которому я ходила ребенком, здесь леса, по которым я гуляла <...>»³¹. В данном утверждении писательницы можно прочесть привязанность к родной провинции Штирии. В других местах текста Карлин также «проговаривается» о своей любви к родным краям – произведение изобилует восторженными описаниями словенских пейзажей. Писательница, которая много времени провела в путешествиях на кораблях в море, оказавшись с партизанами в Далмации, заявляет о своей нелюбви к этой стихии: «Море не делает меня счастливой, ведь я дитя гор»³².

Творчество Карлин интересно тем, что показывает условность категории нации и подтверждает перспективность изучения феномена национальности как конструкта, продукта дискурсивных практик.

Если национальная принадлежность текстов Карлин является спорной, то соотнести ее тексты с определенным регионом оказывается проще, она пишет, что у нее нет родины, при этом эмоциональную привязанность к Штирии она сохранила до конца жизни. Данный факт по-своему отражает специфику словенской литературы – прочную связь писателей с определенным регионом.

Регионализм, присущий многим словенским писателям, можно назвать одной из характерных тенденций и современной словенской литературы. (Для примера приведем «прекмурский текст» Ферри Лайншечка (Feri Lainšček, р. 1959), «истрийский текст» Марьяна Томшича (Marjan Tomšič, р. 1939), каринтийский текст Флорьяна Липуша (Florjan Lipuš, р. 1937).) Если национальная идентичность претерпевает кризис, то региональная представляется более «надежной».

В завершение обратимся к рассказу «Необычная идентичность Нины Б.» («*Nenevadna identiteta Nine B.*», 2004) Полоны Главан (Polona Glavan, р. 1974). В нем также проблематизируется феномен нации. Во-первых, чистота крови оказывается

³¹ *Karlin A. M. Moji zgubljeni topoli...*

³² *Ibid.* S. 272.

проблематичной: Нинин отец считает себя чистокровным словенцем, не подозревая, что «валахшский»³³ торговец овцами... через свою прабабушку внес в семью генетическую аномалию, не оставив в качестве компенсации ни одного бедного ягненка»³⁴.

Во-вторых, в детстве отдохавшая на море Нина сталкивается с очередным несоответствием. Немцы оказываются очень милыми, терпимыми, вежливыми, и Нине с сестрой «никак не удавалось найти связь между немцами, о которых они слышали в школе (безжалостные, педантично воплощающие свои злодеяния пожиратели детей и т. д.)»³⁵. Далее повествование доводится до периода обретения Словенией независимости, когда малый народ становится великим. Однако парадокс заключается в том, что и соседний народ – хорваты – осознают свое величие и своими национальными чертами, точь-в-точь как словенцы, считают: непокорность, чувство справедливости, сердечность, при этом они никакого отношения не имеют к Балканам³⁶. Здесь под сомнение ставится уникальность национальной характеристики. Повествовательница утверждает, что «словенец мог себя идентифицировать, лишь если ставил себя рядом с кем-то еще <...>. Если он стоял один одинешенек, его не было»³⁷. Получается, что национальная идентичность,

³³ О значении слова «валахшский» («vlaški») см.: Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: <https://fran.si/iskanje?View=1&Query=vlah> (дата обращения: 04.04.2023).

³⁴ Перевод автора. «Vlaški trgovec z ovcami... preko njegove prababice v rod vnesel genetsko anomalijo, ne da bi za odškodnino pustil vsaj kakšno ubogo jagnje» (*Glavan P.* Gverilci. Ljubljana, 2004. S. 34).

³⁵ *Glavan П.* Необычная идентичность Нины Б. [пер. Ю. А. Созиной] // Против часовой стрелки. Словенская новелла. Избранное / [сост. Ю. А. Созина; пер. со словен. Ю. А. Созина и др.]. М., 2011. URL: <https://fb2.top/protiv-chasovoy-strelki-436478/read/part-2> (дата обращения: 01.09.2022).

³⁶ Феномену Балкан посвящена обширная литература. Отдельного упоминания заслуживает работа словенского философа Славоя Жижека, в которой он отмечает, что Балканы в сознании многих местных народов (например, словенцев, хорватов) – это всегда страна где-то ниже (*Žižek S.* The spectre of Balkans // *The Journal of International Institute.* 1999. Vol. 6. Issue 2. URL: <https://quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.0006.202?view=text;rgn=main> (дата обращения: 02.04.2023)).

³⁷ *Glavan П.* Необычная идентичность Нины Б. // Против...

которой, например, так дорожил отец Нины, оказалась чем-то иллюзорным, практически несуществующим.

Тем не менее, к концу рассказа героиня все-таки, благодаря полученному в путешествиях опыту, обретает свою собственную идентичность: «Так, <...> Нина решила окончательно определить свою идентичность как Редкость. Малочисленность. Экзотичность <...>. Ты был похож на других, но только несколько реже встречающимся, что автоматически добавляло тебе ценности. По крайней мере, Нине Б.»³⁸. Примечательно, что Нина после всех колебаний не отказывается от национальной идентичности. Хотя национальная идентичность в рассказе подвергается сомнению, важно, что признается ее необходимость. П. Главан показывает, что вопрос национальной идентичности – это тот вопрос, который люди все равно вынуждены решать. Нина редко вспоминала о своей национальности, но она стала частью ее: «От своей необычной идентичности она больше не отказывалась, более того, позволила ей крепко осесть в подсознании, на дискретное место незаметной части тела»³⁹.

Рассмотренные примеры показывают, что проблему национальной принадлежности сложно оставлять без внимания. Данный дискурс навязан предшествующими поколениями (отцом, в случае Нины, в рассказе П. Главан, таким персонажем, как мать во многих произведениях Цанкара, диктатом идеи «национальной литературы»). С одной стороны, национальная идентичность связана с языком, однако в наше время гердеровская традиция подвергается релятивизации. Это доказывает и случай Карлин, а также пример Славоя Жижека, словенского философа, пишущего по-английски. Интересно, что в России Словения нередко ассоциируется с Жижеком, в основном не пишущим по-словенски. Очевидно, что в XIX–XXI вв. маятник постоянно качается между конструированием национальной словенской идентичности и осознанием ее условности. Вопрос о том, как дальше будет развиваться взаимодействие этих тенденций – космополитической и национально-охранительной, –

---

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

может стать предметом интересной дискуссии. В научных работах, посвященных границам национальной словесности, наблюдаются как тенденция прочерчивания четких границ между литературами и стремление найти специфический национальный код, так и инклюзивный подход, применяемый к транснациональным текстам, созданным двуязычными писателями (часто с мигрантским бэкграундом).

С одной стороны, в эпоху глобализации (наследницы космополитизма) региональные различия все большее стираются, с другой – мультикультурализм (наследник национализма) носит амбивалентный характер, ведь поликультурные сообщества становятся зоной конфликта, скрывающей травматическое прошлое.

Однако зачастую культурные и языковые границы остаются непреодолимы, а мультикультурализм с его толерантностью является лишь пустым «самодовольным» клише. Идея мультикультурализма, предполагающая гармоничное взаимодействие различных национальных культур, нередко оказывается утопией. Творчество многих словенских двуязычных писательниц и писателей, а также их биографии выявляют конфликтность мультикультурализма.

Н. Н. Старикова

Поэтика и политика: журналы *Perspektive* и *Nova revija* как очаги инакомыслия

N. N. Starikova

Poetics and politics: *Perspektive* and *Nova revija* magazines as centers of dissent

Аннотация: Статья дает представление о деятельности словенских литературно-критических журналов *Perspektive* (1960–1964) и *Nova revija* (1982–2010), со страниц которых в период существования Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) открыто звучала критика социалистической идеологии и этики, призывы к идейному и эстетическому плюрализму, что оказало существенное влияние на общественно-политическое сознание граждан Словении, способствовало росту протестных настроений в республике. *Perspektive* знакомил читателей с трудами выдающихся европейских экзистенциалистов, в журнале *Nova revija* была опубликована национальная программа, в которой были сформулированы требования государственной независимости Республики Словения.

Ключевые слова: литературно-критическая периодика, социалистическая эпоха, инакомыслие, гражданские свободы, плюрализм

Annotation: The article gives an idea of the activities of the Slovenian literary-critical *Perspektive* (1960–1964) and *Nova Revija* (1982–2010) magazines, from the pages of which, during the existence of the SFRY criticism of socialist ideology and ethics and calls for ideological and aesthetic pluralism was openly voiced, what had a significant impact on the socio-political consciousness of the Slovenian citizens, contributed to the growth of protest moods in the republic. *Perspektive* introduced readers to the works of prominent European existentialists; *Nova Revija* published a national program

in which were formulated the demands for the state independence of the Republic of Slovenia.

Keywords: literary-critical periodicals, socialist era, dissent, civil liberties, pluralism

Социокультурная обстановка в Социалистической Республике Словения в период югославского социализма характеризуется рядом особенностей, к одной из них можно отнести «существование легально действующей оппозиционной (а в последние годы и открыто антикоммунистической) прессь»¹. Речь идет о нескольких литературно-критических журналах 1950–1980-х годов, со страниц которых открыто звучала критика социалистической этики и идеологии, что оказало существенное влияние на политическое сознание словенцев, способствовало росту протестных настроений в обществе. Первыми ласточками стали периодические издания *Beseda* (1951–1957) и *Revija 57* (1957–1958), объединившие вольнодумную литературную молодежь, в основном поэтов, писателей и критиков послевоенного поколения, которые выступали за духовную свободу, возможность самостоятельного выбора тем и средств выражения, открытость всем течениям современной философской и эстетической мысли. Оба журнала были закрыты по решению руководства республики, когда художественная полемика на их страницах начала постепенно перерастать в критику социалистической действительности. В 1960-е годы их эстафету подхватили авторы журнала *Perspektive* (1960–1964), которые, протестуя против навязываемого сверху единственно разрешенного типа творчества, начали пересмотр господствующих идейных представлений и стереотипов мышления, отстаивали право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, привлекая внимание к социологическим и экономическим проблемам югославского общества, вопросам культурной политики. Учрежденная через два года после смерти Й. Б. Тито

---

¹ Старикова Н. Н. Скрытое сопротивление и легальное инакомыслие (литературная ситуация в Словении в период существования СФРЮ) // Политика и поэтика. М., 2000. С. 230.

Nova revija (1982–2010) не просто продолжила либеральный курс первых «вольных» изданий, но превратилась в центр национального демократического движения, стала первым официальным органом национальной политической оппозиции. Журналы *Perspektive* и *Nova revija* внесли значимый вклад в процесс либерализации словенского общества и обретение Словенией государственного суверенитета.

Литературно-критический ежемесячник *Perspektive* был учрежден в мае 1960 г. в период некоторого «потепления» словенского культурного климата, обусловленного, как это ни странно, началом разногласий между руководством республик СФРЮ во взглядах на будущее. Сторонницей прочной федерации с мощной центральной властью выступала Сербия, право на мягкую федерацию с сильными самостоятельными республиками отстаивали Словения и Хорватия. На волне этого противостояния словенские власти дали «добро» на учреждение нового «вольного» издания. Сработал и «субъективный» фактор: Борис Крайгер, крупный партийный функционер, член политбюро ЦК КПС был большим театралом, поклонником современной драматургии, ему очень понравилась постановка авангардной пьесы «Антигона»² Д. Смоле. В это время ее автор в знак протеста против закрытия журнала *Revija 57*, в котором печатался, пошел работать на бензоколонку. Крайгер предложил драматургу занять пост главного редактора нового журнала. В издании начали сотрудничать активисты ликвидированных журналов *Beseda* и *Revija 57* поэты И. Минатти, Я. Менарт, Т. Павчек, Д. Зайц, Ц. Злобец, К. Кович, В. Тауфер; критики Я. Кос, Т. Кермаунера, В. Клабус; прозаики А. Хинг, Л. Ковачич, П. Божич; драматург П. Козак, то есть «критическое поколение 1950-х смогло продолжить свое дело»³. Вскоре к ним присоединились более молодые дебютанты: прозаики Р. Шелиго, В. Зупан, М. Рожанц, М. Томшич;

² О пьесе подробнее см.: *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018. С. 27–30.

³ *Virk T.* Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, 2021. S. 78.

поэты Г. Стрниша, Т. Шаламун, Ф. Загоричник, И. Гайстер, Н. Графенауэр; философы В. Рус и И. Урбанчич; литературовед А. Инкрет. В фокусе их внимания оказались не только текущая литературная практика, но и положение культуры в социалистическом обществе. При этом концепция издания, как вспоминает Я. Кос, постепенно трансформировалась: начинали «перспективовцы» с обсуждения проблем социалистической культуры и этики, однако постепенно их деятельность приобрела социально-полюемическую, а затем и политически ориентированную направленность⁴. Помимо традиционных для «толстых» литературных журналов тематических направлений, посвященных национальной и зарубежной поэзии, прозе, драматургии, литературоведению и критике, в журнале поднимались социологические и экономические проблемы югославского общества, обсуждались вопросы культурной политики, велись философские дискуссии, появлялись статьи, представляющие новинки национальной и европейской живописи и кинематографа. Одной из главных задач редакции было знакомство читателей с самыми передовыми в идейном и художественном плане произведениями современных словенских авторов: пьесами «Афера» (*Afera*) П. Козака и «Антигона» (*Antigona*) Д. Смоле, модернистским романом «Мальчик и смерть» (*Deček in smrt*) Л. Ковачича. Эта тенденция сохранялась на протяжении всего времени существования журнала: на его страницах увидели свет стихотворения Т. Шаламуна, впоследствии вошедшие в программный для национального неоавангарда сборник «Покер», новаторская модернистская проза М. Швабича и Д. Йовановича. Теоретические взгляды «перспективовцев» на сущность искусства были во многом сформированы под влиянием концепций М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра, переводы работ которых «Исток художественного творения» и «Критика диалектического разума» были опубликованы в журнале. Обаяние экзистенциальных идей явственно ощущается в поэзии Д. Зайца, В. Тауфера, Г. Стрниши, в дра-

⁴ Цит. по: *Štuhec M. Literarne revije in programi // Slovenska književnost III. Ljubljana, 2001. S. 496.*

матургии П. Божича (поэтические сборники «Язык из земли» [*Jezik iz zemlje*, 1961]; «Узник свободы» [*Jetnik prostosti*, 1963]; «Одиссей» [*Odisej*, 1963]; пьесы «Солдата Йошта нет» [*Vojaka Jošta ni*, 1962], «Заключенные» [*Kaznjenci*, 1963]). Помимо желания расширить семантическое и эстетическое поле дискуссий тяготение к социокультурному осмыслению литературного процесса связано, на наш взгляд, еще и с тем, что из двух ответственных редакторов, одновременно возглавлявших журнал, один обязательно был связан с литературоведением или литературной критикой: сначала действовала пара Я. Кос и Д. Смоле, затем П. Козак и В. Клабус, в последний год – Т. Кермаунер и Д. Зайц, а также Т. Шаламун и Р. Мочник. Набирала обороты и социально-политическая публицистика: злободневные, остро полемические статьи Й. Пучника⁵, открыто говорившего об ошибках власти в сфере экономики и в глазах общественного мнения уже заслужившего репутацию первого национального диссидента; социологические обзоры В. Руса находили все больший отклик в среде студенчества и интеллигенции. А Инкрет вспоминал, как «зимой 1963–1964 гг. начались выступления высокопоставленных партийных бонз, грозно громивших отдельные публикации <...>. Стало очевидно, что *Perspektive* вызывают у власти нескрываемое раздражение и чувство крайнего дискомфорта»⁶. Очень скоро социалистическое руководство публично выразило обеспокоенность курсом, который выбрал журнал, тем, что его публикации провоцировали в обществе «буржуазные» настроения. Как писал сорок лет спустя В. Рус, «сотрудничавшие в журнале *Perspektive* литераторы и публицисты <...> имели слишком сильное влияние на общественную жизнь тогдашней Словении»⁷. Сам Тито

⁵ Йоже Пучник (1932–2003) – словенский социолог, политик и диссидент, лидер демократической оппозиции Словении.

⁶ Цит. по: *Kolšek P. Rast in pozaba revije Perspektive // Književne liste*. 22.04.2014. URL: <https://www.delo.si/kultura/knjizevni-listi/rast-in-pozeba-revije-perspektive.html> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ *Rus V. Revija Perspektive in teorija in praksa // Teorija in praksa*. 2004. Let. 41. № 1–2. S. 132.

негативно отреагировал на словенских «оппозиционеров от культуры», позволивших себе «несоциалистическую» полемику⁸. В январе 1964 г. члены редколлегии были приглашены на встречу со С. Кавичем, в то время возглавлявшим комиссию по идеологии ЦК СКС, и руководителем издательского совета Госиздата Словении Р. Чачиновичем. Позиция «перспективовцев» относительно проведения подобной беседы не была единой (Зайц, Ковачич и Смоле от участия в мероприятии отказались). Объединенные общим негативным отношением к режиму, одни литераторы были уверены, что его еще можно изменить в лучшую сторону, другие же являлись сторонниками более радикальных мер. В ходе встречи представителям издания было предложено «исправиться», отказавшись от сотрудничества с наиболее «реакционными» авторами, и «не трогать раз и навсегда решенные вопросы» (стенограмма этой беседы была напечатана в последнем, сдвоенном 36–37-м номере за 1964 г.⁹).

Редакционный совет был переизбран, однако общая критическая и полемическая направленность журнала осталась без изменений: *Perspektive* продолжили публиковать крамольного Пучника, требовать автономии культуры, пренебрежительно высказываться о социалистических завоеваниях. Последней каплей стала публикация в № 33/34 за 1964 г. заметок Пучника «О дилеммах нашего крестьянства», где резкой критике подверглись методы внедрения в республике коллективизации. Это переполнило чашу партийного терпения, и издание было закрыто административным путем: Госиздат отказал ему в финансировании. «Поскольку новый редакционный совет так и не дистанцировался от негативного восприятия действительности <...> и продолжает сомневаться в правильности политических основ социалистической Югославии. <...> Государственное издательство Словении не может взять на

⁸ Гуськова Е. Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 702.

⁹ См.: Puhar A. Peticije, pisma in tihotapski časi. Maribor, 1985. URL: <http://www.vecer.com/ruslica/> (дата обращения: 10.09.2022).

себя ответственность за дальнейший выпуск журнала»¹⁰, – гласило официальное письмо. Ситуацию накалили также карательные меры, к которым прибегли спецслужбы, подвергнувшие сотрудников журнала домашним обыскам, а некоторых и арестам. Пучник был арестован повторно, получил два года и после освобождения был вынужден эмигрировать в Германию. Арестован был также взявший на себя обязанности ответственного редактора Т. Шаламун. В ответ на эти действия девять членов редколлегии разослали в тридцать семь общественных организаций страны открытое письмо протеста, в котором, осудив политику властей, на время отказались от какой-либо публичной литературной деятельности. Выступление «перспективовцев» имело широкий резонанс и вызвало дискуссию в прессе; в защиту опального издания выступили тогда многие деятели науки и культуры (Д. Пирьевец, Б. Штих и др.) и даже целые редакции (например, коллектив литературного журнала *Sodobnost*. В дальнейшем инициативы журнала *Perspektive* в эстетической сфере в определенной степени продолжил дистанцировавшийся от политики журнал *Problemi*, ставший в 1960–1970-е годы рупором актуальных философских и литературоведческих теорий и концепций, в том числе экзистенциализма, структурализма и постструктурализма (на его страницах публиковались переводы программных текстов Р. Барта, А. Роб-Грийе, Ж. Лакана, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и др.).

Знакомство с актуальными европейскими художественными тенденциями отразилось на литературной практике – словенские авторы начали пробовать себя в новых направлениях и формах. Альтернативой существовавшей социалистической системе художественных ценностей становятся в 1960-е годы модернистские эксперименты Д. Смоле, А. Хинга, Л. Ковачича, Р. Шелиго. В своем видении современности все они опираются на идеи экзистенциализма, их интересуют метафизические проблемы отчуждения, равнодушия и непонимания, подавление личности системой государственных, общественных и

¹⁰ Цит. по: *Inkret A.* Vroča pomlad 1964. Ljubljana, 1990. S. 10.

семейных отношений, мотивы вины и ответственности как в бытовом, так и в универсальном значении. Активного героя, созидającego новый мир, сменяет в их произведениях сомневающийся, рефлексирующий, социально пассивный человек, аутсайдер-одиночка, дистанцирующийся от жизни коллектива. Авторское внимание переключается с общественно значимых событий на хронику повседневности, писатели обращаются к запрещенной ранее теме секса, мотивам страха, беспомощности и тоски, усиливающим фрагментарность и дефабулизацию повествования. Порой изображаемые метафизические ситуации практически лишены примет времени и пространства. Пространственно-временная нейтральность становится одним из способов бегства от конкретной действительности, дает свободу фантазии, помогая открыть мир субъективных ассоциаций, иррациональных побуждений, психопатических состояний. Читателю предлагается самому реконструировать внетекстовые значения и конкретизировать место и действие. Таким образом, художественное слово оказывается альтернативой реальной действительности, несет в себе импульс социально-политического протеста, и в этом, по мнению М. Штухеца, прямая заслуга журнала *Perspektive*¹¹.

Важнейшей предпосылкой к росту протестных настроений в Словении была и внутривосточная ситуация в СФРЮ в целом. 1968 год с его массовыми студенческими волнениями разрушил миф о бесконфликтности югославского социалистического общества, в последующее «свинцовое» десятилетие в стране резко обостряются межнациональные противоречия, сопровождающиеся сознательной ориентацией представителей национальных интеллигенций на «культурно-национальное обособление» (Г. Я. Ильина)¹². Смерть Й. Б. Тито в 1980 г. еще больше накаляет атмосферу общественного брожения, на первый план выдвигается национальная и общественная про-

¹¹ Štuhec M. Literarne revije in programi // Slovenska književnost III. S. 482.

¹² Ильина Г. Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960 гг. М., 1995. С. 404.

блематика, художественное творчество становится «носителем критического сознания»¹³. В начале 1980-х годов в югославской публицистике, художественной и научной литературе поднялась волна негативных откликов на происходящее. «Критике подвергались уже не отдельные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом, представавший фактически как разновидность сталинизма»¹⁴. В Словении либеральные настроения ширились главным образом в писательской среде. «Тон дискуссиям, – пишет историк А. Габрич, – задавало Общество словенских писателей!»¹⁵. Другой исследователь, П. Водопивец, полагает, что именно это, одно из старейших творческих объединений Словении¹⁶, «с конца 1970-х было средоточием критически настроенной интеллигенции, <...> поддерживало и направляло практически все важнейшие мероприятия, связанные с процессом демократизации общества, принимало участие в гражданских акциях, поддерживало независимые дискуссии на запретные темы, отстаивало свободу слова и решительно протестовало против преследования инакомыслящих»¹⁷. В 1985 г. под эгидой Общества была создана «Комиссия по защите мысли и слова», отстаивающая права человека и выступавшая за отмену цензуры, возглавил ее поэт В. Тауфер. Стремясь быть независимым от Белграда, Общество словенских писателей в 1986 г. впервые проводит международный литературный фестиваль авторов Центральной Европы «Виленица» с присуждением одноименной премии¹⁸.

¹³ *Палавестра П.* Књижевност – критика идеологије. Београд, 1991. С. 34.

¹⁴ *Никифоров К. В.* «Карделевская Югославия» (1974–1990) // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 747.

¹⁵ *Gabrič A.* Spreminjanje kulturnopolitičnega in šolskega sistema // Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 1306.

¹⁶ Было учреждено в Любляне Даворином Трстеняком в 1872 г., с 1945 по 1990 г. входило в состав Союза писателей Югославии.

¹⁷ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 460.

¹⁸ В разные годы ее лауреатами становились П. Хандке, П. Эстерхази, З. Херберт, М. Кундера, Д. Албахари и др.

Гуманистической направленностью характеризовалась и деятельность национального ПЕН-клуба¹⁹, где в 1984 г. был учрежден международный комитет «Писатели за мир», на протяжении десятилетий проводящий антивоенные акции.

Именно в писательской среде родилась идея создания нового журнала, который соединил бы «мысль и стих» (Н. Графенауэр²⁰), «демократию и национальную идею» (П. Ямбрек²¹). «Замысел издания возник у нас с поэтом Нико Графенауэром, который в это время был носителем объединяющего, центростремительного начала в творческих кругах. С его подачи я сел за проект такого журнала»²², – вспоминал философ Т. Хрибар.

10 июня 1980 г. деятели культуры Словении, среди которых помимо Графенауэра и Хрибара были поэты С. Макарович, Борис А. Новак, литературный критик А. Инкрет, прозаик и публицист Д. Рупел и др. (всего шестьдесят человек), обратились к властям с официальным письмом об учреждении нового ежемесячного литературно-критического издания, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов»²³. «Сегодня, – подчеркивалось в письме, – в период равноправия традиционных и авангардных направлений, каждый имеет право на самовыражение, собственную художественную индивидуальность и идейную позицию. Мы живем в эпоху постмодернизма, в эпоху, когда искусство вновь становится искусством, освобождаясь от пут запрограммированной поэтики и эстетики»²⁴. На согласование ушло два года – первый номер издания, названного *Nova revija*, увидел свет в мае 1982 г.

¹⁹ Словенское отделение было установлено в 1926 г., через пять лет после открытия Лондонского ПЕНа, и является одним из старейших среди ПЕН-клубов славянских стран.

²⁰ *Grafenauer N.* Fascit // *Nova revija*. 2007. № 300. S. 6.

²¹ *Jambreč P.* Zgodovinski spomin Nove revije in slovenska prihodnost v Evropi // *Ibid.* S. 62.

²² *Hribar T.* Euroslovenstvo. Ljubljana, 2004. S. 35.

²³ *Gabrič A.* Kulturniška «opozicija» podira tabuje // *Slovenska novejša zgodovina*. S. 1155.

²⁴ Цит. по: *Omerza I.* Veliki in dolgi pohod Nove revije. Celovec, 2015. S. 23.

В редакционный совет вошли все шесть вышеназванных учредителей, возглавил редакцию Т. Хрибар, в 1984 г. его сменили Д. Рупел и Н. Графенауэр, последний затем руководил изданием почти два десятилетия. Благодаря установке на идейный и эстетический плюрализм в журнале *Nova revija* публиковались словенские авторы самых разных общественно-политических взглядов и стилистических предпочтений – только в первый год среди них оказались М. Есих, Т. Шаламун, М. Видмар, Д. Зайц, В. Кавчич, Р. Шелиго, В. Зупан, М. Клеч, Д. Янчар и др. Помимо постоянных рубрик «Поэзия», «Проза», «Эссе», «Дискуссии», «Интервью», под специальные темы номеров объявлялись новые: «Европейский нигилизм», «О постмодернизме», «Югославское общество» и др., в ходе дискуссий обсуждались актуальные проблемы культуры, литературы и искусства, велась полемика по внутриполитическим и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общегославского контекста.

В журнале также публиковались материалы, ранее не подлежавшие огласке: военные письма Э. Коцбека²⁵, дневники Д. Пирьевца²⁶, воспоминания эмигрировавшего Пучника, произведения преследуемых режимом авторов из других республик СФРЮ: Д. Чосича, В. Готоваца, М. Салихбеговича, В. Шекса и др. Принципиальным для стратегии издания было также знакомство читателей с крупными иностранными авторами – Э. Хербертом, Ч. Милошем, В. Шимборской, П. Хандке, Н. Махфузом, Д. Марани, У. Эко и др.; и мыслителями – Ж. Деррида, Ю. Хабермасом, Ф. Фукуямой, К. Леви-Строссом, Н. Луманом, Ж. Бодрийяром, Ч. М. Тейлором,

²⁵ Коцбек Эдвард (1904–1981) – словенский поэт, мыслитель и общественный деятель, участник НОБ, в начале 1950-х годов открыто выступил за свободу творчества и право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, чем заслужил репутацию первого в социалистической Республике Словении диссидента.

²⁶ Пирьевец Душан (1921–1977) – словенский литературовед, профессор Люблянского университета, один из неформальных лидеров демократического движения среди студенческой молодежи, противник идеи интегрального югославянства.

С. Ф. Хантингтоном и др. Однако несмотря на постоянный приток новых литературных сил (М. Кне, И. Светина, Ф. Франчич, Лела Б. Ньятин, А. Ихан, Берта Боету и др.) и приглашение к сотрудничеству писателей-эмигрантов Т. Дебеляка и З. Симчича, долгие годы запрещенных на родине, к середине 1980-х публицистическая и критическая направленность журнала все более усиливается, он перестает быть просто «культурным ежемесячником» и становится ареной общественно-политических дискуссий. Не все учредители издания «Нова ревия» были согласны с таким курсом – так, например, когда политика в журнале начала вытеснять поэтику, с ним отказалась сотрудничать поэтесса С. Макарович.

В феврале 1987 г. в 57-м номере *Nova revija* (прямая отсылка к запрещенному в конце 1950-х годов изданию *Revija 57*) были опубликованы «Статьи на тему словенской национальной программы» – шестнадцать текстов, авторами которых выступили философы, социологи, литераторы, культурологи. Они содержали не только требования рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и призывы к провозглашению государственной независимости Словении, превращению ее в самостоятельное демократическое многопартийное государство.

В заметке «От редколлегии» говорилось: «Настоящий номер журнала *Nova revija* содержит философские и социологические статьи и эссе, освещающие проблемы словенского народа как в исторической перспективе, так и с точки зрения его будущности. <...>. Речь идет о новой концепции нации, утверждению ее в статусе потенциально суверенной»²⁷. К важнейшим из этих текстов относятся «Словенская государственность»²⁸ Т. Хрибара, «Ответ на словенский национальный вопрос»²⁹ Д. Рупела, «Политическая система гражданского общества»³⁰

---

²⁷ Uredništvo Nove revije // *Nova revija*. 1987. № 57. S. 1–2.

²⁸ *Hribar T. Slovenska državnost* // *Ibid.* S. 22.

²⁹ *Rupel D. Odgovor na slovensko narodno vprašanje* // *Ibid.* S. 60–65.

³⁰ *Pučnik J. Politični sistem civilne družbe* // *Ibid.* S. 135–142.

Й. Пучника, «Право словенского народа на самоопределение»³¹ П. Ямбрека, «Правовое урегулирование положения словенцев как нации»³² Ф. Бучара. По сути, это была первая национальная политическая программа оппозиции, в которой открыто говорилось о кризисе югославской социалистической системы и путях выхода из нее Республики Словении. По мнению авторов, коммунисты, находящиеся у власти, были не способны провести эти идеи в жизнь. Радикальные предложения «новоревиевцев», реализация которых могла бы полностью изменить политическую ситуацию в регионе, вызвали широкий резонанс как в Словении, так и в СФРЮ. Реакция не только югославской, но и словенской общественности была крайне неоднозначной. Согласно социологическому опросу 1986 г. до 60 % респондентов еще доверяли системе социалистического самоуправления и полагали, что выход из политического и экономического кризиса возможен лишь в рамках существующей политической системы³³. «Взрывоопасный» 57-й номер был изъят из книжных магазинов и библиотек, главный редактор заменен (на время им стал поэт Борис А. Новак), однако издание не было закрыто. Т. Хрибар, В. Рус, Ф. Бучар и Д. Рупел продолжили свою законотворческую деятельность, приняв участие в создании новой конституции, задачей которой стала юридическая легитимация изменения политического статуса Словении. Пилотный вариант конституции был опубликован в апреле 1988 г., впоследствии он был использован при создании Конституции Республики Словении, принятой 23 декабря 1991 г.

Общественная деятельность инакомыслящей творческой и научной интеллигенции привела к тому, что 11 января 1989 г. была учреждена первая оппозиционная политическая партия Словении – Словенский демократический союз (СДС), активное участие в создании которого приняли тогдашний глава

³¹ *Jambreč P. Pravica do samoodločbe slovenskega naroda // Ibid. S. 158–160.*

³² *Bučar F. Pravna ureditev položaja Slovencev kot naroda // Ibid. S. 151–157.*

³³ *Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države... S. 475.*

Общества писателей Словении Р. Шелиго и новоревиивец Д. Рупел, который и возглавил СДС. Учреждены были также партия христианских демократов, партия Словенский крестьянский союз (с 1992 г. Словенская народная партия), партия Словенский демократический союз, Либеральная партия, Социал-демократическая партия и Партия зеленых. В конце 1989 г. они объединились в коалицию Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС), которая в качестве своих приоритетов провозгласила создание «гражданского общества с правовым государством и плюралистической демократией, а также национальный, политический и экономический суверенитет»³⁴. В это время редакция журнала *Nova revija* становится, по мнению Н. Графенауэра, «интеллектуальным центром “словенской весны”, местом, где формировались принципы будущей государственности»³⁵ и где родилась идея проведения республиканского плебисцита по вопросу суверенитета. Он был проведен 23 декабря 1990 г. За образование самостоятельного словенского государства проголосовало 88,5 % опрошенных³⁶. В марте того же года перед первыми многопартийными выборами в национальный парламент вышел 95-й номер журнала, названный «Независимая Словения», его агитационное содержание отчасти повлияло на настроения в обществе и результаты голосования.

На первых многопартийных демократических выборах в национальный парламент в апреле 1990 г. более половины голосов избирателей обеспечили победу коалиции ДЕМОС. Государственная самостоятельность Республики Словении была провозглашена 25 июня 1991 г. В состав ее первого правительства вошло два писателя: прозаик А. Цапудер в качестве министра культуры и Д. Рупел, возглавивший министерство иностранных дел.

³⁴ Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС) // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 293.

³⁵ *Grafenauer N.* Fascit... S. 10.

³⁶ *Пилько Н. С.* Образование независимой республики Словения (1980–2006) // История Словении. СПб., 2011. С. 423.

После 1991 г. журнал *Nova revija* видел свою задачу в «формировании европейской идентичности граждан Словении, расширении кругозора национальной интеллигенции и широкого круга читателей в условиях глобализации» (И. Урбанчиč)³⁷. Этому способствовал выпуск отдельных номеров, посвященных актуальным проблемам национальной, общественно-политической и литературной жизни Словении и Европы («Словенцы и будущее», 1993; «Освобожденная Словения», 1999; «Я, время и история», 2001; «Европейский вызов», 2003 и др.), а также новые проекты: учреждение на базе издательского дома «Nova revija» (1990) дочерних изданий *Poligrafi* (с 1996), *Dignitas* (с 1999), *Ampak* (2000–2010), открытие гуманитарного интердисциплинарного исследовательского института «Nova revija» (2006). В конце 2000-х годов *Nova revija*, долгое время остававшаяся в массовом сознании символом борьбы за национальный суверенитет, постепенно теряет свою безусловную репутацию рупора демократии, все больше впадает в зависимость от текущей политической конъюнктуры, в 2010 г. издание журнала прекращается. Важнейшим в его послужном списке остается десятилетие 1982–1992 гг., когда журнал фактически стал штаб-квартирой политической оппозиции, где закладывались основы будущей многопартийной системы и вырабатывались принципы национальной государственности.

«Вольные» литературно-критические журналы *Perspektive* и *Nova revija*, выходявшие в Словении в период существования СФРЮ, бесспорно, оказали влияние на гражданское сознание словенцев и общественную атмосферу в республике в целом. Отказавшись от своего «традиционного» амплуа – формировать представления современников о литературных авторитетах, прояснять направленность развития литературной культуры, эти литературно-критические («толстые») журналы переориентировали свою проблематику в общественно-политическое русло, чтобы привлечь внимание к политическим, социологическим, философским, даже экономическим дискурсам. Сменив

³⁷ *Urbančič I.* Nevarnost biti: krokiji o duhu evropskosti. Ljubljana, 2003. S. 18.

«перо» на «штык», они стали катализатором общественных перемен, трибунами, на которых национальная творческая интеллигенция активно отстаивала демократические свободы и национальный суверенитет, тем самым внесли свою посильную лепту в демонтаж югославской социалистической системы.

Ю. С. Мерецкая

Мюнхенская школа Антона Ажбе и особенности его педагогического метода

Yu. S. Meretskaya

Anton Ažbe's Munich School and his pedagogical method's features

Аннотация: Студия словенского художника-педагога Антона Ажбе, открытая в 1891 г., была одной из самых известных частных художественных школ Мюнхена и привлекала множество студентов со всего мира. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей педагогического метода Ажбе и специфики устройства его мюнхенской школы. Приведены данные об учениках школы, расписании, программе и условиях обучения. Описана интересная взаимосвязь школы Ажбе и Мюнхенской Академии художеств. По сохранившемуся проспекту с программой школы 1900 г. и другим источникам этого периода реконструированы особенности педагогического метода Ажбе. Рассматриваются инновации, привнесенные в процесс обучения русским живописцем И. Э. Грабарем, в период существования совместной школы Ажбе и Грабаря. Описаны элементы психологического подхода Ажбе.

Ключевые слова: Антон Ажбе, педагогический метод Ажбе, школа Ажбе, искусство Мюнхена, словенское искусство, немецкое искусство, искусство XIX века, И. Э. Грабарь

Abstract: Slovenian artist-teacher Anton Ažbe's studio, opened in 1891, was one of the most famous private art schools in Munich and attracted a lot of students from all over the world. This article is devoted to the Ažbe's pedagogical method's features and the structure of his Munich school's specifics. The data of Ažbe's school students, schedule, program and training conditions are given. An interesting relationship between the Ažbe's school and the Munich Academy of Fine Arts is described. According to the preserved prospectus

with the school program of 1900 and other sources of this period, the Ažbe's pedagogical method's features are reconstructed. The innovations introduced into the education process by Russian painter I. E. Grabar during the existence of the joint school of Ažbe and Grabar are considered. The elements of Ažbe's psychological approach are described.

Keywords: Anton Ažbe, Ažbe's pedagogical method, Ažbe's school, Munich art, Slovenian art, German art, 19th century art, I. Grabar

Педагогический метод словенского художника Антона Ажбе (1862–1905), в конце XIX в. открывшего в Мюнхене частную художественную школу, сыграл немаловажную роль в развитии живописи в конце XIX – первой половине XX в. Как писал российский искусствовед В. С. Турчин, «известность этого педагога, из числа последних мастеров своего дела, была такого же рода, что Тома Кутюра в Париже или Павла Чистякова в Петербурге»¹. Школа Ажбе оказала влияние не только на развитие живописи реалистического направления, но и заложила основу для целого ряда новаторских направлений в искусстве раннего авангарда благодаря разработанным Ажбе педагогическим принципам – «Принципу шара» и «Принципу кристаллизации краскою»².

Следуя «Принципу шара», в процессе создания рисунка в первую очередь необходимо было разобраться в устройстве изображаемого и свести его к простым формам и только потом стараться передать зрительное впечатление от объекта, согласно веяниям искусства того времени. Определив крупную простую форму и проведя светотеневую моделировку, следовало постепенно перейти к малым формам и найти пропорциональные соотношения между ними.

¹ Турчин В. С. Кандинский в России: биографические этюды, иконологические экскурсии, документы. М., 2005. С. 74.

² Подробнее биографию Ажбе, историю создания студии, педагогические принципы см.: Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Антон Ажбе и художники России. М., 2001; Мерцкая Ю. С. Влияние педагогического метода А. Ажбе на развитие живописи в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Slovenica IV. Российско-словенские отношения в XX веке. М., 2018. С. 220–230.

«Принцип кристаллизации красок», используемый в живописи, также отражал общеевропейские тенденции и в чем-то был близок импрессионизму, однако имел отличия в технике. Он предполагал набор с палитры нескольких необходимых для мазка красок на одну и ту же кисть и немедленное их нанесение на холст без перемешивания на палитре. Импрессионисты же каждый раз брали кистью только один цвет³.

Ученики Ажбе достигли значительных успехов в творчестве не только благодаря освоенным ими педагогическим принципам, давшим прочную базу технических навыков. Метод Ажбе был гораздо шире – он включал в себя и особый педагогический подход, опиравшийся на психологию, предполагавший всестороннее интеллектуальное и эстетическое развитие студентов. Также нельзя умалять значение организационных аспектов функционирования студии и царившей в ней обстановки. Таким образом, в данной статье будут рассмотрены особенности педагогического метода Ажбе и специфика устройства его мюнхенской школы.

Весной 1891 г. Антон Ажбе открыл свою собственную частную художественную школу и руководил ею почти 15 лет. Школа не теряла своей популярности и после смерти Ажбе в 1905 г. Студией, называемой «Школа Ажбе», вначале некоторое время владел ученик Ажбе Рихард Граф, также, по воспоминаниям словенского художника, ученика Ажбе, Матея Стернена, известно, что в 1914 г. школа все еще находилась в том же здании⁴. В данной статье рассматривается период работы школы Ажбе при его жизни, т. е. с 1891 по 1905 г.

Школа Ажбе меняла название один раз за все время своего существования. В 1899 г. Ажбе предложил своему российскому ученику Игорю Эммануиловичу Грабарю преподавать в школе вместе с ним. Грабарь согласился, и для его отделения была арендована дополнительная мастерская на той же улице. Студия стала называться школой Ажбе и Грабаря. Совместное

³ *Tršar M.* Anton Ažbe. Ljubljana, 1991. S. 138.

⁴ *Sternen M.* Spomini na Ažbeta // Anton Ažbe in njegova šola. Katalog in zbornik. Ljubljana, 1962. S. 106.

учреждение успешно функционировало менее года, ориентировочно с июня 1899 г. до начала 1900 г.⁵, пока обучавшийся в нем князь Сергей Александрович Щербатов не предложил Игорю Грабарю заняться его индивидуальным обучением. Грабарь согласился, поскольку это позволило ему выделить больше времени для собственного творческого развития, ведь преподавательская деятельность в школе не оставляла ему такой возможности. Российский художник с теплотой вспоминает о периоде совместной работы с Ажбе: «<...> мы дружески и славно поделили наши “сферы влияния”. Ни разу за все наше совместное существование между нами не было ни малейших поводов для взаимного недовольства или трений»⁶.

С 1891 по 1905 г., в период, когда школой руководил непосредственно Ажбе (включая совместный год с Грабарем), ее учениками стало около 150 человек со всех концов света, разного уровня подготовки и с различной мотивацией к обучению. Из источников известно, что к концу XIX в. более 100 молодых художников, приезжавших в Мюнхен из-за границы, выбрали школу Ажбе в качестве подготовительного, дополнительного или основного образования, в большинстве случаев на 2 или 4 года.

Стоит отметить интернациональный состав школы, включающий представителей более 20-ти народов⁷. Среди них были русские, поляки, венгры, боснийцы, румыны, сербы, хорваты, словенцы, чехи, немцы, австрийцы, эстонцы, литовцы, словаки, швейцарцы. Кроме того, в ней обучались англичане, болгары, датчане, финны, испанцы, итальянцы, шведы и даже американцы. Российские ученики Ажбе упоминают также о греках, французах и мексиканцах⁸ и о двух японцах, «потерявших национальные приемы и очень нудно перенявших систему зри-

⁵ Дата уточнена В. И. Барановским и И. Б. Хлебниковой. См.: *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 43.

⁶ *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 137.

⁷ *Ambrožič K.* Wege zur Moderne und die Azbe-Schule in München // *Pota k Moderni in Ažbetova šola v Münchnu.* Weisbaden–Ljubljana, 1988–1989. S. 212.

⁸ *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 152.

тельных восприятий европейцев»⁹. Говорили в студии в основном по-немецки, потом – по-французски и по-русски¹⁰. В школе Ажбе учились и его соотечественники Р. Якопич, И. Грохар, М. Яма и М. Стернен, которые позже образовали течение словенского импрессионизма. Примечательно, что по уточненным российскими исследователями В. И. Барановским и И. Б. Хлебниковой данным, у Ажбе обучались около 50-ти российских художников¹¹. В их числе были И. Э. Грабарь, Давид Давидович Бурлюк, Мстислав Валерианович Добужинский, Василий Васильевич Кандинский, Дмитрий Николаевич Кардовский, Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, Алексей Георгиевич Явленский и многие другие.

Поступающие в школу Ажбе художники имели совершенно разный уровень профессиональной подготовки. Одни были новичками, другие пришли после учебы за рубежом, а третьи – параллельно обучались в Академии художеств. В школу Ажбе приходили освежить свои навыки даже маститые художники, например, упоминаемый И. Э. Грабарем Рудольф Хирт дю Френе¹².

Также среди учеников были и аристократы, нередко новички на художественном поприще, к которым Ажбе, по отзывам современников¹³, питал некоторую слабость. В студии обучались принц Фридрих-Карл Гессенский, принц Эрнст Саксен-Мейнингский, князь С. А. Щербатов, князь Кудашев, княгиня Вреде, граф Фирмиан, граф Кренвилл, барон К. К. Рауш вон Траубенберг, Н. Н. Зедделер и другие. Ученики из высших кругов, безусловно, поднимали репутацию школы на более высокий уровень.

Весьма показательны взаимоотношения школы Ажбе и Мюнхенской Академии художеств, которая рекомендовала своим абитуриентам подготовку в студии словенца перед по-

⁹ *Петров-Водкин К. С.* Хлыновск. Пространство Евклида. Самаркандия. Л., 1970. С. 394.

¹⁰ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

¹¹ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 9.

¹² *Грабарь И. Э.* Указ. соч. С. 138.

¹³ *Добужинский М. В.* Указ. соч. С. 152.

ступлением. Некоторые ученики Ажбе параллельно учились в Академии художеств, а некоторые даже после ее окончания приходили к Ажбе на дополнительное обучение. Педагог был очень доволен этим фактом и вспоминал, что вначале у него в школе обучалось много бывших соучеников по Мюнхенской Академии художеств. Примечательно, что Академия художеств заверяла своей печатью дипломы школы Ажбе. В художественной галерее в Сараево хранится сертификат с печатью Мюнхенской Академии, выданный А. Ажбе по окончании обучения в школе ученику Джордже Михайловичу¹⁴.

Студия Ажбе восполняла пробел в женском художественном образовании, так как была одной из немногих школ, где могли обучаться женщины, в отличие от Академии художеств и других художественных организаций того времени. Школа принимала женщин разного возраста из разных стран, в том числе из Восточной Европы¹⁵.

Состав учеников постоянно менялся: одни уходили, другие приходили, третьи работали периодически в течение нескольких лет, а некоторые даже возвращались после длительного перерыва. Ежедневно в студии Ажбе занималось по 80–100 учеников¹⁶, которые обычно проводили там целый день. Когда места не хватало на всех желающих, что случалось довольно часто, Ажбе отдавал приоритет тем, кто пришел раньше¹⁷. Известная сербская художница Надежда Петрович, ученица Ажбе, сравнивала школу с «Ноевым ковчегом» из-за многонациональности и обилия учеников¹⁸.

Это, безусловно, свидетельствует о небывалой популярности частной школы и широком признании заслуг Ажбе как педагога. Летом 1896 г. Грабарь, еще будучи студентом

¹⁴ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200, 216. Op. 48.

¹⁵ *Novakov A.* Play of Lines: Anton Ažbe Art Academy and the Education of East European Female Painters. San Francisco, 2011. P. 39.

¹⁶ *Mesesnel F.* Anton Ažbe // Zbornik za umetnostno zgodovino. Ljubljana, 1924. L. IV. № 1. S. 2; *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

¹⁷ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 38.

¹⁸ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

Санкт-Петербургской Академии художеств, с разрешения Ильи Ефимовича Репина приехал в Мюнхен вместе со своим другом Д. Н. Кардовским. В городе у начинающего художника был знакомый – И. Фетов, который отговорил молодых людей поступать в школу Ш. Холлбóши – конкурента Ажбе, как они сначала собирались, и посоветовал пойти к словенцу, аргументируя это тем, что «<...> его школа лучшая и сам он лучше всех и как педагог, и как человек»¹⁹. Фетов оказался абсолютно прав, в чем Грабарь убедился на личном опыте.

Впрочем, самим ученикам студии подобная ее известность не всегда шла на пользу и доставляла определенные неудобства, что не могло не сказаться и на их посещаемости. Например, зимой 1898–1899 гг. российский художник Д. Н. Кардовский перестает приходить в мастерскую днем, что объясняет изменившейся обстановкой в школе Ажбе. В своих воспоминаниях он пишет об огромном количестве учеников, тесноте и дурном тоне, совсем не таком, как двумя годами ранее²⁰. Однако и В. В. Кандинский, обучавшийся как раз двумя годами ранее, в 1897 г., несмотря на прекрасное отношение к Ажбе как к личности, ненадолго задержался в его «знаменитой в ту пору, битком набитой школе живописи»²¹. Он в красках описывает царящую там обстановку, которая его весьма угнетала. Однако стоит заметить, что Кандинский – будущий основоположник беспредметной живописи – с трудом переносил не столько физические неудобства, а, скорее, диссонанс, возникающий из-за несоответствия его внутреннего видения целей искусства однообразным штудиям в школе. К. С. Петров-Водкин, приехавший в Мюнхен в 1901 г., отмечал «провинциализм, завезенный каждым из своей страны вместе с табаком и привычками», и считал его «общим несчастьем молодежи мастерской Ашбе»²².

---

¹⁹ *Грабарь И. Э.* Указ. соч. С. 119.

²⁰ *Кардовский Д. Н.* Об искусстве. Воспоминания, статьи, письма. М., 1960. С. 69–70.

²¹ *Кандинский В. В.* Ступени. Текст художника. М., 1918. С. 37.

²² *Петров-Водкин К. С.* Указ. соч. С. 395.

Опубликован сохранившийся четкий и лаконичный проспект²³ с программой школы от 1900 г., составленный и изданный Ажбе. Очевидно, к этому моменту период совместного руководства школой вместе с И. Э. Грабарем, начавшийся летом 1899 г., уже завершился. В проспекте указано, что у школы Ажбе есть две мастерские – на Георгенштрассе 16 и Амалиенштрассе 57, а директор школы Антон Ажбе обитает в частном ателье на Георгенштрассе 40. Школа Ажбе находилась в Швабинге – художественном центре Мюнхена. Мастерская на Георгенштрассе 16 располагалась недалеко от Академии Художеств в оригинальном деревянном доме, утопающем в зелени. К школе нужно было идти по тропинке между виллами и садами, рядом с которой была прибита деревянная табличка «Aßbegasse» (переулок Ажбе (нем.) – Ю. М.). На входной двери как девиз было написано «Nur Fest!» (смело!) и «Kugelprinzip» («Принцип шара»), и нарисован символизирующий его шар²⁴. Здание было двухэтажным. Первый этаж состоял из большого зала с галереей и гардероба с умывальней, а на втором были крошечная спальня и рабочая комната, которые временами бесплатно занимали старосты школы²⁵. В воспоминаниях учеников Ажбе присутствуют подробные описания зала на первом этаже, сводящиеся к тому, что он представлял собой вместительную мастерскую с высоким потолком и огромным панорамным окном, «всю заставленную мольбертами и табуретками»²⁶.

Примечательной особенностью этого зала была стена с образцами для подражания, среди которых были фотографии работ не только гениальных художников прошлого – Гольбейна и Веласкеса, Тициана, Тинторетто и Гойи, но и современника – Вильгельма Лейбля²⁷. Над репродукциями в качестве примера также вывешивались самые удачные ученические работы, так

²³ *Mesesnel F.* Op. cit. S. 2–3.

²⁴ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 199.

²⁵ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 37.

²⁶ *Грабарь И. Э.* Указ. соч. С. 120.

²⁷ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 199.

как важным аспектом педагогического метода Ажбе было выявление наиболее сильных учеников для последующего ориентирования на них остальных. Нужно отметить, что Ажбе признавал рисунки лучшими, судя не по академической завершенности, а по факту верного решения определенной методической задачи. Живописи на стене было больше, чем рисунков²⁸. И. Э. Грабарь и Д. Н. Кардовский, чьи работы, наряду с работами А. Г. Явленского, В. В. Кандинского, чеха Э. Замразила и других, нередко попадали на эту своеобразную «доску почета», отмечали высокий уровень исполнения ученических работ студии Ажбе по сравнению с образцами, представленными в мастерской И. Е. Репина. На узком простенке, отдельно от других работ, была вывешена картина Ажбе «Негритянка», которую художник считал воплощением своего «Принципа шара»²⁹.

Необычность здания мастерской на Георгенштрассе 16 отметил один из российских учеников Ажбе – Мстислав Добужинский: «Школа <...> помещалась, к моему удивлению, в большой бревенчатой избе квазирусского стиля с петушками и резными полотенцами. <...> Этот курьезный дом стоял в стороне от улицы и весь был окружен деревьями»³⁰.

Судя по воспоминаниям М. Стернена³¹, «курьезный дом» был бывшей виллой князя Щербатова, русского дипломата, который, уезжая из Мюнхена, продал ее архитектору Эммануэлю фон Зайдлю, а тот в свою очередь сдал здание Ажбе. У В. И. Барановского и И. Б. Хлебниковой приведена иная информация, полученная из Мюнхенской государственной библиотеки: с 1889 по 1921 гг. дом на Георгенштрассе 16 был в собственности у Фридриха фон Тирша – друга Ажбе и профессора строительного искусства³². Вне зависимости от того, кто действительно был его владельцем, это сооружение долгие годы было поме-

²⁸ Молева Н. М., Белютин Э. М. Школа Антона Ажбе. К вопросу о путях развития художественной педагогики на рубеже XIX–XX ввек. М., 1958. С. 33.

²⁹ Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 120–121.

³⁰ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 148.

³¹ Sternen M. Op. cit. S. 102.

³² Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Указ. соч. С. 37.

щением школы Ажбе и его своеобразным символом. Здание было разрушено в июле 1944 г. в результате воздушного налета. В 2004 г. в Мюнхене на месте «курьезного дома» в современном Леопольдпарке был открыт памятный бюст Ажбе, выполненный словенским скульптором Мирсадом Бегичем³³.

Согласно проспекту, школа подразделялась на два отделения – *Herrenschule* (мужская школа) и *Damenschule* (женская школа). Как указано у М. Стернена, *Herrenschule* размещалась в деревянном доме на Георгенштрассе 16, а *Damenschule* – на Амалиенштрассе 57, однако разделения учеников по гендерному признаку в действительности не было³⁴. Они распределялись в отделения для начинающих и продолжающих в зависимости от уровня подготовки³⁵. Лучшие ученики время от времени работали в ателье самого Ажбе на Георгенштрассе 40³⁶.

В проспекте приведено летнее и зимнее расписание занятий в школе Ажбе. Учебный день делился на три периода – утренний, дневной и вечерний, которые слегка смещались по времени в зависимости от сезона. Примечательно, что суммарное количество часов занятий в зимний день было на полтора часа меньше, чем в летний, что, скорее всего, было связано с коротким световым днем. Так, летом в студию на утреннее занятие нужно было приходить к 8:00 утра, а зимой – к 8:30, однако заканчивалась работа в одно и то же время – в 12:00. В летний день ученики занимались три часа – с 14:00 до 17:00, а в зимний – лишь два – с 13:30 до 15:30. Зато вечерние занятия вне зависимости от сезона проходили с 17:00 до 19:00, однако их содержание значительно различалось. Если зимой ученикам предлагалось рисовать вечерний акт по женской или мужской модели, то летом они занимались анатомическим рисунком по имеющимся гипсовым слепкам.

³³ *Smrekar A. Predgovor // AA: Anton Ažbe: človek, slikar in učitelj. Ljubljana, 2008. S. 10.*

³⁴ *Sternen M. Op. cit. S. 102.*

³⁵ *Artifeks. Slovenski slikarji v Monakovem // Anton Ažbe in njegova šola. Katalog in zbornik. Ljubljana, 1962. S. 77.*

³⁶ *Ambrožič K. Op. cit. S. 200.*

В школе Ажбе предлагалось ежемесячно вносить гонорар, и при этом предоставлялись гибкие условия посещения и оплаты занятий – можно было находиться в школе целый день либо выбрать один из учебных периодов – утро, день или вечер, и оплачивать только его. Гонорар опять же несколько варьировался в зависимости от сезона. Так, целый летний день стоил 26 марок, а зимний – 27, хотя, как уже упоминалось, летом ученики занимались на полтора часа больше, чем зимой. Вероятно, в этом случае разница в цене обусловлена издержками, связанными с отоплением помещения, освещением и другими вопросами обустройства быта. Независимо от сезона за посещение вечернего занятия в течение месяца требовалось 10 марок, утреннего – 18 марок, а дневного – 15. После указания стоимости занятий в проспекте уточняется, что гонорар оплачивается перед занятием.

И далее, после четкой и строгой финансовой части, в проспекте 1900 г. отмечено, что особо талантливые учащиеся могут быть полностью или частично освобождены от оплаты³⁷. Отбор происходил следующим образом – новички, пришедшие в школу Ажбе, проходили своеобразное испытание – рисовали череп на втором этаже школы. Те ученики, которые хорошо справлялись и показывали Ажбе свой талант, могли учиться бесплатно³⁸. Так, российские художники К. С. Петров-Водкин³⁹, братья Владимир и Давид Бурлюки⁴⁰, хорват Й. Рачич⁴¹, немец К. Берманн⁴² и другие талантливые художники были освобождены от оплаты занятий. Как удивительно доброго и бескорыстного человека Ажбе также характеризует тот факт, что он всегда носил с собой определенную сумму денег и давал нуждающимся студентам,

³⁷ *Mesesnel F.* Op. cit. S. 2–3.

³⁸ *Becić V.* Josip Račić pri Ažbetu // Anton Ažbe in njegova šola. Katalog in zbornik. Ljubljana, 1962. S. 91.

³⁹ *Петров-Водкин К. С.* Указ. соч. С. 394.

⁴⁰ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 96.

⁴¹ *Becić V.* Op. cit. S. 91.

⁴² Christian Bärmann: Catalogue raisonné [Electronic resource]. Electronic data. URL: <https://chbaermann.art/cr/> (дата обращения: 07.07.2020).

причем эти средства часто к нему так никогда и не возвращались⁴³.

В проспекте указано, что в школу Ажбе можно было поступить в любой момент, заявки на поступление должен был получить владелец школы, а также староста соответствующего подразделения. Староста, так называемый *Obmann*, играл немаловажную роль в жизни школы. Он выбирался Антоном Ажбе из числа лучших учеников и являлся по сути руководителем студии, получая за свою активность определенную плату. В обязанности старосты входила корректура работ учеников студии, а также объяснение педагогических методов Ажбе. Примечательно, что лучшие ученики отделения продолжающих, не являющиеся старостами, также помогали начинающим корректурой и получали за это гонорар⁴⁴.

До 1897 г. старостой школы был чех Эмануэль Замразил, который бесплатно жил на втором этаже деревянного дома⁴⁵, а после его отъезда на родину Антон Ажбе предложил стать старостой школы И. Э. Грабарю, который с готовностью согласился. Молодой художник помогал вновь поступившим, объясняя им живописные принципы словенского педагога. Грабарь отмечает, что они с Ажбе «к тому времени <...> были уже давно друзьями»⁴⁶. В 1899 г., когда М. Стернен приехал в Мюнхен, мастерской на Амалиенштрассе 57 некоторое время руководил выпускник Ажбе пражский художник Рич⁴⁷.

Антон Ажбе не изложил свой метод в письменном виде и не оставил никакого эпистолярного наследия, кроме нескольких писем и открыток, поэтому основной источник информации о нем – отзывы учеников и современников. Данная попытка реконструкции метода Ажбе базируется на источниках, освещающих 1899–1900 гг., зрелый период функционирования школы, а также на некоторых заключениях исследователей метода

⁴³ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

⁴⁴ *Artifeks.* Op. cit. S. 77.

⁴⁵ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 37, 40.

⁴⁶ *Грабарь И. Э.* Указ. соч. С. 128.

⁴⁷ *Stenen M.* Op. cit. S. 102.

Ажбе. Сложность реконструкции заключается в том, что часть источников описывают период, когда в студии преподавали одновременно и сам Ажбе, и его ученик Грабарь (ориентировочно июнь 1899 г. – начало весны 1900 г.), привнесший некоторые новшества в процесс обучения.

Новые живописные тенденции конца XIX в. привели к отсутствию строгой системы обучения. Ажбе, зная эти слабые стороны современной педагогики, искал наиболее удачный метод, который мог бы стать основой для художников, и добился на этом поприще выдающихся результатов.

А. Ажбе, как сын своего времени, был в курсе всех новейших теорий в сфере искусства и общался с мюнхенской интеллектуальной элитой. Находясь в эпицентре событий, он чутко улавливал все новаторские идеи, однако специально философией и теорией искусства не занимался. Это, безусловно, отразилось и на его методе, который был более современен, чем академическая система. Известно, что его школу рекомендовали самые прогрессивные учителя академии⁴⁸. Метод Ажбе пересматривал академическую систему конца XIX в. и отчасти новейшие веяния модернизма и импрессионизма. Педагог попытался объединить некоторые из параллельных методов обучения, в основном более прогрессивных, чем методы академии и других частных школ (о сути формы и освобождения чистой краски, о штрихе как отражении темперамента художника, о праве на индивидуальное видение взаимоотношения художник – природа – труд), но выводы предлагал делать ученикам самостоятельно.

Практически все исследователи сходятся в том, что у Ажбе не было педагогической системы в ее понимании как законченного комплекса образования и воспитания художника. Он ставил перед собой более ограниченную задачу – придать объективный характер творчеству художника в условиях расцвета импрессионистических и других современных веяний – и создал метод воспроизведения природы в реалистическом ключе. Нужно заметить, что эффект от метода Ажбе превзошел стремления педагога. Он не только дал ученикам умение работать в рамках

⁴⁸ *Ambrožič K. Op. cit. S. 205.*

живописи реалистической направленности, но и открыл им путь к иным стилистическим направлениям.

Ажбе, как подчеркивают Н. М. Молева и Э. М. Белютин, знакомил учеников именно с методом работы – с общими правилами и закономерностями искусства, – а не с отдельными приемами, то есть обучением работе в какой-то определенной манере. Таким образом в рамках метода ученики сами выработывали для себя приемы, а школа помогала художникам формировать стержень их творчества. Целью Ажбе было воспитание не ремесленника, а свободно мыслящего художника⁴⁹. Именно поэтому таланты учеников Ажбе проявились в совершенно разных стилистических направлениях. Американские искусствоведы П. Вейсс, а вслед за ней и П. Моррин, напротив, рассматривают методику Ажбе именно как программу обучения техническим приемам⁵⁰.

Полагаем, что Н. М. Молева и Э. М. Белютин ближе к истине, так как овладение техническими приемами не могло бы дать такой ошеломительный результат – огромное количество талантливых художников, вышедших из школы Ажбе. Кроме того, словенский педагог не только обучал художников технике рисунка и живописи, но и развивал их интеллектуально и эстетически. Известно, что Ажбе специально выхлопотал для своих учеников бесплатный доступ в Пинакотеку (картинную галерею Мюнхена), чтобы они лучше понимали варианты индивидуального применения технических знаний и уходили от копирования. Кроме того, словенский педагог рекомендовал ученикам посещение некоторых экспозиций, например, малоизвестного в то время, но высоко ценимого Ажбе немецкого художника Ханса фон Маре, все работы которого выставлялись в загородном королевском дворце Шляйсхайм⁵¹.

Проявлением педагогического таланта Антона Ажбе было не только развитие способностей учеников и помощь в вы-

⁴⁹ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 31, 46.

⁵⁰ *Morrin P. Some remarks on resented Ažbe Scholarship // Slovene Studies Journal. Princeton, 1979. № 1. P. 28.*

⁵¹ *Ambrožič K. Op. cit. S. 201, 203.*

работке индивидуальной живописной манеры, но и особый психологический подход. Ажбе очень хорошо разбирался в людях, что подтверждается его построением учебного процесса и взаимоотношений между учениками. К. С. Петров-Водкин в своих воспоминаниях отмечает психологический аспект метода обучения Антона Ажбе в качестве примера удачного педагогического подхода, который часто встречался в немецких академиях. «Опытные учителя <...> прежде всего правильно растасуют колоду своих учеников и незаметно, отрывками беглых замечаний, организуют выдающихся в небольшую группу. Из этой группы, опять-таки вскользь, не задевая самолюбия остальных, выделяют они вожака и уже на нем сосредоточат руководство мастерской. Через вожака, как через рупор, проводят они основные задачи преподавания на примерах его работ»⁵².

Этой же цели служили и упомянутые выше стена с образцами, и система старост, и корректура более опытными учениками работ новичков. К тому же, для того чтобы более слабые художники подтягивались, наблюдая процесс работы более сильных, Ажбе часто приглашал самых одаренных учеников, уже закончивших курс, поработать в его школе. Из переписки Д. Н. Кардовского с его невестой О. Л. Делла-Вос становится понятно, что художник с готовностью принимал подобные приглашения Ажбе, которые объяснял тем, что «в теперешнем составе его учеников очень мало кто что-нибудь умеет»⁵³. Несмотря на наличие собственного ателье, Кардовский не только выполнял дружеские просьбы учителя, но и по собственному желанию продолжал работать в школе Ажбе каждый вечер.

Антон Ажбе был тонким психологом и с чуткостью находил нужный подход к каждому ученику. Однако при работе с новичками этот процесс не всегда проходил безболезненно. Сначала Ажбе какое-то время присматривался к ученику и позволял ему писать в привычной манере, чтобы объективно оценить его художественные навыки и потенциал. Затем он заставлял новичка усомниться в своих прежних художественных навыках и

⁵² Петров-Водкин К. С. Указ. соч. С. 294–295.

⁵³ Кардовский Д. Н. Указ. соч. С. 70.

объяснял основные принципы, не останавливаясь на частностях, чтобы ученик выработывал собственные приемы для развития своей индивидуальности.

Такой подход хорошо иллюстрирует описанная российским учеником Ажбе Михаилом Федоровичем Шемякиным ситуация, произошедшая в самом начале его обучения. В течение пяти дней Ажбе молча подходил к мольберту Михаила и стирал его рисунок без каких-либо объяснений, приговаривая только, что так рисовать нельзя. Молодой художник совершенно расстроился и хотел даже уйти из школы, но его удержала жена, убедив набраться терпения и ждать. И действительно, на следующий же день Ажбе, стерев очередной неудачный рисунок Шемякина, уже не отошел, а начал обстоятельно объяснять свой «Принцип шара»⁵⁴.

Обучение в студии Ажбе, не должно было подменять базовое художественное образование. Оно строилось исходя из того, что ученики уже обладают хорошей профессиональной подготовкой и пришли, чтобы дальше совершенствовать свое мастерство. Этому способствовали сокращенный объем курса и особый педагогический метод⁵⁵. Однако не стоит забывать, что, как уже было указано выше, учащиеся распределялись в зависимости от уровня подготовки в отделения для начинающих и продолжающих⁵⁶, так как в студию поступали и совсем новички, чаще всего из кругов высшего общества. Известно, что, хотя у всех учеников был разный уровень подготовки (вероятно, все же в рамках одного и того же отделения – либо для начинающих, либо для продолжающих. – Ю. М.), Ажбе не заставлял их проходить единый курс обучения.

Примечательно, что занятия и живописью, и рисунком велись одновременно. Ажбе сразу сажал всех учеников за одну и ту же модель, ставя перед ними разные задачи сообразно их возможностям. Вначале ученики не успевали закончить работу за один раз, но потом постепенно овладевали всеми этапами.

⁵⁴ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 32, 85.

⁵⁵ Там же. С. 31.

⁵⁶ *Artifeks*. Op. cit. S. 77.

Мелочной опеки не было, ставилась общая задача, а частности продумывал сам ученик. Таким образом Ажбе учил не отдельным приемам, а общему методу.

В проспекте 1900 г. Антон Ажбе обязуется производить корректуру дважды в неделю, и уточняет, что анатомия и перспектива соответственно будет объяснены в ее процессе. В статье 1900 г. автора *Artifeks* также указано, что педагог корректирует работы учеников каждую среду и субботу⁵⁷, однако художница Бета Вуканович вспоминает, что Ажбе был в школе каждый день, корректировал и говорил об искусстве⁵⁸. Так или иначе, ясно одно – Антон Ажбе посвящал школе большую часть своего времени. Не зря его ученики говорили, что «одна только корректура Ажбе стоит больше, чем целый год учебы в Академии»⁵⁹. Педагог редко сильно исправлял работы учеников, стараясь ограничиваться схемами построения на краях листов, чтобы не помешать развитию их индивидуальности.

Курс школы Ажбе строился на всестороннем изучении человеческого тела. В ней, согласно проспекту 1900 г., обучали рисунку и живописи по живой модели, анатомии и перспективе, писали голову, костюм и акт, также выполняли анатомический рисунок по гипсовым слепкам. Предполагалось, что, освоив самое сложное – изображение тела, ученик дальше сам справится с более легкими задачами⁶⁰.

Спорным моментом является наличие в основном курсе Ажбе работы с натюрмортом и гипсом. Автор *Artifeks* в статье 1900 г., описывающей период совместного преподавания в школе Ажбе и Грабаря, указывает, что начинающие рисовали гипсовые маски, кроме того, оба отделения писали натюрморты на курсе Грабаря⁶¹. В статье, напечатанной в словенском журнале *Zbornik za umetnostno zgodovino* в 1924 г., так же упоминается,

---

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

⁵⁹ Цит. по: *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 39.

⁶⁰ *Молева Н. М., Белютин Э. М.* Указ. соч. С. 33–34, 67.

⁶¹ *Artifeks.* Op. cit. S. 77.

что некоторое время Грабарь был ассистентом Ажбе и вел курс натюрморта⁶². В. Кандинский в письме от 21 апреля 1900 г. (напомним, в начале 1900 г. Грабарь уже перестал преподавать совместно с Ажбе) к своему «заочному ученику» инженеру А. А. Паппе пишет о «мертвой натуре», натюрморте как упражнении для начинающих в школе Ажбе⁶³, вовсе не упоминая при этом Грабаря.

Следовательно, либо Кандинский по какой-либо причине умолчал об инициативе Грабаря, либо натюрморт преподавался у Ажбе и после того, как Грабарь прекратил преподавать и, соответственно, может рассматриваться как элемент его курса обучения. Первая из версий представляется наиболее вероятной по нескольким причинам. Во-первых, ни до, ни после Грабаря, как следует из содержания проспекта 1900 г., где владельцем указан только Ажбе, натюрморт у Ажбе не преподавался. Во-вторых, в письме к Кардовскому от 10 июня 1899 г. Грабарь упоминает свою инициативу с натюрмортом, объясняя ее слабым пониманием учениками живописи и сложностью объяснения ее аспектов с использованием голов натурщиков в качестве модели⁶⁴. И, в-третьих, Кандинский мог умолчать о Грабаре, посчитав это информацией, не относящейся к делу, так как его задачей было объяснить своему «заочному ученику» аспекты живописи. Таким образом, нельзя считать использование натюрморта в качестве натуры элементом основного курса Ажбе.

Что касается работы с гипсом, необходимо отличать использование гипсовых скульптур в качестве модели для рисования головы или фигуры (акта) и использование гипса для изучения анатомии.

В проспекте 1900 г. указано, что анатомия объяснялась при корректуре, кроме того, ученики выполняли анатомический рисунок по гипсовым слепкам. М. Добужинский отмечает, что

⁶² *Mesesnel F.* Op. cit. S. 3.

⁶³ *Турчин В. С.* Кандинский в России... С. 425. (Письмо № 4, 21 апреля 1900, Мюнхен).

⁶⁴ Цит. по: *Барановский В. И., Хлебникова И. Б.* Указ. соч. С. 42.

в студии находилась «гипсовая фигура мускулатуры человека и было несколько черепов»⁶⁵. Грабарь также вспоминает бесконечное рисование скелета и «мускульного человека» – гипсовой раскрашенной фигуры с обнаженными мышцами⁶⁶. Следовательно, гипсовые слепки, несомненно, использовались в школе Ажбе в качестве пособия для изучения анатомии.

К сожалению, не совсем ясно, что подразумевается под рисованием «гипсовых масок» начинающими⁶⁷, описанным в статье *Artifeks* 1900 г. (период совместной школы Ажбе и Грабаря). Возможно, это упомянутый выше «мускульный человек», однако вряд ли гипсовую фигуру можно назвать «маской». Вероятнее всего, судя по названию, это именно гипсовые маски или же гипсовые головы, использовавшиеся как модели, которые вполне могли быть еще одним новшеством Грабаря, не имеющим отношения к основному курсу обучения Ажбе.

В проспекте 1900 г. четко указано, что обучение рисунку и живописи производится по живой модели. В остальных источниках и исследованиях гипсовые модели (фигуры, головы, маски) также не указываются как элемент метода. Н. М. Молева и Э. М. Белютин утверждают и полагают методическим недостатком, что ученики начинали учиться рисунку сразу с живой природы, а не с гипса, т. е. схематизировали живое тело, что потом мешало им в использовании знаний по анатомии. Авторы считают, что Антон Ажбе отказался от гипсов под влиянием современных веяний. Гипс считался «источником условности академического рисунка» из-за его идеальной белизны, которая приводила к условным тональным решениям, не существующим в природе. Также новаторов рубежа веков смущала неподвижность гипсовых моделей, отсутствие у них видимой мускулатуры и скелета. Антон Ажбе использовал вместо гипсов сразу живую природу, ставя для разных учеников на одной и той же модели разные задачи⁶⁸.

⁶⁵ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 151.

⁶⁶ Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 121.

⁶⁷ *Artifeks*. Op. cit. S. 77.

⁶⁸ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 35, 46.

Таким образом, очевидно, что основной курс обучения Ажбе не включал использование гипсовых фигур, голов и масок в качестве моделей, ученики сразу рисовали с живой натуры. Исключение составляет краткое время деятельности совместной школы Ажбе и Грабаря, когда, вероятнее всего, по инициативе последнего для начинающих был введен рисунок гипсовых масок.

Примечательно, что в школе Ажбе анатомия специально не изучалась, при этом известно, что Ажбе вел занятия по анатомии в дополнение к основному курсу⁶⁹.

В рамках основного курса педагог особенно настаивал на знании анатомии при рисовании головы и акта. Современность взглядов на искусство Ажбе хорошо иллюстрируется его советом В. В. Кандинскому: «Вы должны полностью овладеть анатомией, но перед мольбертом вам нужно о ней забыть»⁷⁰. Причина такого кажущегося противоречия кроется в своеобразии педагогического метода Ажбе. Он считал, что сначала нужно понять, как изображать объемную форму вообще, а после уже ознакомиться с анатомией, которая легко усвоится благодаря уже приобретенному чувству формы.

Обычно в школе Ажбе в течение дня позировали две-три модели. Некоторые из них по понедельникам приходили в студию сами, однако обычно их все же выбирали на бирже натурщиков, которая располагалась на лестнице Мюнхенской Академии художеств. Это происходило ранним утром, до начала занятий в студии Ажбе. Натуру для голов выбирал староста школы, а для обнаженной модели – сам Антон Ажбе. М. В. Добужинский вспоминает о большом разнообразии моделей, среди которых было и местное баварское население – «старики и старухи» и «довольно уродливые баварские девы», а также итальянцы и цыгане⁷¹. Время от времени в качестве натурщиков выступали даже африканцы. По сведениям, указанным В. В. Кандинским, модели получали в час от 50 до 70 пфеннигов⁷².

⁶⁹ Там же. С. 32, 34, 47.

⁷⁰ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 201.

⁷¹ *Добужинский М. В.* Указ. соч. С. 151.

⁷² *Кандинский В. В.* Указ. соч. С. 37.

Модели, позирующие для голов, обычно были одеты в простые широкие платья, часто – костюмы католических монахов и монахинь. Фигура ставилась на различных фонах для определения общей цветовой характеристики тела модели⁷³. Ажбе самостоятельно ставил натурщиков в определенную позу. Одна из его излюбленных поз выглядела так: «женская модель, изогнувшись, глядела на собственную пятку – пример элегантности». Мужская же обнаженная модель, к большому удивлению М. В. Добужинского, позировала без «фиговых листков» в отличие от моделей Петербургской Академии художеств⁷⁴.

В. В. Кандинский, плохо переносивший обстановку в школе Ажбе, называл натурщиков «дурнопахнущими, безучастными, лишенными выразительности, а часто и характера явлениями природы»⁷⁵.

В этой оценке была и доля истины, так как модели действительно могли быть маловыразительными и неинтересными. Ажбе «не обращал внимания и на экспрессию, то есть на выражение в физическом состоянии человека его душевных переживаний»⁷⁶. Нужно учитывать, что педагог специально ставил простые и статичные постановки для решения определенных изобразительных задач, чтобы не отвлекать учеников от их выполнения и построения формы на передачу мускульных усилий и движения. Так, для первых заданий Ажбе выбирал натурщиков с ясно видимым костяком – стариков и подростков, а потом уже ставил более сложную из-за своей аморфности женскую модель. Однако, несмотря на пользу от решения изобразительных задач, статичные и простые постановки Ажбе не давали глубокого знания анатомии, а учили лишь передаче зрительного впечатления от формы тела. Из-за любви педагога к женским моделям и «понимания мускулов как орнамента, заслоняющего конструкцию масс»⁷⁷, в работах учеников на-

⁷³ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 34, 72.

⁷⁴ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 151.

⁷⁵ Кандинский В. В. Указ. соч. С. 37.

⁷⁶ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 34.

⁷⁷ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 60.

блюдалась определенная упрощенность трактовки рисунка тела. Можно предположить, что именно эта тенденция привела многих из них к беспредметному искусству, в чем, безусловно, была и педагогическая заслуга Антона Ажбе, не ставившего анатомию во главу угла.

Таким образом, овладение анатомией оставалось на усмотрение учащихся, которые при желании занимались ею самостоятельно⁷⁸. М. В. Добужинский, описывая процесс обучения, отмечал, что, помимо занятий в мастерской, «ученики ходили и в анатомический театр, в университет, на вскрытия», однако его туда не тянуло, так как еще во время обучения в Петербурге он получил к этому отвращение⁷⁹. В. В. Кандинский, так же испытывавший стойкое неприятие к живой натуре, все же его отчасти преодолел и счел необходимым заняться анатомией, для чего прослушал два курса, мучаясь вопросами взаимоотношения анатомии и искусства. Итогом этих размышлений стало осознание, что «все целесообразно безобразное и в произведении искусства – прекрасно»⁸⁰.

Перспектива, которая, судя по проспекту, как и анатомия, объяснялась исключительно во время корректуры, не была выделена в особый образовательный раздел и изучалась только в связи с сокращением человеческого тела при изображении⁸¹. Композицией так же почти не занимались, задания по ней представляли собой обыкновенные этюды с натуры. Дело в том, что Антон Ажбе отошел от трактовки композиции в том виде, в каком она преподавалась в Академии художеств, раскрепостил ученика от канонов, но не противопоставил им ничего своего, нового. При том, что и в Академиях к композиции тоже относились не слишком серьезно, в зависимости от задачи каждого конкретного сюжета, однако свод правил в них все же был. Ажбе не видел в композиции метода объективного познания действительности. Происходила некая абсолютизация рисунка

⁷⁸ Там же. С. 34, 47, 59–60.

⁷⁹ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 151.

⁸⁰ Кандинский В. В. Указ. соч. С. 43.

⁸¹ Mesesnel F. Op. cit. S. 2–3.

и живописи, что ставило мюнхенскую школу Ажбе на уровень школы профессионального мастерства и приводило к исторической ограниченности метода, а также его противоречивости⁸².

Быть может, именно поэтому К. С. Петров-Водкин, емко и образно воспроизводя обстановку в студии, дает интересную характеристику своим преуспевающим сокурсникам: «Самые талантливые люди в мастерской были и самые манерные. Они, правда, выбились из общего сходства со всеми, но в них чувствовались некоторая неискренность и признаки эпатирования товарищей»⁸³. М. В. Добужинский также поделился наблюдением относительно влияния педагогической системы Ажбе на своих соучеников: «<...> те, кто очень давно сидели у Ашбе, делались на одно лицо и впадали в шаблон»⁸⁴.

Однако не стоит делать поспешных критических выводов об эффективности методов словенского педагога и роли школы Ажбе, так как необходимо понимать, что она являлась большой и сложной организацией, возглавляемой по сути, всего лишь им одним. Как и у любой организации, у школы были сильные и слабые стороны, а также был процент довольных и недовольных преподаванием. Также нужно учитывать, что, чем крупнее организация, тем труднее держать ее под контролем и не допустить досадных недоразумений, например, таких как переполненные классы – обратная сторона популярности. Кроме того, в процессе критического осмысления системы, применявшейся в Мюнхенской Академии художеств, отрицались и некоторые ее положительные качества, такие как использование гипсов, изучение композиции и другие, что не могло не привести к некоторой ограниченности метода. Важно, что Антон Ажбе все же оставлял некие опорные точки и считал необходимым не только запечатлевать увиденную форму, как импрессионисты, но и предварительно разобраться в ее сути. Для Ажбе было важно, чтобы ученики в процессе овладения рисунком развивали чувство формы и достигали объемности изображения, а в

⁸² Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 35–36, 62.

⁸³ Петров-Водкин К. С. Указ. соч. С. 394.

⁸⁴ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 152.

процессе овладения живописью – воспитывали у себя хорошее видение цвета⁸⁵.

М. В. Добужинский в итоге дал объективную положительную характеристику роли мастерской Ажбе и самого педагога, пояснив, что «в ту пору школа Ашбе была на вершине славы, и система его преподавания была, особенно для начинающих, очень полезна и являлась по сравнению с академиями тогда действительно “новым словом”. Педагог Ашбе был очень умелый»⁸⁶. А Надежда Петрович в конце 1898 г. писала родным об Ажбе: «<...> в моих глазах он на такой высоте, на какой был Рафаэль в свое время»⁸⁷.

---

⁸⁵ Молева Н. М., Белютин Э. М. Указ. соч. С. 25–28, 30.

⁸⁶ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 149.

⁸⁷ Цит. по: *Ambrožič K.* Op. cit. S. 200.

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах и переводчиках

Бобич Павлина – доктор философии (PhD), Учебный центр национального примирения (Любляна, Словения).

Бодрова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, стипендиатка Фонда Александра фон Гумбольдта (Университет Гамбурга, ФРГ).

Бондарев Никита Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН).

Грдина Игорь – доктор филологических наук, доктор исторических наук. Научный советник Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (Любляна) и профессор университета Alma Mater Europaea (Марибор).

Кирилина Любовь Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи в рамках Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время ИСл РАН.

Котов Виктор Викторович – младший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи в рамках Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время ИСл РАН.

Кузьмичева Людмила Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Лобачева Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн ИСл РАН.

Мерецкая Юлия Сергеевна – искусствовед, независимый исследователь (Москва, Россия).

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор ИСл РАН.

Осет Желько – доктор философии (Phd). Старший научный сотрудник Американско-словенского образовательного центра (Любляна), исследователь Института истории Венгерской академии наук (Будапешт).

Пилько Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн ИСл РАН.

Пирьевец Йоже – академик Словенской академии наук и искусств (Любляна, Словения). Научный советник Научно-исследовательского центра Копер (Копер, Словения).

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, заведующий Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Институт славяноведения Российской академии наук РАН, профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Чепелевская Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов ИСл РАН.

Шахин Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA V

РЕСПУБЛИКА СЛОВЕНИЯ: ПУТЬ
К НЕЗАВИСИМОСТИ

Утверждено к печати

*Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 27.06.2023)*

Главный редактор

К. В. Никифоров

Ответственный редактор

Н. С. Пилько

Компьютерная верстка

В. В. Павлова

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Фотоматериалы, использованные при оформлении обложки,
заимствованы из следующих источников:
Slovenski zgodovinski atlas, Ljubljana 2011
www.dlib.si
www.wikipedia.org

Подписано в печать 25.10.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 18,5 печ. л.

Заказ №

Тираж 100 экз.